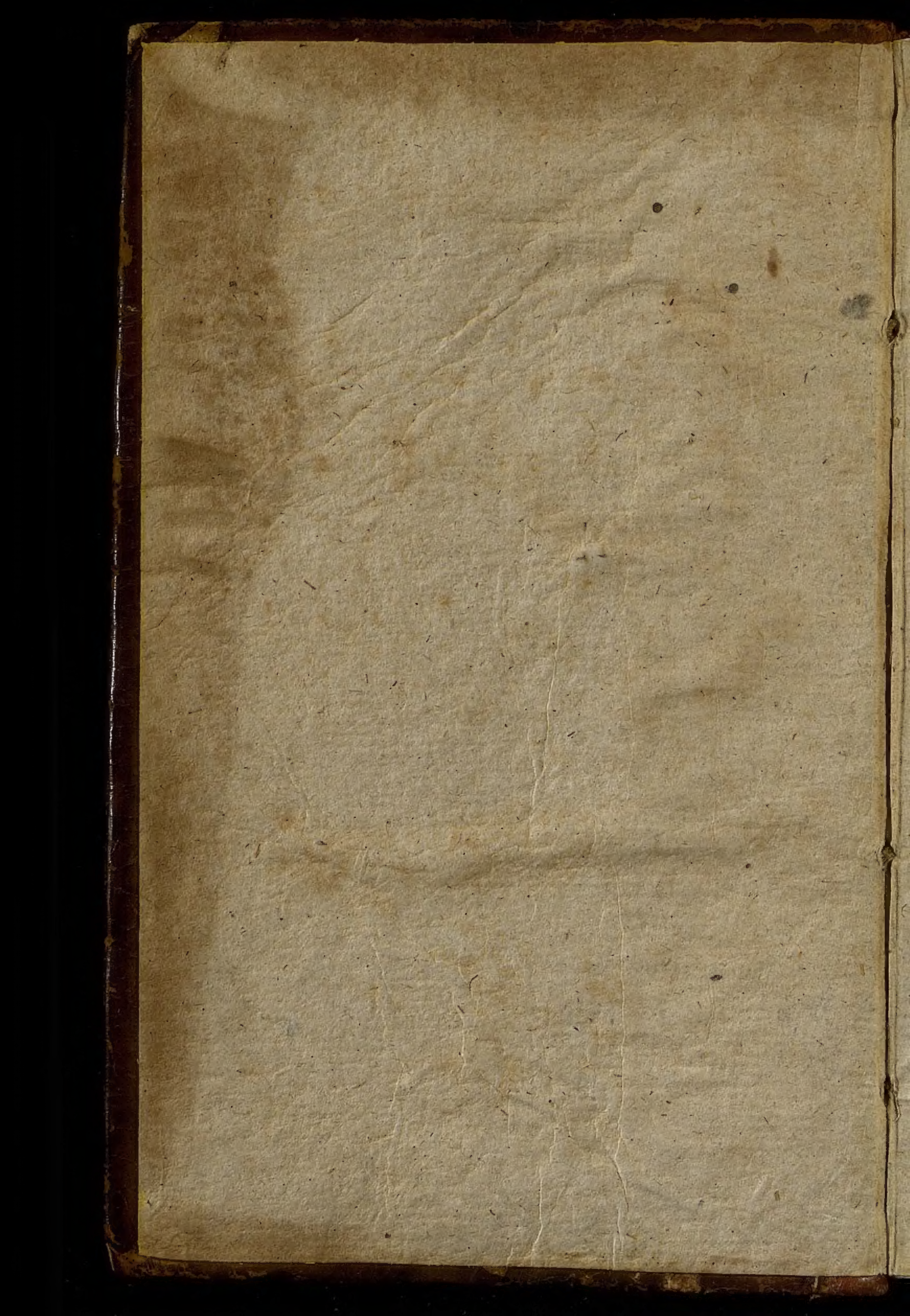
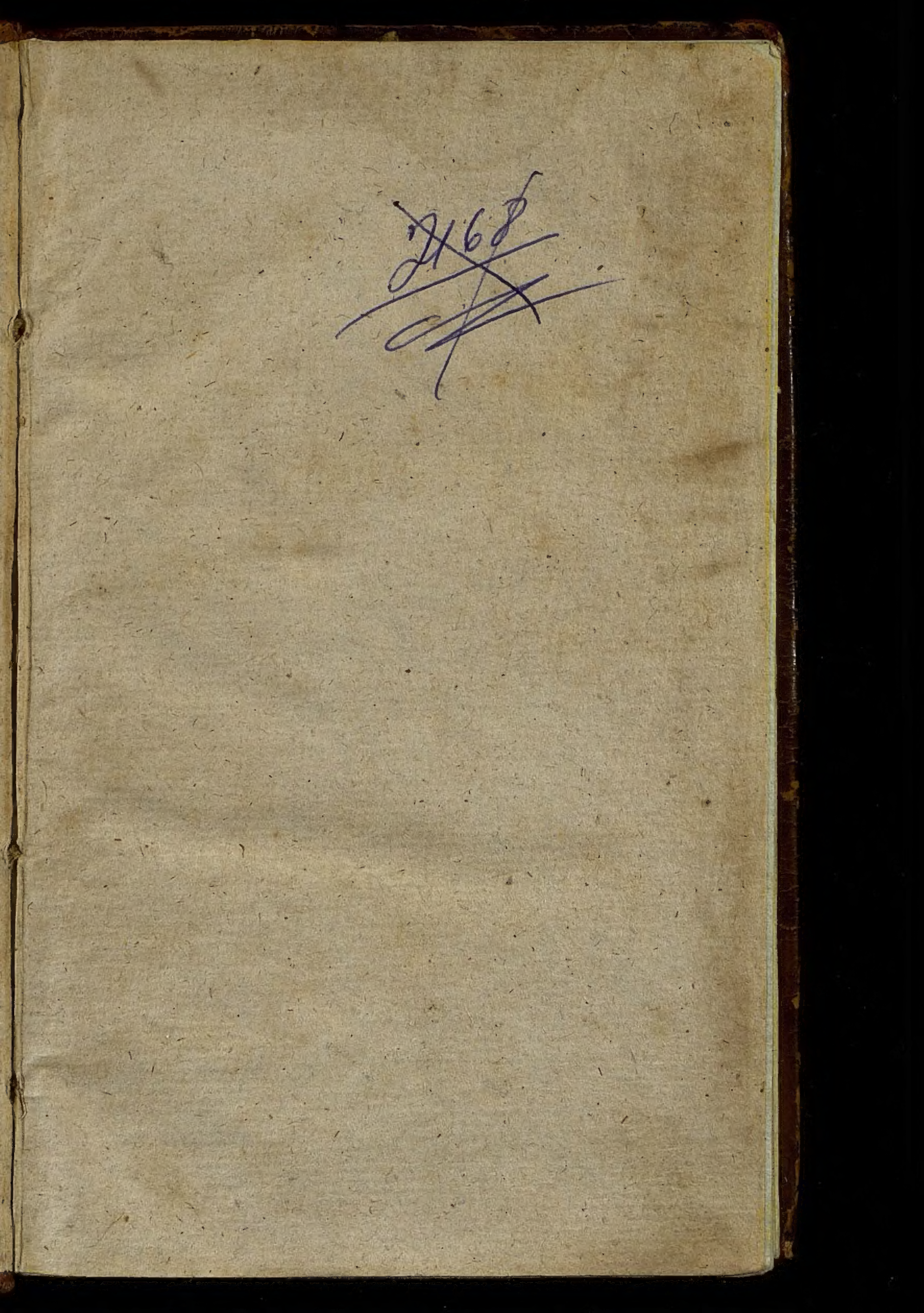
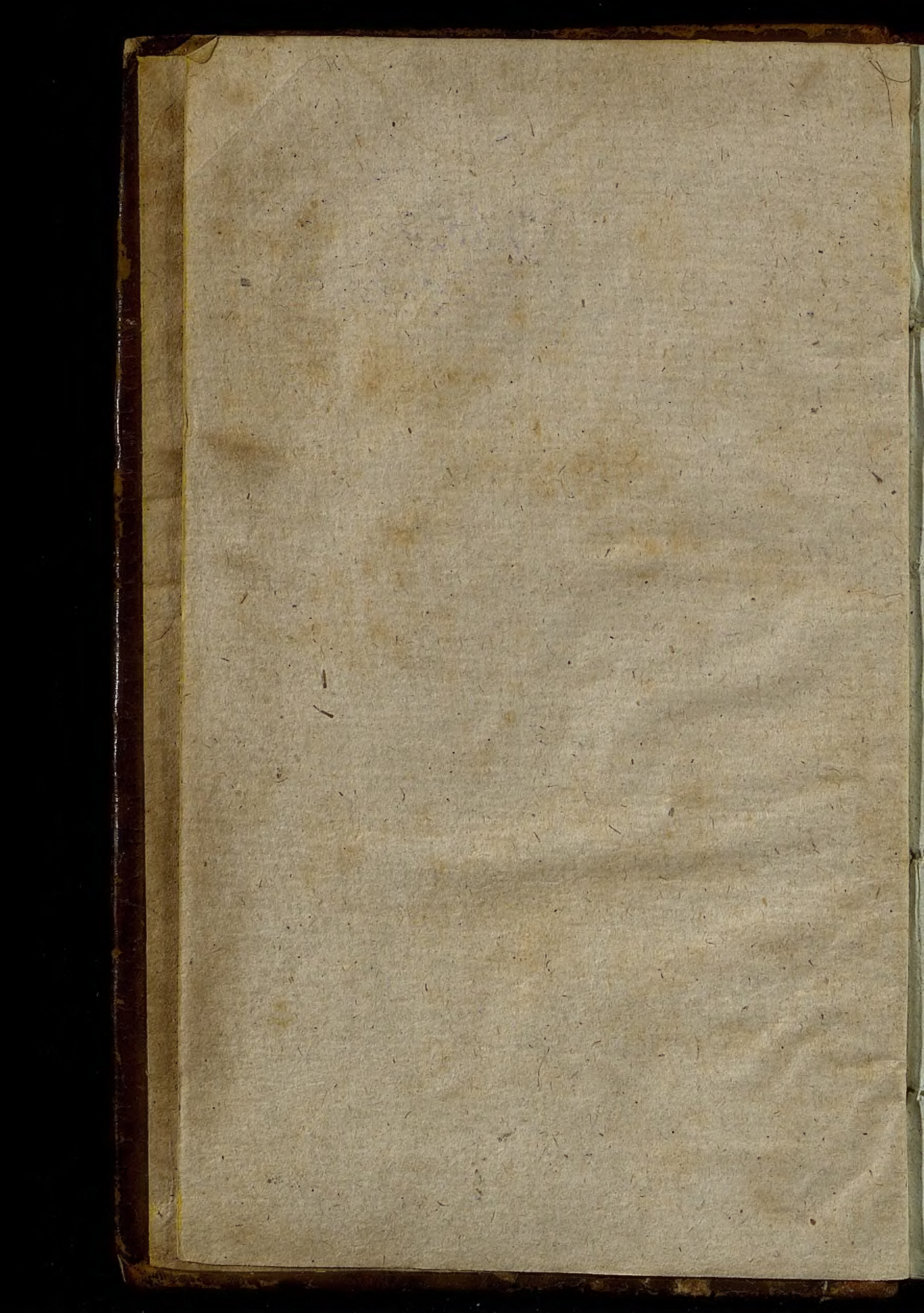


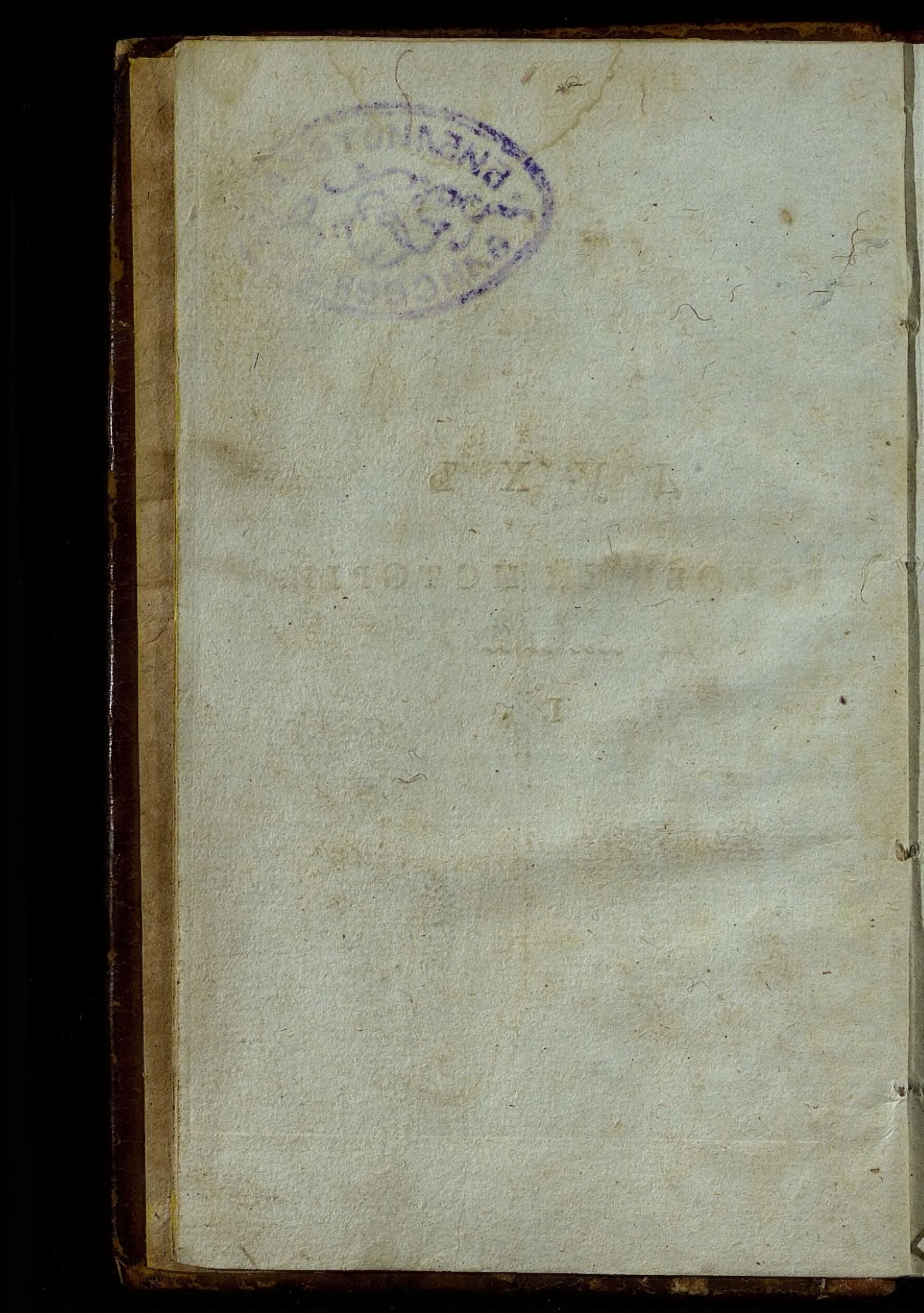


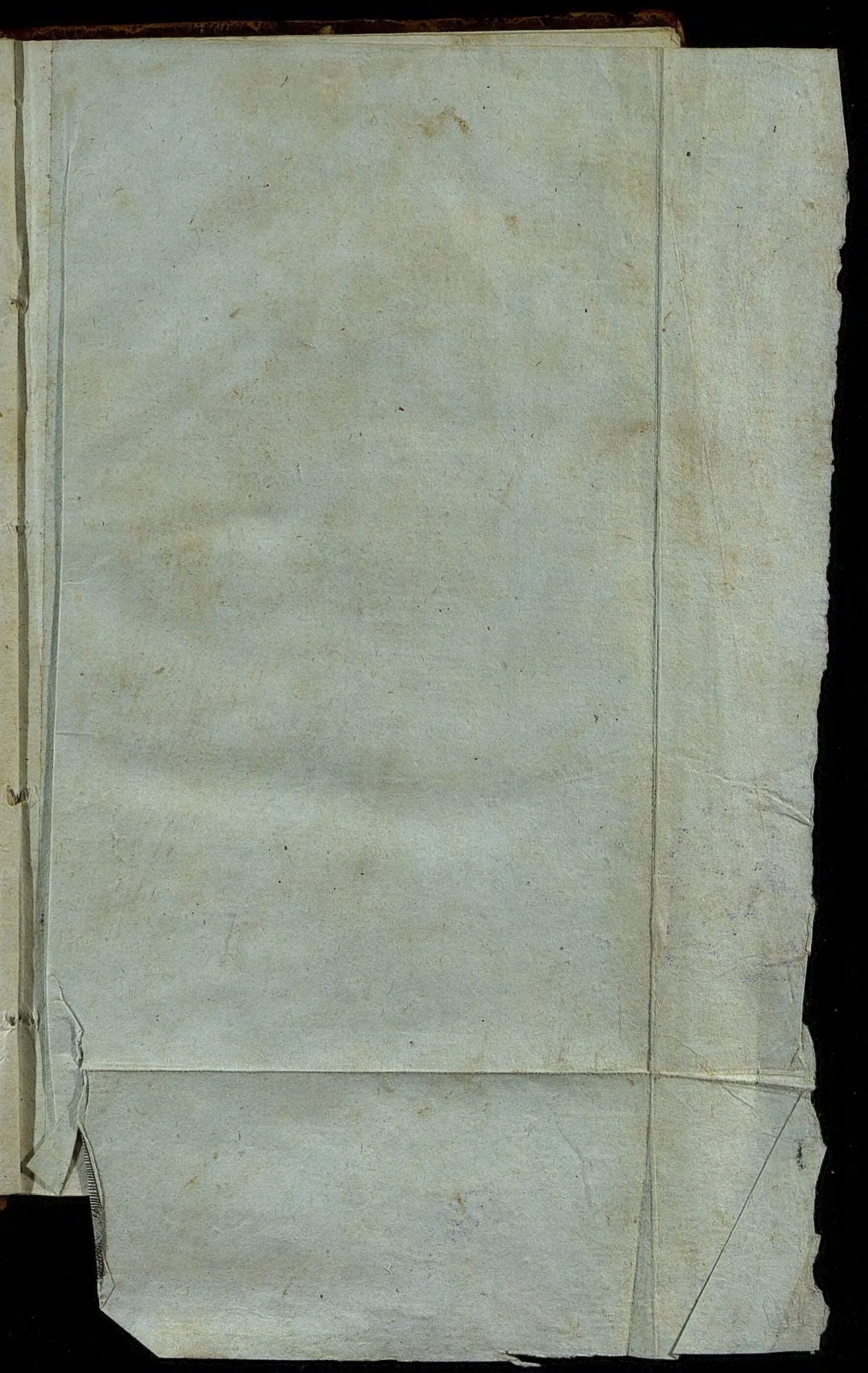


ДУХЪ

ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

I.





рос-сія.
рим-ская импе-рія
тур-ція.
Ки-тай
Фра-нці-я.
Ан-глія

ДУХЪ
ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ
ОТЪ ОСЬМАГО ДО ОСЬМНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ,

ИЗОБРАЖАЮЩІЙ УСПѢХИ ОБЩЕСТВА ВЪ ТЕЧЕНІЕ СЕГО ПЕРІОДА ВО НРАВАХЪ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВѢ.

СОЧИНЕНІЕ ГЕОРГА ТОМСОНА,

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

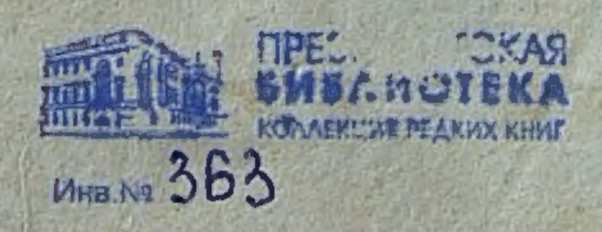
Перевели съ Англійскаго

Александръ и Степанъ Л[illegible]ы.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.

1811.

С҄ одобренія Ценсурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.



ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ

ГОСУДАРЮ,

ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ,

САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССІЙСКОМУ,

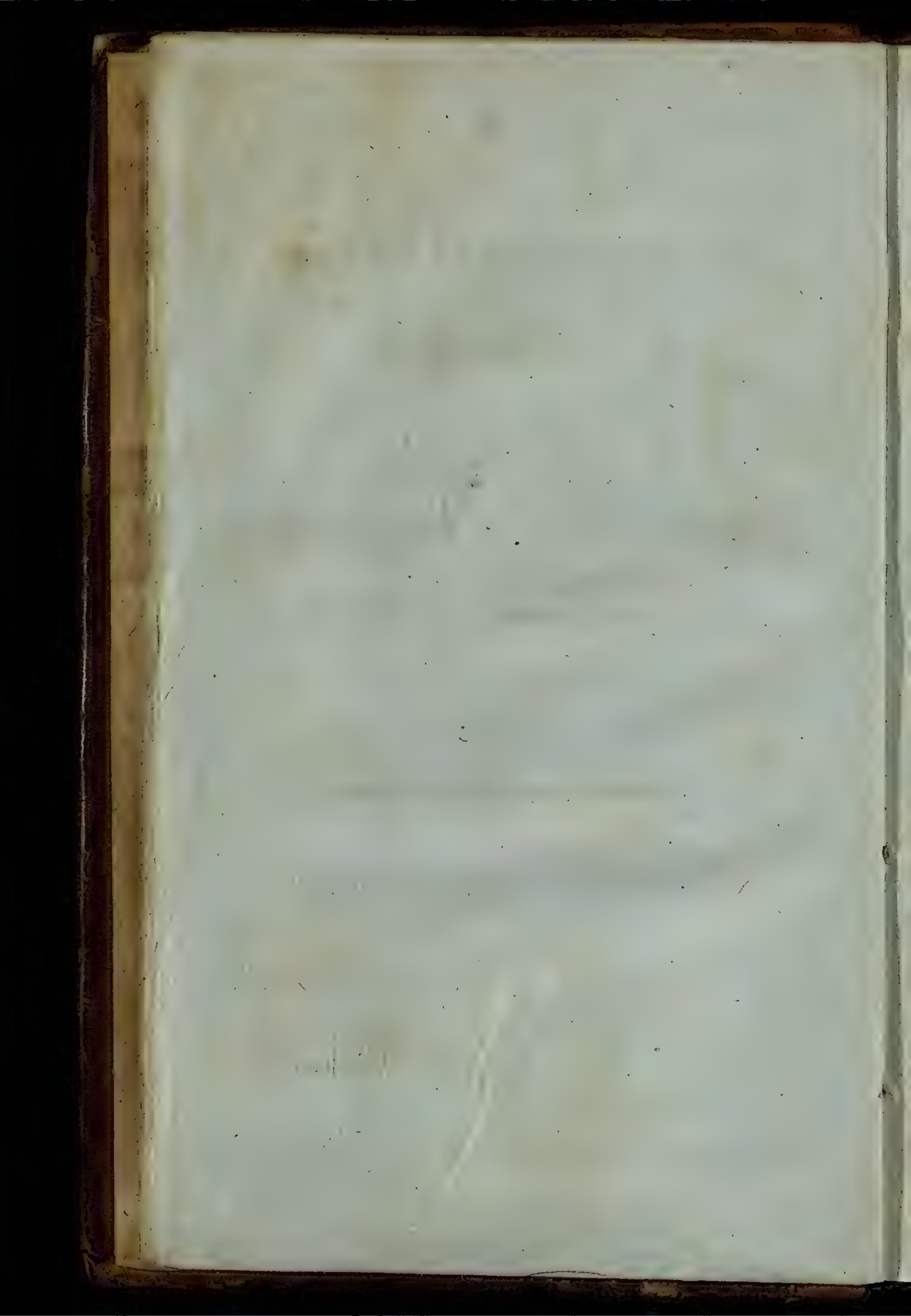
съ благоговѣніемъ подносятъ

вѣрноподданные

Александръ Лазаревъ

и

Степанъ Лазаревъ.



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Между многими усовершенствованіями осьмагонадесять столѣтія успѣхи въ Историческихъ сочиненіяхъ занимаютъ первое мѣсто. Великіе люди, одаренные геніемъ и философическимъ разсудкомъ, разсѣяли хаосъ и, слѣдуя по пути, до тѣхъ поръ неизвѣстному, разрушили всѣ ложныя выдумки и мечты Лѣтописцевъ. Имѣя дарованія, соразмѣрныя съ предпринимаемымъ ими дѣломъ, они отдѣлили золото отъ грубой смѣси и распространили свѣтъ истинны въ пространствахъ мрака и заблужденія. Послѣдовавшіе за ними Историки, не довольствуясь однимъ голымъ повѣствованіемъ приключеній, старались изыскивать причины всѣхъ описываемыхъ ими произшествій, и открывши ихъ наконецъ въ страстяхъ и личныхъ выгодахъ людей, показали намъ истинныя побужденія, управлявшія поступками тѣхъ, которые играютъ важныя роли въ Исторіи народовъ. Посред-

ствомъ сего открываемъ мы, сколь несправедливо было то уваженіе, которое имѣли мы къ нѣкоторымъ лицамъ, и начинаемъ удивляться тѣмъ, коихъ до того времени презирали. Таковы суть творенія *Гюма*, *Робертсона*, *Гиббона*, *Галлиса* и многихъ другихъ, какъ Британскихъ, такъ и иностранныхъ Историковъ, которые, повѣствуя какъ Философы, а не такъ какъ простые лѣтописцы, содѣлали сочиненія свои занимательными и наставительными картинами для человѣческаго ума.

Но естьлибъ люди старались образовать характеры свои по тѣмъ образцамъ народныхъ характеровъ и свойствамъ нѣкоторыхъ лицъ, каковые представляетъ намъ Исторія; естьлибъ они оказывали такое же рвеніе въ исполненіи обязанностей, сопряженныхъ съ ихъ должностями: тогда на землѣ нашей произошелъ бы чрезвычайный переворотъ. Тогда изчезли бы вражды народныя; честолюбіе и жадность къ завоеваніямъ не проливалибъ болѣе человѣческой крови; правительства сдѣлались бы мудрыми и умѣренными, а общества былибъ свободны и щастливы; тогда любовь къ согласію и

взаимному благоденствію соединилабъ людей сладостными своими узами. Да не почитаемъ сію перемѣну несбыточною мечтою, пустымъ фантомомъ, который можетъ существовать единственно въ Платоновой республикѣ. Не льзя сказать, чтобы она была совершенно неисполнительна; по крайней мѣрѣ можнобъ было испытать привести ее въ дѣйство. Для исполненія же сего спасительнаго предпріятія необходимо потребнобъ было имѣть всеобщее согласіе на то, чтобы изученіемъ Исторіи человѣческаго рода наставлять возникающее поколѣніе въ правилахъ общей любви и благосостоянія, кои очищаютъ умъ отъ предразсудковъ и предубѣжденій и повелѣваютъ намъ почитать человѣческій родъ вообще, какъ нашихъ братій, не взирая ни на какія политическія или церковныя различія.

Неоспоримо, что таковый планъ, естьлибъ онъ былъ принятъ Европейскими народами, не могъ бы способствовать къ образованію воиновъ, но за то весьма много споспѣшествовалъ бы къ усовершенію об-

щества, къ содѣланію членовъ его разумнѣйшими, добродѣтельнѣйшими и щастливѣйшими; равнымъ образомъ онъ содѣйствовалъ бы къ разсѣянію заблужденій, кои суть единственныя причины и источники всѣхъ злоупотребленій: ибо каждое преступленіе, сдѣланное какимъ нибудь человѣкомъ или цѣлыми народами, есть слѣдствіе несправедливаго разщета ума; сверхъ того, естьлибъ знаніе вещей, полезныхъ благу общества, сдѣлалось всеобщимъ, то сіе произвело бы всеобщее благо. Но дабы произвести сію столь желанную перемѣну, необходимо нужнобъ было, чтобы какой-нибудь человѣкъ, одаренный талантами, равно великими, какъ и предлежащее дѣло, начерталъ начальныя основанія всеобщей Исторіи. Сіе сочиненіе должно содержать въ себѣ не только вѣрное повѣствованіе произшествій, но въ тоже время представлять взорамъ Читателя истинную картину народовъ и правленій. Въ немъ должны быть опредѣлительно означены тѣ достопамятныя эпохи, которыя, подобно возвышенностямъ, съ коихъ можно видѣть отдаленные предметы, показываютъ намъ

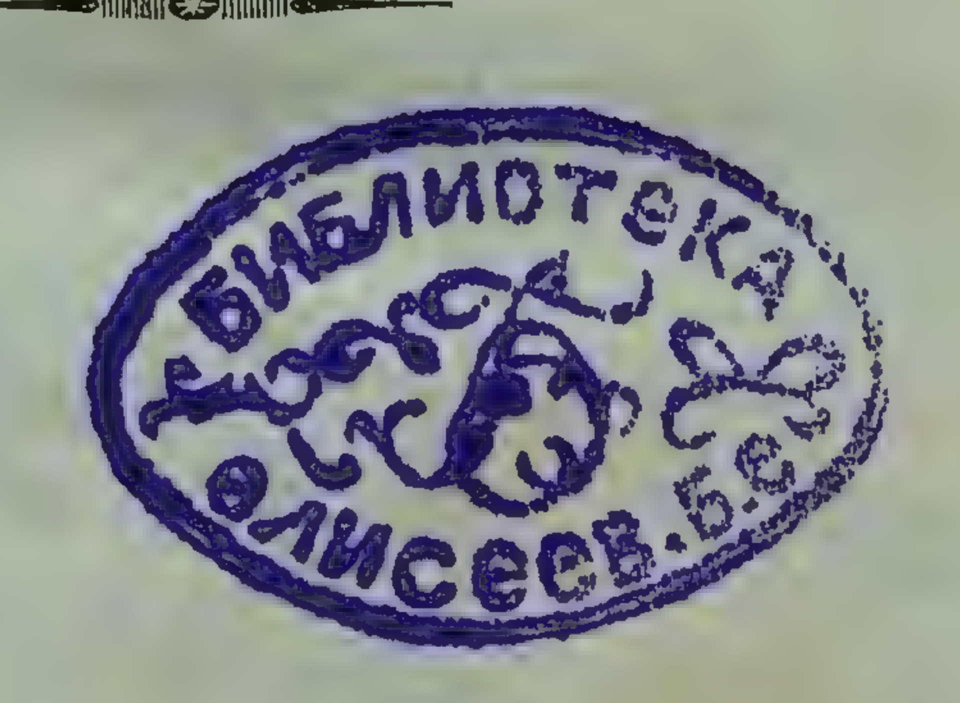
длинную цѣпь произшествій, тѣсно связанныхъ между собою. Въ немъ должно быть объяснено; какимъ образомъ нерѣдко случалось, что однѣ мысли какого-нибудь человѣка съ отличными дарованіями давали иногда совершенно новый видъ обществу. Въ немъ должны быть разкрыты причины, которыя имѣютъ величайшее вліяніе на нравы народовъ, какъ-то: образъ правленія, законы, примѣръ знатныхъ людей, торговля, климатъ и религія; послѣднюю изъ сихъ причинъ можно сравнить съ тою полезною и вмѣстѣ пагубною стихіею, которая освѣщаетъ и грѣетъ, сожигаетъ и разрушаетъ. Въ семъ сочиненіи, говорю я, Авторъ долженъ изобразить пороки и бѣдствія людей истинными и разительными красками, и въ тоже время, посредствомъ привлекательнаго представленія добродѣтели, долженъ стараться убѣдить Читателя, чтобы онъ прилѣпился къ ней со всею горячностію непритворной любви. Система Исторіи, которая будетъ заключать въ себѣ таковыя подробности и будетъ изучаема съ философическимъ расположеніемъ ума, могла бы

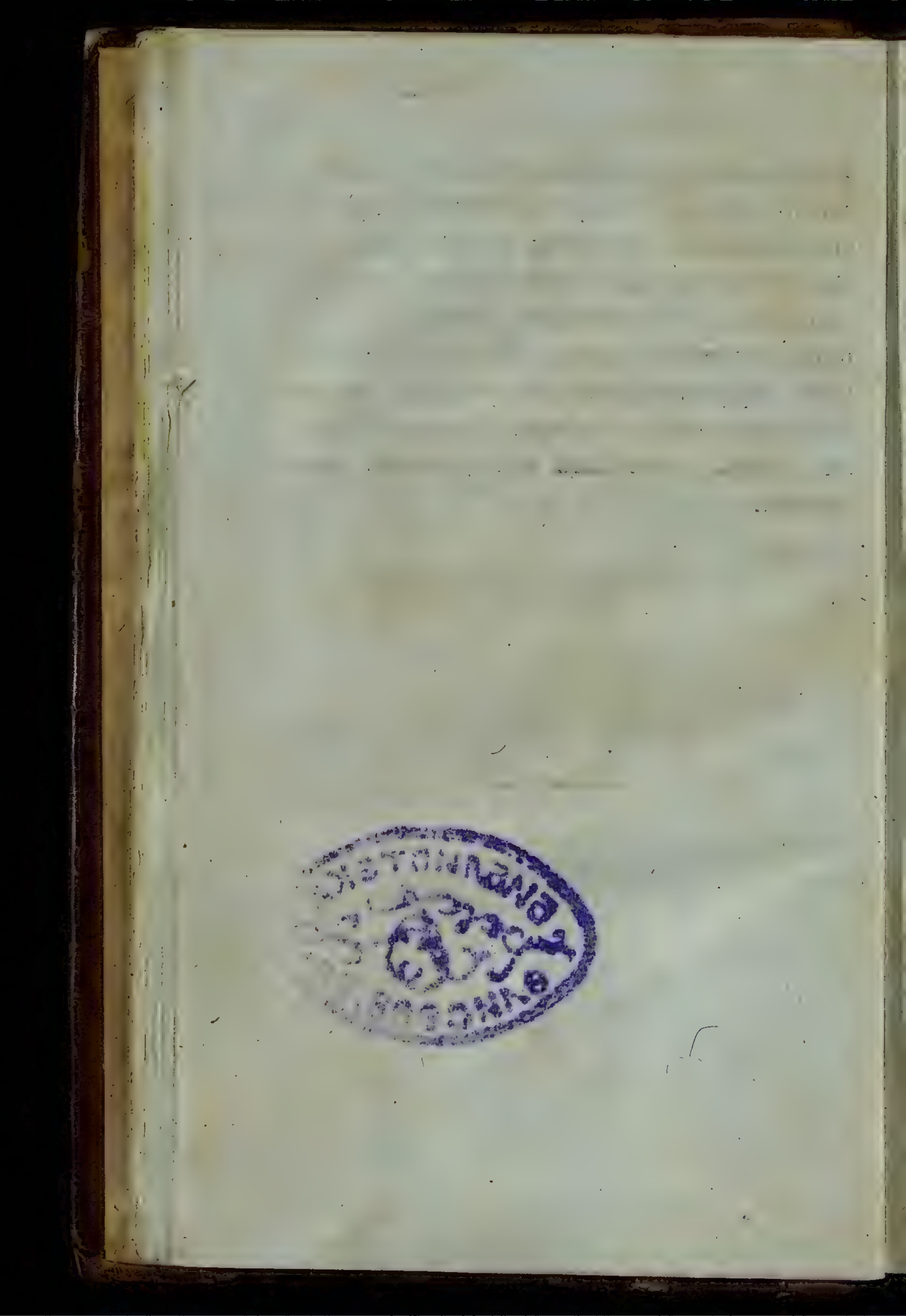
составить полный курсъ нравственнаго воспитанія.

Будетъ ли слѣдующее сокращеніе всеобщей Исторіи хотя въ нѣкоторой степени отвѣтствовать сему благодѣтельному намѣренію, или нѣтъ, предоставляю сужденію благоразумныхъ Читателей. По крайней мѣрѣ могу увѣрить ихъ съ своей стороны, что оно писано языкомъ истинны; а сіе, надѣюсь, послужитъ мнѣ извиненіемъ въ погрѣшностяхъ противъ пріятностей, легкости и красоты слога. Естьли какая-нибудь причина, споспѣшествовавшая нѣкогда къ совершеннѣйшему образованію гражданскаго и духовнаго состоянія людей, была мною упущена, то сіе произошло не отъ чего инаго, какъ только отъ опасенія, что она имѣла слишкомъ отдаленное отношеніе къ повѣствуемымъ произшествіямъ. Слѣдующее правило, „что Историкъ долженъ, такъ сказать, отрещись „отъ отечества и отъ всякаго пристра„стія къ какой-нибудь сектѣ," въ точности вездѣ наблюдено. Истинна была единственною цѣлію Автора, и къ ней стре-

мился онъ, не слѣдуя никакимъ политическимъ или духовнымъ системамъ. Надѣюсь, что любители Исторіи съ удовольствіемъ примутъ предлагаемыя здѣсь начальныя основанія о постепенномъ состояніи новѣйшихъ народовъ; книгу сію могутъ читать, какъ пріуготовленіе къ изученію твореній тѣхъ отличныхъ Мужей, которые простерли гораздо далѣе свои историческія изслѣдованія.

Авторъ.





ОГЛАВЛЕНІЕ
ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ГЛАВА.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ВСТУПИТЕЛЬНОЙ ГЛАВЫ.

ГЛАВА II.

ГЛАВА III.

ДУХЪ

ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ

ОТЪ ОСЬМАГО ДО ОСЬМНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ГЛАВА.

Употребленіе и польза Исторіи; — какимъ образомъ должно учиться ей; — Исторія новѣйшихъ народовъ полезнѣе, нежели Исторія древняго свѣта; — знаніе послѣдней необходимо для изученія первой; — сокращеніе Исторіи древнихъ народовъ и проч.

Исторія человѣческаго рода есть неисчерпаемый источникъ разумнаго занятія и полезнаго наставленія. Происхожденіе, успѣхи и упадокъ народовъ; причины сихъ произшествій; переходъ общества отъ варварства къ образованности, отъ грубыхъ и дикихъ къ благороднѣйшимъ и утонченнѣйшимъ нравамъ; постановленіе законовъ и начало свободы, или деспотизма и рабства; пагубныя дѣйствія пороковъ и благія слѣдствія добродѣтели; все

сїе, столь занимательное для тѣхъ, кои посредствомъ отличительныхъ поступковъ хотятъ быть полезными въ жизни, изображаетъ Историкъ въ совершенной полнотѣ.

Сама Природа внушила человѣку желанїе выдти изъ невѣжества, и чрезъ изученїе того, что ему неизвѣстно, расширить сферу своихъ познанїй. Исторїя можетъ въ полной мѣрѣ удовлетворить сему желанїю, такъ что, изъ одного ли только любопытства, или отъ дѣйствительной жажды къ познанїю будемъ мы пересматривать Исторїю прошедшихъ дѣянїй, умъ нашъ во всякомъ случаѣ получитъ нѣкоторую степень усовершенствованїя и вмѣстѣ удовольствїе. Однако же между тѣмъ, кто читаетъ Исторїю болѣе для удовлетворенїя пустаго любопытства, и тѣмъ, который занимается ею для своего умственнаго образованїя, находится весьма ощутительное различїе: первый, удовлетворивъ своему желанїю, конечно получитъ удовольствїе, но никогда не прїобрѣтетъ того познанїя, которое необходимо для образованїя и очищенїя ума; послѣднїй же, образуя умъ свой, въ тоже самое время наслаждается и удовольствїемъ и заготовляетъ въ своей памяти сокровища, — т. е. истинныя правила, какимъ образомъ дол-

тно поступать въ жизни. Въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что можно прочесть нѣсколько страницъ въ день, можно пересмотрѣть произшествія цѣлаго столѣтія въ гораздо меньшее время, нежели сколькобъ нужно было для того, чтобъ пройти милю; можно перечитать многіе томы, и при всемъ томъ — быть совершенно незнакомымъ съ людьми и вещами. Кто въ состояніи изчислить по именамъ народы, появлявшіеся и дѣйствовавшіе со славою на театрѣ міра; кто въ состояніи точно означить время ихъ происхожденія, періоды ихъ успѣховъ и упадка, завоевателей, бывшихъ бичами человѣчества и преисполнившихъ землю бѣдствіями войны: тотъ, говорю, можетъ возбудить удивленіе своими историческими свѣденіями. Но естьли онъ будетъ знать только происхожденіе и упадокъ народовъ, подвиги славныхъ воиновъ, время, когда происходило такое-то или другое сраженіе, кѣмъ оно было выиграно и сколь велико было число раненыхъ и убитыхъ въ каждой арміи; когда славные въ древности города были основаны, кѣмъ взяты и разорены; естьли онъ, говорю, будетъ въ состояніи дать подробный объ этомъ отвѣтъ, и не смотря на то оставаться въ невѣденіи о причинахъ, которыя произвели сіи

произшествія, или будетъ почитать ихъ недостойными своего вниманія: то симъ покажетъ, что онъ занимается Исторіею безъ всякой хорошей цѣли.

Философы и Политики читаютъ лѣтописи народовъ и нѣкоторыхъ лицъ совсѣмъ съ другимъ намѣреніемъ: они занимаются Исторіею человѣческаго рода не для удовлетворенія пустаго любопытства, но для обогащенія ума своего полезными познаніями. Хотя картины кровопролитій безъ сомнѣнія возбуждаютъ въ нихъ болѣе отвращенія, нежели удовольствія, однако же и онѣ приносятъ имъ большую пользу; ибо видя, что всѣ сіи кровопролитія раждались отъ честолюбія, гордости и мщенія дѣйствовавшихъ на умы людей, они пріобрѣтаютъ новое познаніе о человѣческомъ сердцѣ. Наружный блескъ описанія какого нибудь сраженія или осады можетъ казаться для нихъ занимательнымъ тогда только, когда они тщательно слѣдуютъ за Историкомъ въ его изображеніяхъ характеровъ народовъ и великихъ людей; въ его изслѣдованіяхъ причинъ, отъ которыхъ произошли тѣ произшествія; въ его описаніяхъ произхожденія законовъ и правленій, начала просвѣщенія, образованія нравовъ, рожденія искусствъ и наукъ.

Какъ знаніе людей и предметовъ служитъ наставительнымъ занятіемъ для здравомыслящаго ума, и какъ никто не хотѣлъ бы оставаться въ совершенномъ невѣденіи о младенческомъ состояніи народовъ: то нѣкоторые отличные мужи, одушевляемые рвеніемъ къ распространенію полезныхъ знаній, употребляли для сей благодѣтельной цѣли въ разныя времена и различныя средства; самое же важнѣйшее изъ оныхъ есть Исторія. „Исторія, (скажемъ „словами одного глубокомысленнаго Писателя) „сей вѣрный и истинный очевидецъ, разкрылась предъ нами; въ картинѣ протекшихъ „вѣковъ и поколѣній представила намъ множество примѣровъ, достойныхъ подражанія; „представила намъ прекрасное и безпристрастное изображеніе того вліянія, которое имѣли всегда на дѣла человѣческія наблюденіе правоты и добродѣтели, или пренебреженіе оныхъ. „Кисть Исторіи описала намъ людей не только „въ общественномъ ихъ состояніи, но также и „нѣкоторыхъ отличныхъ мужей въ особенности, „въ настоящемъ ихъ видѣ и одушевленныхъ „истинными и натуральными красками; открыла намъ поразительное собраніе картинъ, „служащихъ для нашего занятія и наставленія. „Наблюдая характеры народовъ, и великихъ лю-

„дей, мы воображаемъ себя прогуливающимися „въ пространной галлереѣ портретовъ много„численной фамиліи, и смотря на разнообраз„ныя черты сего родства, чувствуемъ большое „удовольствіе, сравнивая сходство и различіе „ихъ между собою *); и въ то же время, какъ „бы переносясь назадъ по теченію времени, мы „находимъ въ нихъ, хотя давно уже сокрыв„шихся, пріятныхъ и поучительныхъ для себя „товарищей **).“

Естьлибъ я хотѣлъ сдѣлать опредѣленіе Исторіи, то сказалъ бы оное словами одного древняго Историка, приведенными нѣкоторымъ знаменитымъ Писателемъ: „Исторія есть фи„лософія, которая подъ видомъ примѣровъ даетъ „намъ наставленія, какимъ образомъ должно „вести себя во всякомъ положеніи частной и „общественной жизни ***); или, Исторія есть „вѣрное изображеніе того, что происходило на „обширномъ театрѣ свѣта, и истинное описа„ніе характеровъ дѣйствовавшихъ лицъ.“ Но дабы познать Исторію такъ, какъ предписываетъ сіе опредѣленіе, для сего потребно философическое расположеніе ума и внимательное

*) Овидіевы Превращенія, книг. 2.

**) Гуниперовы біографическіе уроки.

***) Діон. Галикарн. приводимый Болиномъ въ его Истор. урокахъ.

разсматриванїе характеровъ народовъ и нѣкоторыхъ людей въ особенности, въ томъ видѣ, каковыми изображаетъ намъ ихъ Историкъ, и равнымъ образомъ порядка или цѣпи произшествїй, имъ повѣствуемыхъ. Обратишвъ надлежащее на сїи предметы вниманїе, мы можемъ оказать быстрые успѣхи въ самыхъ полезнѣйшихъ частяхъ ученїя, и со временемъ содѣлаться способными отправлять различныя званїя въ жизни съ пользою для Государства и большею для самихъ себя честїю. Однимъ словомъ, посредствомъ тщательнаго наблюденїя и сохраненїя въ памяти великихъ народныхъ переворотовъ, произшедшихъ по предопредѣленїю Всемогущаго, и различныхъ успѣховъ общества, сдѣланныхъ имъ въ продолженїе сихъ самыхъ переворотовъ; посредствомъ тщательнаго изслѣдованїя многихъ и часто совершенно противоположныхъ между собою причинъ, споспѣшествовавшихъ къ произведенїю одного только дѣйствїя, или одной причины, произведшей многїя дѣйствїя; посредствомъ внимательнаго разсматриванїя характеровъ тѣхъ людей, которые играли важнѣйшїя роли въ обществѣ, съ какимъ намѣренїемъ поступали они такимъ или другимъ образомъ, и какїя страсти управляли ими въ сихъ поступкахъ: посредствомъ сего,

говорю я, можно съ большею пользою заниматься изученiемъ Историковъ.

Хотя Исторiя есть преимущественно школа Государей и тѣхъ великихъ Особъ, коимъ Провидѣнiе поручило управленiе народовъ; однакоже и самые тѣ люди, которые ведутъ частную жизнь, естьли захотятъ они съ пользою отправлять порученныя имъ должности, не должны нерадѣть объ обогащенiи ума своего познанiями, которыя могутъ они почерпнуть изъ сего источника. Ибо, естьлибъ даже предположить, что изученiе Исторiи прошедшихъ столѣтiй, такжe какъ и дѣянiй тѣхъ людей, которые прежде насъ существовали, сопряжено было съ тою только пользою, что изъ примѣровъ и опытовъ другихъ научаемся мы мудрости: то и одна такая польза была бы уже чрезвычайно важною. Часто, особенно же вступая на театръ свѣта, находимся мы въ такихъ положенiяхъ, которыя вовсе для насъ новы и совершенно отличны отъ тѣхъ, въ какихъ мы до того времени бывали: въ такомъ случаѣ люди, которымъ неизвѣстно, какимъ образомъ другiе поступали въ подобныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ, должны имѣть необыкновенный разсудокъ и принимать большiя предосторожности, чтобы не сдѣлать ошибки и не под-

вергнуться какому нибудь нещастїю, которое, что легко можетъ случиться, имѣлобъ пагубныя слѣдствїя на будущее ихъ поведенїе.

Мы находимъ въ Исторїи множество примѣровъ, кои доказываютъ, что изученїе ея можетъ замѣнить недостатокъ въ опытности. Цицеронъ говоритъ, что когда знаменитый Римскїй полководецъ Лукуллъ отправился на войну противъ Митридата, то не имѣлъ ни малѣйшаго понятїя о военномъ искусствѣ; но въ продолженїе своего похода занимаясь частїю бесѣдованїемъ съ искусными людьми, частїю изученїемъ исторїи прежнихъ военныхъ дѣйствїй, оказалъ въ немъ столь быстрые успѣхи, что, достигнувъ Азїи, вступилъ въ оную съ такими отличными качествами и произвелъ столь знаменитые подвиги, что великїй Митридатъ принужденъ былъ признаться, что онъ нашелъ его гораздо искуснѣйшимъ полководцемъ изъ всѣхъ, которые ему извѣстны. —

„Не льзя полагать (говоритъ Фридерикъ „Великїй), чтобы человѣкъ, который не имѣетъ „глупости воображать, что онъ упалъ съ неба, „или, начало мїра не считаетъ со дня своего „рожденїя, не желалъ ознакомиться съ произ„шествїями различныхъ вѣковъ и государствъ. „Естьли онъ будетъ равнодушенъ къ судьбѣ

„чужихъ народовъ, служившихъ игралищемъ „фортунѣ: то неужели не найдетъ никакого „удовольствія въ чтеніи Исторіи той страны, въ которой онъ живетъ, или въ повѣствованіи о такихъ произшествіяхъ, въ коихъ участвовали его праотцы *)?“ Къ сему прибавлю, что естьли Исторія давнопрошедшихъ столѣтій и отдаленныхъ народовъ показалась ему малозанимательною: то Исторія ближайшихъ въ отношеніи къ нему временъ и народовъ той же твердой земли, народовъ, съ коими находятся въ связи его соотечественники, конечно привлечетъ къ себѣ его вниманіе. Различныя усовершенствованія и торговля, сближая между собою самые отдаленнѣйшіе народы, дѣлаютъ необходимымъ и весьма полезнымъ для жителей Британіи знаніе обычаевъ и нравовъ каждаго народа, равно какъ и понятіе о произведеніяхъ почти каждой части свѣта. „Естьли Англичанинъ (продолжаетъ „Король-Авторъ) не знаетъ о Царяхъ, владѣвшихъ Персидскимъ престоломъ; естьли „память его не въ состояніи вмѣстить безчисленнаго множества Папъ, управлявшихъ Церковію: въ такомъ случаѣ мы готовы изви-

---

*) Бранденбур. записки.

„нить его; но едвали можно будетЪ сдѣлать „ему такое же снисхожденіе, естьли онЪ не „имѣетЪ понятія о происхожденіи Парламен„товЪ или обычаевЪ своей страны, или раз„личныхЪ поколѣній царствовавшихЪ вЪ Англіи „Королей."

КакЪ Исторія природной страны бываетЪ для насЪ гораздо занимательнѣе Исторіи другихЪ народовЪ, такЪ равнымЪ образомЪ и знаніе новѣйшей всемірной Исторіи (особенно же Европейской) гораздо важнѣе, нежели повѣствованія древнихЪ временЪ. Менѣе нежели за два столѣтія назадЪ случились такія удивительныя происшествія, которыя произвели почти всеобщее преобразованіе народовЪ новѣйшей Европы; произвели спасительную перемѣну вЪ чувствованіяхЪ ХристіянЪ; перемѣну, которая дала совершенно другое направленіе народнымЪ правамЪ, распространила истинныя понятія о правахЪ и свободѣ людей, положила начало великимЪ усовершенствованіямЪ, сдѣланнымЪ вЪ торговлѣ и манифактурахЪ. Но отЪ изученія новѣйшей Исторіи можно получить еще большія выгоды, естьли притомЪ будемЪ имѣть понятіе о состояніи человѣческаго рода вЪ древнія времена. Знаніе переворотовЪ, произшедшихЪ вЪ государствахЪ древняго свѣта, поня-

тіе о правленіяхъ и законахъ, обычаяхъ и нравахъ, господствовавшихъ въ отдаленныхъ вѣкахъ, особенно же у Грековъ и Римлянъ, (подобно какъ знаніе одной какой нибудь отрасли науки служитъ приуготовленіемъ къ другой) содѣлываетъ изученіе Исторіи новѣйшихъ временъ легчайшимъ, пріятнѣйшимъ и полезнѣйшимъ. Такое знаніе даетъ уму нашему средство усовершенствовать себя чтеніемъ или новѣйшей Исторіи всѣхъ вообще народовъ, или котораго нибудь изъ нихъ въ особенности. Ибо и древняя и новѣйшая Исторіи показываютъ намъ, что люди во всѣ времена и во всѣхъ странахъ были и суть по большой части таковы же, какими видимъ ихъ нынѣ; что одинакія причины производили одинакія дѣйствія, къ пользѣ или ко вреду частныхъ людей или народовъ. Общее понятіе объ Исторіи распространяетъ сферу ума, истребляетъ предразсудки, и показываетъ намъ, сколь неосновательны и странны мнѣнія большей части народовъ о превосходнѣйшемъ величіи, мудрости и утонченности ихъ собственныхъ временъ и страны, въ которой они живутъ.

Сказавши такъ много о самой Исторіи и о выгодахъ, проистекающихъ отъ надлежащаго оной изученія, необходимымъ почитаю пред-

остеречь моихъ читателей отъ слѣпаго вѣрованія во все, о чемъ ни повѣствуетъ Историкъ; особенно же, когда видимо вымышленное старается онъ одѣть покровомъ истины и мечту выдать за дѣйствительность. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Историкъ не находитъ никакихъ памятниковъ или достовѣрныхъ доказательствъ въ разсужденіи древнихъ періодовъ общества, которымибъ могъ руководствоваться въ своихъ изслѣдованіяхъ, онъ по необходимости долженъ полагаться на одни сомнительныя преданія, или свои собственныя предположенія выдавать за истинную исторію; въ таковыхъ случаяхъ дѣйствуетъ всегда національное тщеславіе. Приверженность къ одной какой нибудь странѣ есть предразсудокъ (естьли можно такъ сказать) общій всѣмъ людямъ; отсюда происходитъ желаніе изображать своихъ праотцевъ блестящими красками; желаніе, побуждающее относить начало страны своей къ отдаленной древности, и тогдашнихъ ея обитателей описывать мудрыми, храбрыми, просвѣщенными и образованными. Но въ томъ никто, думаю, не будетъ сомнѣваться, что было время, когда праотцы новѣйшихъ народовъ, Европы превозносящихся нынѣ своею мудростію, законодательствомъ и утонченными нравами, были

не что иное, какъ толпа разбойниковъ, которые, безъ малѣйшей образованности во нравахъ, неограниченно предавались варварскимъ своимъ склонностямъ.

Такимъ образомъ наблюдая всевозможную осторожность во всѣхъ случаяхъ, гдѣ надобно принимать за истинну тѣ статьи Исторїи, которыя состоятъ изъ однихъ только предположенїй и не утверждаются ни на какихъ неоспоримыхъ памятникахъ древности, мы не должны равномѣрно соглашаться со всякимъ чувствованїемъ и размышленїемъ Историка, и почитать его безпристрастнымъ и справедливымъ. „Будучи въ состоянїи видѣть „одну только внѣшность предметовъ (такъ „какъ Природа не даровала намъ способности „проницать въ самое, такъ сказать, ихъ „сердце), мы принуждены выводить причины „дѣйствїй изъ дѣйствїй самихъ; сїе очевидно „показываетъ, что такой образъ умозаключе„нїй есть самый ложный и легко можетъ во„влечь насъ въ заблужденїе: ибо опытъ дока„зываетъ, что многїя, а можетъ быть и боль„шая часть нашихъ дѣянїй происходятъ безъ „всякихъ предварительныхъ размышленїй и „часто безъ всякой причины, но раждаются отъ стеченїя различныхъ обстоятельствъ,

„коихъ мы не предвидѣли, и отъ страстей,
„возбудившихся въ ту минуту *).

Какъ скоро мы начинаемъ писать, о прошедшихъ ли вѣкахъ или о настоящемъ, во всякомъ случаѣ умъ нашъ слѣдуетъ влеченію какой нибудь особенной страсти, которую натурально стараемся мы возбудить и въ нашихъ читателяхъ. Всякой любитъ предпочтительно предъ всѣми прочими одинъ какой нибудь періодъ времени, также какъ причины и великихъ людей; старается представлять ихъ всегда въ большемъ блескѣ, возвышать ихъ и привлекать вниманіе другихъ: — такимъ же точно образомъ всякой имѣетъ къ извѣстнымъ предметамъ непреодолимое отвращеніе, и всегда готовъ унизить, осмѣять и обезславить то, что ему не нравится. Приверженные къ какой нибудь партіи или мнѣнію бываютъ всегда увѣрены, что справедливость, добродѣтель, знаніе и здравый смыслъ находятся на ихъ сторонѣ; и едвали согласятся, чтобы тѣ, которые думаютъ съ ними различно, имѣли право присвоивать себѣ какое-либо изъ сихъ достоинствъ. Люди пишутъ, и говорятъ, и читаютъ, и слушаютъ

---

*) Письма къ одному молодому Дворянину.

при непрестанномъ влїянїи страстей и предразсудковъ. Когда мнѣнїя Историка сходны съ нашими собственными, въ такомъ случаѣ мы охотно позволяемъ называть ихъ справедливыми; естьли же они противны, то немедленно произносимъ надъ ними приговоръ ложности. Конечно, люди имѣли и будутъ имѣть всегда свои предубѣжденїя; умъ не можетъ быть совершенно очищенъ отъ предразсудковъ: но естьли предразсудки сїи имѣютъ своимъ предметомъ и основанїемъ истинну и добродѣтель, то Историкъ тогда только можетъ ожидать одобренїя своимъ чувствованїямъ и размышленїямъ, когда они покажутся намъ истинными и добродѣтельными. —

Въ семъ сочиненїи намѣренъ я занимать своихъ Читателей такъ названнымъ мною (естьли выраженїе сїе прилично) *духомъ новѣйшей Исторїи*, со времени Карла Великаго, западнаго Императора (который былъ почти современникомъ Эгберту, Королю западныхъ Саксонцевъ, соединившему подъ свою власть всѣ малыя королевства Гептархїи), или съ конца осьмисотаго года по Рождествѣ Христовѣ до начала нынѣшняго года столѣтїя. Описанїе выигранныхъ или потерянныхъ сраженїй, осажденныхъ и взятыхъ городовъ, и вы-

численіе именъ и количества убитыхъ во время происходившихъ сраженій, не входитъ въ планъ моего сочиненія; заниматься подробностями такого рода прилично одному только грубому и безчувственному свойству простонароднаго ума, и я увѣренъ, что всякой, имѣющій человѣколюбивое и сострадательное сердце, не могъ бы читать ихъ съ удовольствіемъ; слѣдовательно еще менѣе принеслибъ они пользы такимъ людямъ, которые читаютъ для образованія своего ума. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ займусь я описаніемъ постепенныхъ успѣховъ общественности, правленій, законовъ, торговли, искусствъ и наукъ; въ особенности же сколько можно обширнѣе буду говорить о различныхъ измѣненіяхъ нравовъ человѣческаго рода, начиная отъ грубаго и варварскаго ихъ состоянія до той утонченной образованности, до которой достигли они въ наше время.

Нѣтъ дѣйствія безъ причины. Естьли мы можемъ сказать, что мѣсто прежней феодальной жестокости заступило гораздо свободнѣйшее и безопаснѣйшее владѣніе собственностію; естьли можемъ сказать, что права человѣчества сдѣлались гораздо извѣстнѣе и лучше на-

блюдаются, нежели какъ то было прежде; естьли можемъ сказать, что образъ правленій и законы гораздо лучше ограждаютъ нынѣ политическую и духовную свободу людей, нежели какъ во времена варварства; и что нравы общества достигли величайшаго совершенства: то всѣ сіи благодѣтельныя перемѣны надобно приписать естественному переходу общества отъ невѣжества къ просвѣщенію, отъ варварства къ образованности. Само собою разумѣется, что сіи перемѣны никогда бы не послѣдовали, естьлибъ не было причинъ, произведшихъ оныя. Въ семъ сочиненіи намѣренъ я разсмотрѣть, какимъ образомъ происходили сіи перемѣны, и въ тоже время доказать сію истинну, что какъ скоро общество довольно уже созрѣло для того, чтобъ могло принять перемѣну, тогда необходимо появится и причина къ произведенію оной въ дѣйство.

Исторія человѣческаго рода, отъ начала міра до настоящихъ временъ, есть безпрерывная цѣпь, состоящая изъ множества звеньевъ; отнять отъ нее одно, значило бы разрушить всю цѣпь. Древняя и новѣйшая Исторіи столь тѣсно между собою соединены, что сіи двѣ части составляютъ одно цѣлое; и хотябъ

можно было заняться изученіемъ которой нибудь въ особенности, однако же естьли мы говоримъ, что она тѣсно сопряжена съ прочими частями, то сіе изученіе не принеслобъ намъ той великой пользы, какуюбъ могли мы пріобрѣсти въ противномъ случаѣ. Въ семъ сочиненіи покажу сію взаимную ихъ связь, посредствомъ краткаго начертанія Исторіи древнихъ народовъ, удовлетворительно сей цѣли.

Неоспоримо, что Библія есть единственный источникъ, изъ котораго можемъ мы почерпнуть истинное описаніе о первобытномъ состояніи человѣческаго рода. Моисей въ книгѣ Бытія говоритъ, что было время, когда число обитателей земнаго шара состояло только изъ двухъ — мущины и женщины; что племена, существовавшія послѣ потопа, произошли отъ трехъ сыновей Ноевыхъ; что вскорѣ по смѣшеніи языковъ люди удалились изъ Сеннаарскихъ долинъ, и что всѣ тѣ, которые получили одинаковый языкъ, отправились въ путь вмѣстѣ и поселились въ тѣхъ странахъ, кои болѣе соотвѣтствовали образу ихъ жизни.

Исторія и преданія согласно утверждаютъ, что первые люди скитались въ дикомъ состояніи; что блуждая всюду по землѣ, они не имѣли никакихъ между собою сношеній, и что человѣкъ, оставленный подобными себѣ людьми, на собственное свое попеченіе, ежечасно окруженный опасностями и нуждами, принужденъ былъ одинъ, безъ всякой помощи, пріискивать какія нибудь средства къ защищенію своей безопасности и сохраненію собственнаго своего существованія. Законы, правленія и искусства были чужды людямъ сихъ дикихъ временъ; сильнѣйшій похищалъ у слабаго пищу, которую онъ досталъ или на охотѣ, или на рыбной ловлѣ, и послѣдній не имѣлъ никакого средства отмстить за причиненное ему насиліе. Племена Американскія, Готтентоты и жители новой Голландіи по сіе время находятся еще въ состояніи весьма сходномъ съ симъ изображеніемъ, состояніи столь унизительномъ для человѣчества и достойномъ нашего сожалѣнія.

Но какъ человѣкъ отъ природы получилъ склонность къ общественности и какое-то чувство, влекущее его къ подобнымъ ему людямъ; то вѣроятно, что такое состояніе про-

должалось весьма короткое время. „Ибо (говорит
„ритъ одинъ глубокомысленный Писатель) на-
„блюденія, собранныя со всѣхъ частей земнаго
„шара, представляютъ намъ человѣческій родъ
„раздѣленнымъ на безчисленное множество се-
„мействъ и небольшихъ обществъ; и человѣка,
„уже не въ одиночествѣ, не убѣгающаго отъ
„себѣ подобныхъ, но въ сообществѣ со многими,
„которыхъ, будучи привлекаемъ къ нимъ особен-
„ною привязанностію, старается по мѣрѣ
„силъ своихъ защищать отъ нападеній вра-
„говъ; сіи наблюденія изображаютъ намъ чело-
„вѣка уже занимающагося собираніемъ запаса
„и предусматриваніемъ своихъ нуждъ; человѣ-
„ка, стремящагося сообщить другимъ собст-
„венныя свои чувствованія и имѣть отъ нихъ
„такую же довѣренность *)." Сила привязан-
ности, влекущей его къ сообществу другихъ;
боязнь подвергнуться какимъ нибудь опасно-
стямъ, желаніе доставить себѣ безопасность и
всегдашнюю защиту; любовь къ какой нибудь
женщинѣ, съ которою проводилъ онъ дни свои,
и дѣти, плодъ сего естественнаго союза, все
побуждало его къ заключенію тѣснѣйшей связи
съ себѣ подобными. Одинакія нужды и увѣ-
ренность въ защитѣ и наслажденіи спокойстві-

*) Опытъ Фергюзона о гражд. общес.

емъ; увѣренность во всегдашнемъ покровительствѣ, которое человѣкъ оказываетъ другимъ и самъ ожидаетъ отъ нихъ взаимно, суть причины, побудившія людей соединиться въ общества; и чѣмъ живѣе чувствовали они выгоды таковаго союза, тѣмъ сильнѣе было желаніе содѣлать его тѣснѣйшимъ и обширнѣйшимъ. Первые опыты людей къ образованію такихъ обществъ безъ сомнѣнія были сообразны съ понятіями и чувствованіями тогдашняго ихъ положенія. Законы, служащіе къ удержанію насильствъ, правленіе и благоустройство были совершенно неизвѣстны въ первобытныя состоянія общества. Тогда, въ нѣкоторомъ смыслѣ, (естьли позволительно привести здѣсь слова Священнаго Писанія) „каждый дѣлалъ то, что казалось ему справедливымъ единственно въ собственныхъ глазахъ его." Но сіе неоспоримо, что и самыя дикія племена не могутъ существовать безъ всякихъ законовъ, или лучше сказать безъ какихъ нибудь взаимныхъ обязательствъ, безъ обычаевъ, которые могли бы замѣнить недостатокъ въ законахъ, и безъ какого нибудь правленія.

Совокупить малое число разсѣянныхъ и независимыхъ племенъ въ одно большое обще-

ство, устроить царства, соорудить города и образовать людей, есть дѣло времени. Но прежде нежели сїе моглобъ быть произведено въ дѣйство, необходимо надлежало уже существовать супружеству, надлежало уже быть изобрѣтенными нужнѣйшимъ и полезнѣйшимъ искусствамъ, потребнымъ въ жизни, и сдѣлать нѣкоторые успѣхи въ землепашествѣ. Люди, занимавщїеся охотою, или рыбною ловлею, или скотоводствомъ, непрестанно переходили съ одного мѣста на другое. Наслаждаясь свободою и неограниченною независимостїю, они никогда не останавливались на одной и той же землѣ долѣе, пока не истребили тамъ всей дичины, или пока скотъ ихъ не поѣлъ всей травы. Въ такомъ состоянїи общества каждое племя было не что иное, какъ отдѣльная толпа разбойниковъ, грабившихъ и похищавшихъ стада у своихъ сосѣдей вездѣ, гдѣ только могли найти его. Герои Гомеровы были, вѣроятно, подобнаго же роду. Дабы отмстить за похищенїе Елены, они производили набѣги и увлекали съ собою скотъ, невольниковъ, женщинъ, и все, что могли сыскать у жившихъ вокругъ нихъ народовъ. „Татаринъ, „сидящїй на лошади, есть совершенно хищное „животное; онъ о томъ только и думаетъ,

„чтобы какъ можно больше увести скота, и „развѣдываетъ, сколь далеко надобно за нимъ „ѣхать. Монахъ, имѣвшій нещастіе подпасть „гнѣву Монгольскаго Хана, легко можетъ воз- „вратить себѣ его благосклонность, естьли „обѣщаетъ отъ имени Папы и всѣхъ Христі- „янскихъ Государей, что они отдадутъ ему „свои стада — *).“ Плодоносное состояніе Италіи, представляя праотцамъ нашимъ го- раздо болѣе предметовъ для грабительства, нежели мрачные лѣса Германіи, было можетъ быть единственною причиною, побудившею ихъ оставить первыя свои жилища; сей же самый духъ къ хищенію, вѣроятно, болѣе нежели благоговѣніе ко Кресту, привлекалъ ихъ въ Азію для того только, чтобы участвовать въ разграбленіяхъ Восточной и Сарацинской Имперіи.

Какъ Египтяне, вѣроятно, были самый древнѣйшій и первообразовавшійся народъ, у котораго прежде всѣхъ родились законы и пра- вленіе: то по сей причинѣ, и дабы показать связь, находящуюся между древнею и новѣй- шею Исторіями, намѣренъ я съ нихъ начать.

---

*) Рубруквисъ, упоминаемый Фергюзономъ.

ЕГИПТЯНЕ. Египетскій народъ, котораго древность восходитъ до самыхъ временъ Аврама, жившаго въ шестомъ столѣтіи послѣ потопа, содѣлалъ значительные успѣхи въ торговлѣ и земледѣліи еще во времена Іакова и Іосифа; послѣдній, какъ говоритъ Священное Писаніе, произвелъ въ Египтѣ весьма важную касательно первой перемѣну, и весьма много распространилъ царскую власть. Египетъ имѣетъ самое щастливѣйшее положеніе по своему климату; ежегодное разлитіе рѣки Нила вознаграждаетъ недостатокъ въ дождѣ и наилучшимъ образомъ удобряетъ землю *). Нынѣ извѣстно уже, что наводненія Нила, которыя были загадкою для древнихъ, происходятъ отъ дождей, кои въ продолженіе нашихъ лѣтнихъ мѣсяцовъ и части осени идутъ въ верхней Эѳіопіи въ чрезвычайномъ количествѣ. Египетъ въ теченіи года представляетъ взорамъ двѣ поразительно-превосходныя картины: во время нашего лѣта страна сія кажется прелестнымъ, необозримымъ водянымъ покрываломъ, на гладкой поверхности котораго видны города, разсѣянныя селенія и хижины; во время же нашей

---

*) См. Овидіевы превр. кн. 1. бас. 7. — Путешест. Брюса.

зимы взоры восхищаются живописною обширнѣйшею долиною, которая покрыта многочисленными и тучными стадами, на которой волнуются златые класы и вездѣ являются трудящїеся земледѣльцы; гдѣ видите вы разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ деревья, кустарники и цвѣты, наполняющїе воздухъ прїятными благоуханїями.

Древнее лѣточисленїе Египта покрыто баснословїемъ. Жрецы, или по своему невѣжеству, или изъ тщеславїя, дѣлали всегда ложные и запутанные отвѣты тѣмъ, которые спрашивали у нихъ объ этомъ. По ихъ показанїямъ, перїодъ, заключающїй въ себѣ царствованїе ихъ древнихъ царей, былъ чрезвычайно продолжителенъ; потому что они включали здѣсь также и тѣ династїи, которыя приходились только по боковой линїи Государей, утверждая, что всѣ они слѣдовали одна послѣ другой. Священное Писанїе говоритъ, что цари ихъ въ продолженїе нѣсколькихъ столѣтїй назывались Фараонами. Разсказываютъ множество басней объ Изисѣ, Озирисѣ и Трисмегистѣ или Меркурїѣ, которымъ Египтяне покланялись. Первымъ царемъ ихъ почитается Менесъ (правнукъ Ноевъ), котораго

Моисей называетъ Мизраимомъ (вѣроятно, страна сія прежде другихъ населена была однимъ изъ Хамовыхъ потомковъ), и что во время пространнаго промежутка, находящагося между нимъ и Сезострисомъ, знаменитымъ завоевателемъ, Египетъ былъ во власти такъ называемыхъ царей - пастуховъ, или, по мнѣнію нѣкоторыхъ, Ханнанитовъ, спасавшихся бѣгствомъ отъ Іосіи. Историки утверждаютъ, что Озимандій Египетскій царь имѣлъ библіотеку, которая была самая древнѣйшая, и что на дверяхъ, чрезъ кои должно было проходить въ нее, была слѣдующая надпись: *Лѣкарство для души.* Но кѣмъ собрана сія библіотека и изъ какихъ состояла она манускриптовъ, ничего неизвѣстно. Намъ не осталось также никакихъ памятниковъ и о томъ, при комъ вырыто было Меридово озеро, которое сдѣлано было для того, чтобъ принимать въ себя излишнюю воду изъ рѣки Нила; равнымъ образомъ, какой царь или цари царствовали въ то время, когда строились пирамиды. По сію пору еще не разрѣшено, съ какимъ намѣреніемъ сооружены были сіи удивительныя громады, для того ли чтобъ служить надгробными памятниками, или для какого нибудь другаго употребленія; какъ бы то

ни было, но они суть послѣднее доказательство и дѣло суевѣрія или тщеславія древнихъ Египтянъ. Многіе ученые люди, путешествовавшіе по Египту и занимавшіеся разсматриванiемъ древностей, коими страна сія изобилуетъ (особенно же пирамидъ), думаютъ каждый различнымъ образомъ о родѣ матеріаловъ, изъ коихъ онѣ сооружены. Позднѣйшій и знаменитѣйшій путешественникъ полагаетъ, что первоначально пирамиды были не что иное, какъ огромныя земляныя массы, которыя долговременными трудами и искусствомъ рукъ человѣческихъ обдѣланы были въ настоящую ихъ фигуру *). Такое предположеніе кажется мнѣ совсѣмъ неосновательнымъ, и показываетъ въ себѣ нѣчто романическое. По моему мнѣнію гораздо вѣроятнѣе положить можно, что пирамиды построены изъ матеріаловъ, перезженныхъ посредствомъ огня; можетъ быть изъ земли, выкопанной изъ Меридова озера.

Часть Египетской Исторіи, оставленная намъ Геродотомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и мѣстахъ можетъ быть и справедлива, но не-

---

*) Путеш. Брюса.

льзя совершенно полагаться на все, о чемъ онъ ни повѣствуетъ, ибо оно не основано на достовѣрныхъ доказательствахъ; онъ разсказываетъ иногда такія произшествія, которыя извѣстны ему не по собственному очевидству или изслѣдованіямъ, а полагаясь на слова тамошнихъ жрецовъ. Сей почтенный, но слишкомъ легковѣрный Историкъ описываетъ, на примѣръ, одно весьма странное произшествіе, будто бы случившееся при Псаметихѣ, Египетскомъ царѣ, который, желая узнать, какой народъ былъ самый древнѣйшій, приказалъ заперетъ въ одну комнату двухъ новорожденныхъ младенцовъ, и строжайшимъ образомъ запретилъ, чтобы тѣ, коимъ поручено было имѣть за ними смотрѣніе, не произносили при нихъ ни одного слова, дабы дѣти не могли выучить словъ чрезъ подражаніе. Спустя два года, мальчики закричали вдругъ *беккосъ*, что на Фригійскомъ языкѣ значитъ хлѣбъ; и по сей причинѣ Египтяне уступили свое право древности Фригійцамъ *). Естьли сіе смѣшное произшествіе дѣйствительно случилось, то вѣроятно мальчики, произнося сіе слово, подражали блѣянію овцы, которое легко могли они услышать. Дѣти вы-

*) Геродотъ.

тверживаютъ слова чрезъ подражанie: они получили способность сiю отъ самой Природы, и такимъ образомъ повторяя ими слышанное, мало помалу прiучаются говорить. „Нѣкто по имени „Горопiусъ Беканусъ (говоритъ одинъ новѣйшiй „Историкъ), утверждаясь на сей басни, доказы„валъ, что Голландскiй языкъ есть самый древ„нѣйшiй" ибо *беккеръ* значитъ на ономъ хлѣбникъ *).

Со времени Псаметиха (царствовавшаго около 670 лѣтъ до Р. X.) Исторiя Египтянъ начинаетъ быть яснѣе и справедливѣе; въ ней не видно уже тѣхъ неимовѣрныхъ и нелѣпыхъ басенъ, которыми преисполнена была до того времени. Сей Государь старался различными средствами ободрить торговлю, и дозволилъ всѣмъ чужестранцамъ имѣть свободный входъ въ гавани его государства. Въ его царствованiе Египтяне сдѣлали весьма значительные успѣхи въ земледѣлiи. Но какъ торговля болѣе нежели земледѣлiе способствуетъ къ умноженiю народнаго богатства, ибо безъ нее излишнее количество отечественныхъ издѣлiй должнобъ было оставаться безъ малѣйшей поль-

*) Аббатъ Милотъ.

вы на рукахъ самихъ жителей: то побуждаясь сею столь важною причиною, сынъ его Нехао (вѣроятно тотъ самый, который умертвилъ Іосїю, какъ говоритъ Священное Писанїе *), и который также назывался Фараономъ), дабы доставить ей большую удобность, предпринялъ однажды вырыть каналъ, долженствовавшїй соединить рѣку Нилъ съ Чермнымъ моремъ; но послѣ долговременныхъ, чрезвычайныхъ усилїй и потери множества людей, принужденъ былъ отказаться отъ сего благодѣтельнаго намѣренїя. Всякая вещь хороша въ свое время. Такимъ образомъ и искусство копанїя каналовъ не достигло еще тогда настоящей своей эпохи; ему опредѣлено было принадлежать къ числу тѣхъ многихъ усовершенствованїй, которыми прославились новѣйшїя времена. Апраисъ, вступившїй на Египетскїй престолъ послѣ отца своего Нехао, былъ свергнутъ Амазисомъ. Сей Государь прїобрѣлъ величайшую славу своими неусыпными попеченїями о разпространенїи торговли и приглашенїемъ многихъ ученыхъ людей въ свое государство. Въ числѣ иностранцевъ, посѣщавшихъ его дворъ, были Пиѳагоръ и Солонъ. — Аѳинскїй мудрецъ зани-

---

*) Царствъ 2 хъ Глава XXIII.

жался изученїемъ Египетскихъ законовъ, а Самосскїй усовершенствованїемъ себя въ мудрости. По смерти Амазиса взошелъ на престолъ сынъ его Псаметихъ, при которомъ Египетъ завоеванъ былъ Камбизомъ, сыномъ Кировымъ, и превращенъ имъ въ Персидскую провинцїю. Сїе государство находилось во власти Персїанъ до того времени, какъ Александръ великїй разрушилъ ихъ монархїю. По смерти сего страшнаго завоевателя (когда полководцы его раздѣлили между собою всѣ его области, какъ наслѣдственныя, такъ и покоренныя) Египетъ достался на часть Птоломею Лагу, коего потомство царствовало въ сей странѣ до Августа, то есть до того времени, когда сей трїумвиръ, одержавъ блистательную побѣду надъ Маркомъ Антонїемъ при Акцїумѣ, гдѣ находилась также и Клеопатра (въ 31 году до Р. Х.), превратилъ его въ Римскую провинцїю.

МИДЫ и ПЕРСЫ. Мидїя и Персїя (я не буду упоминать здѣсь о другихъ Азїатскихъ народахъ) составляли два различныя государства, которыя Киръ соединилъ потомъ въ одно. Начало ихъ, особенно же Персїанъ, скрывается въ самой отдаленной древности, такъ

что еще во времена Авраама извѣстенъ былъ Эламъ, или Персїя, которая однако же была весьма незначуща до появленїя знаменитаго Кира, который чрезвычайно возвысилъ ея могущество, блескъ и славу. Сей великїй Монархъ былъ воспитанъ по строгимъ правиламъ древнихъ Персїанъ, которые главнѣйшее свое вниманїе обращали на воспитанїе дѣтей. Онъ одаренъ былъ отъ природы всѣми качествами, которыя дѣлаютъ способнымъ къ государственному правленїю; и естьлибъ не предавался неограниченно господствовавшей надъ нимъ страсти къ завоеванїямъ, то подданные его безъ сомнѣнїя наслаждались бы подъ его скипетромъ ненарушимымъ щастїемъ и благоденствїемъ. Не тотъ Монархъ заслуживаетъ имя благотворителя своего народа, который распростираетъ власть свою надъ многими обширными странами; но тотъ, который ободряетъ мирныя искусства, постановляетъ мудрые законы, и дѣлаетъ подданныхъ своихъ честными и трудолюбивыми.

Извѣстїя, находящїяся въ языческихъ писателяхъ о Кирѣ, оставляютъ насъ почти въ совершенной объ немъ неизвѣстности. Ктезїасъ, Геродотъ и Ксенофонтъ, современные

съ симъ Государемъ Историки, противорѣчатъ другъ другу въ своихъ повѣствованїяхъ. Все, что извѣстно намъ о Кирѣ, состоитъ въ томъ, что онъ былъ сынъ Камбиза, царя Персидскаго, и Манданы, дочери Астїага, царя Мидїйскаго; что по смерти сихъ Государей онъ прїобрѣлъ оба престола, и такимъ образомъ два царства соединилъ въ одно; что одержалъ побѣду надъ Вавилонянами, взялъ городъ Вавилонъ и совершенно разрушилъ сїю монархїю; что позволилъ Евреямъ возвратиться въ отечественную ихъ землю, и чрезъ свои завоеванїя положилъ начало великой Имперїи. Касательно личныхъ его качествъ, можемъ мы сказать единственно то, что онъ имѣлъ большїя свѣдѣнїя въ военномъ искусствѣ, весьма много усовершенствовалъ военныя орудїя и дисциплину, и что неумѣренное честолюбїе и жадность къ владычеству заставляли его вести безпрерывныя войны съ сосѣдственными государствами, и силою оружїя похищать то, на что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго законнаго права; его по справедливости можно назвать бичемъ и истребителемъ человѣческаго рода, равно какъ и всѣхъ тѣхъ завоевателей, которые кровопролитїемъ очищаютъ себѣ путь къ господствованїю надъ народами.

Камбизъ, сынъ его и преемникъ, былъ не что иное, какъ смѣсь глупости и звѣрства; истинное чудовище въ человѣческомъ образѣ; не только совершенно неспособный къ правленію, но даже недостойный бытія. Ни одинъ изъ Персидскихъ царей, бывшихъ послѣ Кира, не помышлялъ объ утвержденіи тишины и благополучія между подданными. Напыщенные ложнымъ понятіемъ о власти, окруженные такимъ великолѣпіемъ, которое превышаетъ всякое описаніе; провождая дни свои среди величайшаго блеску азіатической пышности, утопая въ неограниченной нѣгѣ и роскоши; они не полагали никакихъ предѣловъ бурному стремленію своихъ страстей и тиранствовали надъ нещастными подданными. — Какъ законъ Персидскій позволялъ многоженство, то цари, пользуясь симъ правомъ, довели оное до такой крайности, что, кромѣ содержанія у себя множества постороннихъ женъ, даже съ родными своими сестрами жили какъ съ прочими наложницами; однако же, не довольствуясь такимъ вопіющимъ противъ Природы преступленіемъ, они стремились выше самаго царскаго достоинства, требовали себѣ божескихъ почестей, и съ безпримѣрнымъ безчеловѣчіемъ играли жизнію своихъ подданныхъ. Между тѣмъ

какъ кровожадные тираны сїи утопали въ сластолюбивыхъ удовольствїяхъ, Сатрапы или вицерои, которымъ поручено было управленїе провинцїй, подобно нѣкоторымъ Европейскимъ Губернаторамъ, упивались кровїю народа, и думая единственно о собственномъ своемъ обогащенїи, похищали у нихъ имущество; чрезъ сїе навлекали на себя ненависть прочихъ вельможъ, дѣлали ихъ своими врагами, и потомъ возвращаясь ко двору, они сами лишаемы были награбленныхъ ими сокровищь. Не смотря на то, что Персїяне вели безпрерывныя войны съ Греками, они не могли нанести имъ ни малѣйшаго вреда до тѣхъ поръ, пока народъ сей пребылъ добродѣтельнымъ. Люди, пламенѣющїе любовїю къ отечеству и неуклонно стремящїеся по пути правды, всегда превозмогутъ тѣхъ, которые захотѣлибъ возложить на нихъ оковы. Можно по справедливости сказать, что Дарїй Кодоманъ, побѣжденный Александромъ великимъ, былъ одинъ изъ лучшихъ Персидскихъ Государей, и достоинъ гораздо щастливѣйшей судьбы, нежели какая постигла его, когда онъ лишился короны и самой жизни. Но всевышнее Провидѣнїе опредѣлило сїе время предѣломъ существованїя Персидской монархїи; сїе доказываетъ сонъ, ви-

дѣнный Даніиломъ, которому представилось, что овенъ, преслѣдуемый ожесточеннымъ козломъ, бросался во всѣ стороны, стараясь избѣгнуть отъ его ударовъ; но не смотря на всѣ свои увертки, наконецъ упалъ. Александръ, сынъ Филиппа Македонскаго, предопредѣленный быть орудіемъ Провидѣнія, самъ того не зная, и будучи воспламеняемъ честолюбіемъ, ненасытимою жадностію къ славѣ, и не менѣе того желаніемъ произвести въ дѣйство намѣреніе своего отца въ разсужденіи завоеванія Персіи, отправился въ Азію съ немногочисленнымъ, но мужественнымъ воинствомъ, и въ 331 мъ году до Р. Х. побѣдивъ непріятеля въ двухъ сраженіяхъ, покорилъ подъ свою власть обширную монархію, и притомъ въ гораздо меньшее время, нежели во сколько непріятелю возможно было завладѣть однимъ только графствомъ нашего острова. Персидская монархія существовала около 209 лѣтъ.

Самыя занимательнѣйшія изъ всѣхъ Исторій о древнихъ народахъ суть Греческая и Римская; съ ними-то въ особенности должны познакомиться короче новѣйшіе народы: въ нихъ будетъ руководствовать насъ истинна и ясность при нашихъ изслѣдованіяхъ, между тѣмъ какъ

Исторіи прочихъ государствъ древняго міра покрыты величайщимъ мракомъ и преисполнены ложными повѣствованіями (выключая Іудейской). Лѣтописи Грековъ и Римлянъ содержатъ въ себѣ блистательные примѣры истинныхъ героевъ и патріотовъ, знаменитыхъ философовъ, мудрыхъ законодателей, государственныхъ людей и многихъ отличнѣйшихъ геніевъ въ искусствахъ и наукахъ. Читая ихъ Исторію, мы созерцаемъ и удивляемся благороднымъ подвигамъ подъятымъ за свободу, и великимъ, блистательнымъ дѣяніямъ людей, одушевленныхъ пламенною любовію къ отечеству; и въ то самое время, какъ удивляемся другимъ, сами наполняемся симъ высокимъ духомъ.

ГРЕКИ. Древніе Греки, подобно прочимъ варварскимъ народамъ, провождали дикую и скитающуюся жизнь, имѣли грубые и необразованные нравы, и не знали ни законовъ, ни правленія. Египетская колонія, поселившаяся между ними, была, можно сказать, первою виновницею общественнаго ихъ образованія. Дикіе обитатели Греціи взирали на своихъ предводителей какъ на существа выше человѣческой природы, и потому по смерти причисляли ихъ къ богамъ и покланялись. Цекропсъ,

Египтянинъ, основалъ городъ Аѳины, начерталъ гражданскїе законы, установилъ супружество, и чрезъ сїе далъ нѣкоторое образованїе грубому, подобно звѣрямъ скитавшемуся народу. Онъ учредилъ также Совѣтъ, извѣстный подъ именемъ Ареопага (около 1532 года до Р. Х.), или судилище, въ которомъ разбирались всѣ тяжебныя и уголовныя дѣла, и о которомъ говорили, что онъ не сдѣлалъ ни одного несправедливаго рѣшенїя.

Данай, другой Египтянинъ, и Кадмъ, Финикїянинъ, познакомили Грековъ съ искусствами; они научили ихъ дѣлать вино, плавить и обработывать металлы, и что всего важнѣе и полезнѣе, писать азбуку. Триптолемъ же выучилъ земледѣлїю.

Но малыя области Грецїи, чувствуя всю пользу, могущую произойти отъ всеобщаго тѣснѣйшаго между собою соединенїя, составили союзъ, подобный тому, который существуетъ между Голландскими Статами. Всѣ двенадцать областей два раза въ годъ посылали отъ себя депутатовъ къ Термопилламъ, каждая по одному. Сей нацїональный конгрессъ, извѣстный подъ именемъ Совѣта Амфиктїоновъ, содѣлался знаменитымъ во всей Грецїи.

Өивская и Троянская войны; походЪ Аргонавтовъ (названный по имени корабля АргосЪ, на которомЪ предприняли они свое путешествїе); изгнанїе и вторичное нашествїе ГераклидовЪ, и законы, данные МиносомЪ царемЪ КритскимЪ, суть происшествїя, случившїяся вЪ Грецїи вЪ продолженїе мрачныхЪ временЪ. Сей перїодЪ есть время варварства, коего Исторїя преисполнена толикимЪ множествомЪ баснословныхЪ повѣствованїй, что не возможно найти вЪ нихЪ истинну. Справедливое понятїе о нравахЪ и обычаяхЪ людей, жившихЪ вЪ первоначальномЪ состоянїи общества, можно почерпнуть не изЪ ИсториковЪ, которые писали обЪ немЪ, слѣдуя весьма сомнительнымЪ преданїямЪ, или вымышляли его изЪ своего воображенїя; но изЪ описанїй путешественниковЪ, имѣвшихЪ случай видѣть лично и дѣлать точнѣйшїя наблюденїя надЪ народами, которые и теперь находятся еще вЪ состоянїи варварства и дикости; изЪ ихЪ описанїй можемЪ мы вывести слѣдующее справедливое заключенїе, что народы древности были нѣкогда вЪ такомЪ же положенїи, вЪ какомЪ видимЪ мы нынѣ ТатарЪ и ИндѣйцевЪ, т. е. грубые и не образованные ученїемЪ и воспитанїемЪ.

Греки время отъ времени приходили въ совершеннѣйшее состоянїе; они получили потомъ лучшее понятїе о свободѣ, и до тѣхъ поръ, пока неуклонно слѣдовали по пути добродѣтели и не заразились духомъ властолюбїя, до тѣхъ поръ были ревностными ея поборниками. Спарта и Аѳины имѣли всегда первенство между Греческими республиками: первая славилась строгостїю своихъ нравовъ; вторая, утонченнымъ обхожденїемъ, краснорѣчїемъ и величайшими успѣхами въ искусствахъ и наукахъ. Законодатели сихъ двухъ народовъ, Ликургъ въ Спартѣ, а Солонъ въ Аѳинахъ, сочинили, каждый для своихъ соотечественниковъ, особенныя уложенїя законовъ; любовь къ свободѣ, къ добродѣтели, къ воинской славѣ и презрѣнїе смерти и богатства, были главнѣйшїя чувства, которыя Ликургъ старался внушить Спартанцамъ, и которыя служили цѣлїю, къ коей стремился онъ при сочиненїи своихъ законовъ. Постановленїя же, сдѣланныя Солономъ, хотя и не столь были совершенны, но онъ почиталъ ихъ наилучшими для Аѳинянъ; такими, которыя болѣе всѣхъ приличествовали склонностямъ и вольнымъ нравамъ народа, для котораго они были писаны.

Греки наслаждались совершеннымъ щастїемъ до тѣхъ поръ, пока не совратились съ пути добродѣтели. Сильнѣйшая любовь къ отечеству и ужасъ къ рабству воспламеняли въ нихъ величайщее мужество и содѣлывали способными къ исполненїю самыхъ героическихъ подвиговъ. Сраженїя Марафонское и Саламинское служатъ неоспоримыми доказательствами, сколь ничтожны и слабы невольники предъ людьми свободными. Горсть вольныхъ гражданъ, подъ предводительствомъ Мильтїада, Ѳемистокла и Аристида, торжествовала надъ многочисленными полчищами и флотами сильнѣйшихъ монарховъ Персїи. Но когда Греки забыли прежнюю свою добродѣтель, и когда пагубное властолюбїе овладѣло ихъ сердцами: тогда изчезло сїе драгоцѣнное благополучїе, которымъ до того времени они наслаждались; лишившись онаго, они лишились наконецъ и самой вольности, и сдѣлались добычею своихъ враговъ. Спарта и Аѳины стремились къ одной и той же цѣли: обѣ желали прїобрѣсти первенство въ Грецїи; и сїе честолюбивое желанїе воспламенило вражду, обѣ стороны старались силою оружїя защитить свое притязанїе, и сїя междоусобная брань была причиною паденїя обоихъ. Персидскїе цари, видя невозможность

покорить ихъ открытою войною, избрали для сего другія средства и другой родъ дѣйствій: они начали подкупать ихъ ораторовъ, сѣять между ними раздоръ, и вспомоществуя слабѣйшимъ, возбуждали междоусобія. Филиппъ Македонскій, честолюбивый, хитрый и воинственный Государь, объявилъ Грекамъ войну, разбилъ ихъ при Херонеѣ, и лишилъ свободы. Сей бѣдственный случай погасилъ въ сердцахъ Греческихъ гражданъ прежній воинственный духъ, и съ того времени Греки никогда не вкушали уже пріятностей свободы. Послѣ того находились они подъ властію Александра и его преемниковъ; и хотя любовь къ свободѣ по временамъ появлялась, однако же тотчасъ опять изчезала; они не въ силахъ были уже свергнуть съ себя ига невольничества. Въ то время, когда Римское оружіе распространяло повсюду побѣдоносную власть свою, Греки знали его могущество и добровольно покорились. Подъ правленіемъ Римлянъ Грецiя, хотя и побѣжденная, наслаждалась ненарушимымъ спокойствіемъ и свободою; процвѣтавшія въ ней науки и искусства содѣлывали ее столь же знаменитою, какъ и прежде. Аѳины были обширною школою, въ которую стекались Римляне для усовершенствованія себя въ ученіи и для

утонченія своихъ нравовъ. Такимъ образомъ побѣжденные Греки содѣлались наставниками и образователями побѣдителей свѣта. „Въ шко„лахъ Философіи самые знатнѣйшіе Римляне „забывали свои предразсудки и научались ува„жать Грековъ; возвращаясь въ отечество, они „приносили туда признательность къ нимъ и „удивленіе, и Римъ старался облегчать свое иго; „онъ страшился употреблять во зло права по„бѣды, и особенными преимуществами и мило„стями отличалъ Грецію отъ прочихъ про„винцій своихъ, имъ покоренныхъ. Какая сла„ва наукамъ, избавившимъ страну, въ кото„рой онѣ процвѣтали, отъ тѣхъ бѣдствій, отъ „коихъ не могли защитить ее ея законодате„ли, ея правители, ея полководцы! Какое „славное мщеніе невѣждамъ, которые дерзаютъ „презирать ихъ! и они могутъ быть увѣрены „въ уваженіи всегда, когда найдутся такіе же „цѣнители достоинства, каковы были Римля„не *)." Судьба Грековъ, бывшихъ сперва добычею Македонянъ, а потомъ Римлянъ, ясно показываетъ намъ, какой опасности подвергаются малыя независимыя государства: опасности быть истребленными, или подвергнуть-

*) Мабли.

ся рабству сильнѣйшихъ и честолюбивѣйшихъ сосѣдей; она показываетъ, что когда добродѣтель и истинное понятіе о свободѣ пламенѣютъ еще въ сердцахъ гражданъ, тогда и малая горсть такихъ людей можетъ сдѣлать щастливый отпоръ усиліямъ многочисленности; но когда народъ сражается уже не за добродѣтель и свободу, то слѣдствіе бываетъ всегда противное.

РИМЛЯНЕ. Въ первоначальныя времена своего сообщества древніе Римляне, толико прославляемые въ Исторіи, были не что иное, какъ грубые и жестокіе варвары. Ромулъ, основатель Римскаго имени и народа, былъ не болѣе какъ начальникъ шайки разбойниковъ, жившихъ однимъ только грабительствомъ. Весьма вѣроятно, что главнѣйшею причиною, побудившею его къ построенію города, было желаніе защитить себя отъ нападеній дикихъ сосѣдовъ, и имѣть надежное убѣжище, откуда бы съ большею безопасностію можно было производить хищническіе набѣги *). Преемникъ его, Нума, начерталъ нѣкоторые законы, будто бы, какъ онъ говорилъ, данные ему самимъ божествомъ,

*) Отъ сотв. міра въ 753 году.

и насаждая въ сердцахъ своихъ подданныхъ любовь къ религіи, мало по малу укротилъ прежнее ихъ дикое звѣрство. Подъ правленіемъ царей (которые носили одно только пустое титло), т. е. въ продолженіе періода, заключающаго въ себѣ почти 142 года, и потомъ долгое время спустя по учрежденіи Консуловъ, Римляне всё еще показывали въ себѣ нѣкоторое варварство, столь несвойственное и противное качествамъ образованнаго народа; но наконецъ частыя сношенія ихъ съ Азіею, особливо же съ Греціею, образовали и утончили нѣсколько ихъ нравы. Римляне, какъ случается со всѣми почти народами, перенимали болѣе пороки, нежели добрыя качества у своихъ просвѣщеннѣйшихъ сосѣдовъ. Человѣкъ отъ природы склоненъ къ подражанію; но, къ нещастію, ослѣпленный разсудокъ, или какая нибудь другая причина, затмеваютъ въ глазахъ его истинное благополучіе и увлекаютъ на путь порока даже въ то самое время, когда находится предъ нимъ множество примѣровъ добродѣтели, достойныхъ подражанія.

Изъ всѣхъ народовъ древности Римскій былъ самый воинственный и болѣе прочихъ знакомый съ военнымъ искусствомъ тогдаш-

ныхъ временъ. Каждый гражданинъ былъ воинъ; они не только въ лагеръ, но и въ самой даже школъ обучались употребленію оружія, и старались усовершенствовать себя наиболѣе въ тѣхъ воинскихъ качествахъ, посредствомъ которыхъ доставляется побѣда. Римляне почти безпрерывно заняты были войною. Въ теченіе того долговременнаго періода, который заключается между Ромуломъ и Августомъ, храмъ Януса — знаменіе мира — былъ затворенъ (естьли не ошибаюсь) только два раза; ни одинъ изъ царствовавшихъ послѣ того Императоровъ не ознаменовалъ правленія своего прекращеніемъ военныхъ дѣйствій. Римляне, безпрерывно занятые или чужестранною какою нибудь войною, или внутренними междоусобіями, не имѣли времени насладиться пріятностями мира. Войны, которыя предпринимали они, были по большой части основаны на несправедливыхъ причинахъ, и можно неоспоримо сказать, что одно только честолюбіе и жажда къ завоеваніямъ побуждали ихъ къ начатію оныхъ. Италіанскіе народы, одинъ послѣ другаго, принуждены были покоряться превосходной силѣ ихъ оружія; но и сіе торжество не могло удовлетворить властолюбиваго духа побѣдителей. Они устремились далѣе, и

покоренїе одного народа лишь только возбуждало въ нихъ желанїе къ покоренїю другаго.

Ни одинъ изъ народовъ древности, коихъ Исторїи сохранились до нашихъ временъ, не возвышался до такой степени величїя, до какой Римляне возвысились. Провидѣнїе предназначило имъ быть обладателями вселенной. Любовь къ отечеству и свободѣ; предпочтенїе добродѣтельной бѣдности неправедно прїобрѣтеннымъ богатствамъ; строгое наблюденїе умѣренности и правоты; приверженность къ религїи, и превосходнѣйшая военная дисциплина, служили главнѣйшими средствами, чрезъ которыя достигли они первенства между народами. Пока Римляне неуклонно слѣдовали по пути добродѣтели, до тѣхъ поръ и были они непобѣдимы — все преклонялось предъ ними; но какъ скоро порочныя склонности овладѣли ихъ сердцами, съ того времени прежнее ихъ величїе, а вмѣстѣ съ нимъ и самый народъ начали очевидно клониться къ упадку; и хотя оружїе ихъ еще торжествовало, но развращенїе народнаго духа отчасу болѣе усиливалось, и прежнїе побѣдители свѣта содѣлались наконецъ добычею храбраго племени сѣверныхъ варваровъ.

Судьба одного народа можетъ быть судьбою другаго; одинакія причины производятъ одинакія дѣйствія, и различныя перемѣны, которыя происходятъ въ различныхъ обществахъ, суть не что иное, какъ цѣпь тѣхъ же произшествій. Естьли мужество, умѣренность, пламенная любовь къ отечеству, къ свободѣ и къ справедливости способствовали Римлянамъ достигнуть всемірнаго владычества; естьли, погрязнувъ потомъ въ порокахъ, нѣгѣ и роскоши; естьли, допустивъ овладѣть собою корыстолюбію и забавамъ, и естьли, предавшись безпечности и не находя уже въ сердцахъ своихъ прежней любви къ отечеству и свободѣ, они содѣлались наконецъ добычею и жертвою Силлы, Юлія Кесаря и Октавія, и потомъ еще неразвращенныхъ варваровъ, пришедшихъ съ береговъ Дуная и Эльбы: то судьба ихъ послужитъ другимъ народамъ такимъ свѣтильникомъ, съ которымъ могутъ они предохранить себя отъ паденія въ подобную бездну; и въ то же время должна побудить каждаго, наипаче же людей занимающихъ важныя степени въ своемъ отечествѣ, къ внимательному разсмотрѣнію самыхъ отличительнѣйшихъ перемѣнъ во нравахъ, законодательствѣ и правительствѣ Римлянъ; сіе послужи-

лобъ имъ къ чрезвычайной пользѣ: ибо изслѣдывая какъ причины, произведшія сіи перемѣны, такъ и ихъ слѣдствія, они научились бы дѣйствовать такимъ образомъ, чтобъ не допустить страну свою до такого состоянія, которое причиняло конечное паденіе другихъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ВСТУПИТЕЛЬНОЙ ГЛАВЫ.

Религія, — законодательство, — нравы, — искусства, — науки и проч. *древнихъ; и правленія.*

Читая Исторію какого-нибудь народа, мы должны всегда обращать особенное вниманіе на его религію, законодательство, правленіе, обычаи, нравы, искусства и науки, чрезъ которыя многіе люди обезсмертили имена свои въ позднѣйшемъ потомствѣ; подробное свѣденіе о сихъ предметахъ есть неоспоримо наиважнѣйшее пріобрѣтеніе, которое можемъ мы получить отъ изученія древности. Не обширное владычество и не слава, пріобрѣтаемая кровопролитными войнами, могутъ возвысить на-

родѣ на степень истиннаго величія; но мудрые законы, правосудное и кроткое правленіе, чистота нравовѣ и такое понятіе о религіи, чтобы каждый человѣкѣ увѣренѣ былѣ во внутренности, что точное исполненіе всѣхѣ обязанностей какѣ вѣ частной, такѣ и вѣ общественной жизни, есть непремѣнный долгѣ его. Науки и искусства, будучи плодѣ долговременныхѣ изслѣдованій и усилій Генія, не могли получить ни самой малѣйшей степени усовершенствованія вѣ продолженіе первоначальныхѣ періодовѣ общества, когда люди находились еще вѣ грубомѣ и необразованномѣ состояніи; но естьли науки и искусства не употребляются по истинному ихѣ предназначенію, то есть для разпространенія настоящихѣ выгодѣ человѣческаго рода, вѣ такомѣ случаѣ они обработываются безѣ всякой хорошей цѣли.

Общества не могутѣ существовать безѣ законовѣ и правленія; по сей-то причинѣ люди скоро почувствовали, что самоуправство и неограниченно-свободная и вольная жизнь производятѣ анархію и смятенія; а дабы доставить себѣ возможную безопасность и спокойствіе, они соединились вѣ общества, добровольно подвергнулись нѣкоторымѣ взаимнымѣ обя-

занностямъ, постановили законы и покорились извѣстному, ими самими сдѣланному правительству. Когда общество находилось еще въ младенчествующемъ состоянїи, законы его были грубы и недостаточны: для приведенїя ихъ въ нѣкоторое совершенство потребно было много времени, гораздо обширнѣйшихъ знанїй и большей опытности; но по мѣрѣ успѣховъ общественной образованности, и власть законовъ усиливалась или ослабѣвала. Въ то время, когда народъ находится еще въ варварскомъ состоянїи, онъ худо повинуется законамъ; тогда одни лишь слабые покоряются имъ, сильнѣйшїе же презираютъ. Человѣкъ, прїобрѣтшїй столько власти и имѣющїй средства для того, чтобъ быть въ состоянїи имъ противиться, неограниченно предается влеченїю бурныхъ страстей своихъ, и всякой разъ, какъ скоро находитъ сїе для себя полезнымъ, нарушаетъ ихъ безбоязненно. Изъ сего можемъ мы заключить, что благополучїе народа основывается на справедливыхъ и благоразумныхъ законахъ, предъ которымибъ всѣ люди вообще были равны, и никакїя случайныя отличїя или званїя не моглибъ изъять каждаго отъ ихъ власти.

Самый древнѣйшїй образъ правленїя былъ безъ сомнѣнїя Патрїархальный, т. е. отецъ, какъ

глава семейства, управлялъ имъ, всѣ же прочїе, которые жили подъ его надзиранїемъ, повиновались ему безпрекословно; однако же люди скоро увидѣли всѣ сопряженныя съ нимъ неудобства. Появились распри и партїи между семействами, родилась взаимная злоба и наконецъ ссоры; и какъ сїи послѣднїя рѣшились по большой части силою, то сїе необходимо произвело всеобщїй безпорядокъ и смятенїя. Долгое время боровшись съ сими бѣдствїями, люди рѣшились наконецъ поставить имъ какую нибудь преграду; и самая лучшая, по ихъ мнѣнїю, была та, чтобы семейства, избравъ одного отличнаго по своимъ лѣтамъ и мудрости старца, предоставили ему судъ и расправу во всѣхъ случающихся между ними несогласїяхъ. По мѣрѣ того, какъ общество преуспѣвало въ своемъ образованїи, по мѣрѣ того и люди соединялись между собою тѣснѣйшимъ образомъ, для доставленїя другъ другу взаимной защиты и чтобы совокупными силами отражать нечаянныя нападенїя враговъ; естьлижь во время сихъ дѣйствїй кто нибудь превзошелъ другихъ отличнѣйшими подвигами мужества, тотъ прїобрѣталъ большее влїянїе и важность въ обществѣ. Естьлижь какое племя или семейство становилось слишкомъ много-

численнымъ и не могло помѣщаться на пространствѣ занимаемаго имъ мѣста: тогда всѣ молодые люди, соединившись въ одну толпу, отправлялись искать для себя новыхъ жилищъ подъ предводительствомъ одного изъ сотоварищей. Естьли сїе предпрїятїе оканчивалось щастливымъ образомъ, тогда начальникъ получалъ исключительное право раздѣлить между ними новопрїобрѣтенныя земли, постановить законы и учредить образъ правленїя; однако же сотоварищи его грабительствъ и побѣдъ никогда не допускали его простирать власть свою до такой степени, чтобы онъ лишилъ ихъ свободы и совершенно уничтожилъ бы участїе народа въ правленїи; напротивъ того они всегда удерживали за собою право разсматривать такїя дѣла, рѣшенїе которыхъ зависѣло отъ согласїя всего общества *). Тиранническая власть Деспота, который волю свою ставитъ вмѣсто всѣхъ законовъ, была долго неизвѣстна людямъ.

ПРАВЛЕНIЕ и ЗАКОНЫ ЕГИПТЯНЪ. Востокъ, безъ сомнѣнїя, былъ та страна, гдѣ родилось первое усовершенствованное правленїе

*) Запис. Цезаря о Галье. войнѣ. Тацитъ о нрав. Герм.

и первые законы. Народы, обитавшïе въ томъ краю, сдѣлали уже значительные успѣхи въ образованности и утонченïи нравовъ въ то время, когда Европейскïя государства едва только начали выходить изъ варварскаго состоянïя. Египетъ и многïя другïя государства Востока имѣли Монархическое правленïе еще во времена Авраама, въ самой глубочайшей древности. Іосифъ, разпространивъ власть Египетскихъ царей, ограничилъ свободу народную; не смотря на то, сïи Государи никогда не имѣли деспотической власти, ибо законы, которымъ, они непосредственно были подчинены, опредѣляли, какимъ образомъ они долженствовали править государствомъ; сверхъ того каждое утро верховный жрецъ говорилъ предъ ними пространную рѣчь, въ которой описывалъ всѣ качества и добродѣтели, кои необходимо долженъ имѣть Государь и въ точности исполнять ихъ; послѣ того исчислялъ всѣ пороки, отъ коихъ надобно ему остерегаться и всячески избѣгать. По смерти каждаго царя народъ, по установленному издревле обыкновенïю, собирался надъ мертвымъ тѣломъ его, судить о поведенïи усопшаго: при семъ случаѣ всякой имѣлъ право обвинять его; и естьли обвиненïя доказаны были справедливыми доводами, тогда онъ лишал-

ся погребенія; естьли же напротивъ находили, что скончавшійся Государь во все продолженіе своего царствованія поступалъ такъ, какъ должно было поступать царю, тогда тѣло его предавали землѣ съ великолѣпною церемоніею. Боязнь подвергнуться по смерти упомянутому безчестію, которое казалось для нихъ самымъ поноснѣйшимъ наказаніемъ, заставляла царей обращать строжайшее вниманіе на исполненіе обязанностей своего сана. Несомнительная увѣренность, которую имѣли Египтяне къ слѣдующему мнѣнію, что щастіе народа зависитъ отъ точнаго исполненія справедливости, была причиною, что каждый членъ верховнаго ихъ судилища (число ихъ простиралось до тридцати), при вступленіи въ сію должность, обязанъ былъ дѣлать торжественную клятву въ томъ, что онъ никогда не исполнитъ воли царя въ такомъ случаѣ, естьлибъ онъ повелѣвалъ ему положить несправедливое рѣшеніе.

Благополучіе и спокойствіе народа основываются на законахъ; безъ нихъ всякія насильства и грабительства оставались бы ненаказанными, собственность и самая жизнь подверженыбъ были ежеминутной опасности отъ хищеній разбойника и нападеній убійцы. Естьлибъ

люди поступали всегда по правиламЪ добродѣтели, тогдабЪ конечно не было никакой нужды вЪ законахЪ; кЪ сожалѣнїю, мы видимЪ совсѣмЪ тому противное! и самые человѣческїе законы не служатЪ ли яснымЪ доказательствомЪ развращенїя людей? ЕгипетЪ наслаждался уже благотворнымЪ дѣйствїемЪ законовЪ вЪ то самое время, когда у прочихЪ народовЪ не видно было еще никакихЪ признаковЪ гражданскаго правленїя. Многїе утверждаютЪ, что супружество введено было МенесомЪ, основателемЪ сего народа, который позволилЪ родному брату жениться на родной сестрѣ. Сїе противно какЪ нравственности, такЪ и самой природѣ, и показываетЪ, сколь несовершенны были ихЪ законы о супружествѣ. Всѣ граждане, выключая жрецовЪ, имѣли право содержать до двухЪ женЪ и болѣе. ОпытЪ показываетЪ, что многоженство совершенно несоотвѣтственно сЪ натурою и чрезвычайно вредно пользѣ общества. Народы, которые слѣдуютЪ вЪ этомЪ предписанїямЪ Христїанской религїи, то есть у которыхЪ мущинЪ не позволяется имѣть болѣе одной жены, также какЪ и женщинѣ болѣе одного мужа, всегда многочисленнѣе тѣхЪ, у которыхЪ мущины могутЪ держать многихЪ женЪ. СверьхЪ того, естьли мы возьмемЪ про-

порцїю числа мущинъ къ числу женщинъ, то увидимъ, что человѣку не льзя имѣть болѣе одной жены. Зная, сколь великїй вредъ причиняетъ спокойствїю и порядку общества прелюбодѣйство, древнїе Египтяне весьма строго наказывали тѣхъ, которые дѣлались виновными въ семъ преступленїи; мущинѣ, обличенному въ прелюбодѣянїи, давали тысячу ударовъ розгами; а женщинѣ отрѣзывали носъ, для того чтобы всякой тотчасъ могъ видѣть, что она ведетъ распутную жизнь. Трусость равнымъ образомъ наказывалась у нихъ весьма строго, различными знаками безчестїя. Клеветникъ подвергался тому же самому наказанїю, какое долженъ былъ бы понести обвиненный, естьлибъ приписываемое ему преступленїе оказалось ложнымъ. Не только самый убїйца, но и тотъ человѣкъ, который могъ воспрепятствовать ему въ совершенїи сего злодѣйства и не сдѣлалъ того, подвергались оба смертной казни. Отецъ, лишившїй жизни собственнаго своего сына или дочь, осуждаемъ былъ на то, чтобы держать на своихъ рукахъ мертвое тѣло его въ продолженїе трехъ дней и трехъ ночей, будучи непрестанно окруженъ стражею; горестное зрѣлище хладнаго трупа, сильное дѣйствїе сего ужаснаго испытанїя на природныя

его чувствованія, и понесенное притомъ безчестіе, казались для нихъ достаточнымъ за то наказаніемъ. Египтяне думали, что при взысканіи долговъ одна только собственность, а не особа должника, должна была подвергаться отвѣтственности: имъ неизвѣстны были различныя наказанія самихъ должниковъ, изобрѣтенныя уже въ новѣйшія времена. Говорятъ, что одинъ Египетскій царь нашелъ средство ввести честность и справедливость въ торговлѣ, которое состояло въ слѣдующемъ: должникъ, въ обезпеченіе уплаты, отдавалъ заимодавцу своему подъ закладъ мертвое тѣло своего отца; и естьли по прошествіи извѣстнаго времени онъ не въ состояніи былъ онаго выкупить, то по смерти самъ лишался погребенія. Праздность и развратное поведеніе также строго у нихъ наказывались. Каждый человѣкъ одинъ разъ въ годъ непремѣнно обязанъ былъ отдать подробный отчетъ въ своихъ занятіяхъ и средствахъ пропитанія; тотъ, который обличенъ былъ въ праздной жизни, или въ доставленіи себѣ пропитанія безчестными средствами ко вреду другихъ, подвергался смертной казни. Нѣтъ сомнѣнія, что праздность есть пагубная зараза для общества и мать многихъ величайшихъ

пороковъ; но въ то же время надобно признаться, что осуждать за то на смерть, есть, по моему мнѣнїю, наказанїе слишкомъ несоразмѣрное съ преступленїемъ. Сей законъ неумѣренно жестокъ, и Солонъ, который безъ сомнѣнїя заимствовалъ оный отъ Египтянъ, включилъ его въ свое уложенїе, составленное имъ для Аѳинянъ.

Египетскїй народъ имѣлъ также различныя степени состоянїй или гражданскихъ достоинствъ; дѣти обязаны были по закону наслѣдовать ремесла или должности своихъ отцовъ. Посредствомъ сего хотѣли они предупредить истребленїе вышеупомянутаго различїя. Но сей законъ имѣлъ неоспоримо весьма вредныя слѣдствїя; онъ, можно сказать, уничижалъ духъ народный, препятствовалъ раскрытїю, можетъ быть, великихъ дарованїй, и служилъ непреодолимою преградою всякому стремленїю къ совершенству. Вообще можно сказать, что законодательство Египтянъ было весьма худо и недостаточно. Не почитая нужнымъ приводить многихъ сему доказательствъ, довольно будетъ упомянуть здѣсь одно. Дїодоръ Сицилїйскїй говоритъ, что у Египтянъ люди, занимавшїеся безчестными ремеслами воров-

ства и разбойничества, имѣли особеннаго своего начальника, къ которому приносили они добычу: хозяева похищенныхъ вещей являлись къ сему атаману, и описавъ ему подробнымъ образомъ украденныя у нихъ вещи, немедленно получали ихъ отъ него обратно, заплативъ четвертую часть цѣны. Надобно думать, что сначала это было не что иное какъ простое обыкновенїе, которое съ теченїемъ времени превратилось въ дѣйствительный законъ.

РЕЛИГІЯ. Религїя есть неоспоримо крѣпчайшїй узелъ общества и источникъ благополучїя каждаго человѣка въ особенности и цѣлыхъ народовъ вообще. Суевѣрїе уничижаетъ религїю и раждаетъ величайшїя бѣдствїя. Можетъ быть ученїе о Высочайшемъ Существѣ и единствѣ Бога находилось также въ древней религїи Египтянъ; но то неоспоримо извѣстно, что всѣ нелѣпыя басни идолопоклонства, толико обезобразившїя языческую вѣру и бывшїя главнѣйшимъ источникомъ того ужаснаго нечестїя и пороковъ, которые господствовали тогда между восточными народами, получили начало свое въ сей странѣ.

Самое постыдное суевѣрїе и чрезвычайно нелѣпое богопочитанїе были отличительнымъ

характеромъ сего народа. Египетское идолопоклонство началось вѣроятно съ поклоненія небеснымъ тѣламъ — сіе есть натуральное происхожденіе идолопоклонства всѣхъ вообще народовъ. Умъ человѣческій неистощимъ въ духовныхъ выдумкахъ богопочитанія; и естьли не имѣетъ истиннаго понятія о Богѣ, то переходитъ отъ одной нелѣпости къ другой. Египтяне покланялись животнымъ - божествамъ: главный богъ ихъ былъ *Алисъ*, или *Сезострисъ*, котораго представлялъ бѣлый быкъ съ особенными извѣстными пятнами: Кошка — *Инкнуменъ*, собака — *Ибисъ*, соколъ и волкъ находились также въ числѣ ихъ боговъ. Всѣ они содержимы были самымъ отличнѣйшимъ и великолѣпнымъ образомъ; важнѣйшіе государственные чиновники опредѣлены были къ нимъ для прислуги, и какъ скоро который нибудь изъ сихъ боговъ умиралъ, то его погребали съ пышными церемоніями. Неизбѣжная смерть ожидала всякаго, кто бы осмѣлился убить какого нибудь звѣря изъ роду сихъ боговъ; такой поступокъ почитался самымъ ужаснымъ преступленіемъ. Впрочемъ различныя провинціи Египта различались также между собою во мнѣніяхъ и обрядахъ богопочитанія: одна покланялась *крокодилу*, а другая природному врагу

его, *Инкнумену*; въ одномъ мѣстѣ суевѣріе воздавало божескія почести овцѣ, а въ другомъ козѣ. Сіе-то разномысліе было причиною ихъ взаимной ненависти, непримиримой вражды и даже кровопролитій, не рѣдко случавшихся между противными партіями. Ювеналъ, Римскій Сатирикъ, прекрасно осмѣиваетъ нелѣпость Египетскаго богопочитанія *).

Жрецы сего народа имѣли величайшую власть: они управляли государственными силами какъ хотѣли, и посредствомъ суевѣрія, которое старались болѣе и болѣе разпространять, неограниченно господствовали надъ на-

---

*) Quis nescit, —— qualia demens
Aegyptus portenta colat? Crocodilon adorat
Pars haec; illa pavet serpentibus ibin.
Illic coeruleos, heic piscem fluminis, illic
Oppida tota canem venerantur, nemo Dianam.
Porrum et caepe nefas violare et frangere morsu.
O sanctas gentes, quibus haec nascuntur in hortis
Numina! lanatis animalibus abſtinet omnis
Mensa, nefas illic foetum jugulare capellae.
—— —— —— ſummus utrinque
Inde furor vulgo, quod numina vicinorum
Odit uterque locus, cum solos credat habendos
Esse deos, quos ipse colit.

IUVEN. SAT. XIII.

родомѣ. Ихѣ богословія раздѣлялась на два рода, на тайную и общенародную; послѣдней, которая не заключала вѣ себѣ ничего болѣе, кромѣ самыхѣ нечестивыхѣ нелѣпостей, обучали они народѣ; первая же, хотя равно преисполненная вздорныхѣ басней, была однако же гораздо сообразнѣе сѣ разсудкомѣ и менѣе запутана. Они почти всѣ свои дѣйствія покрывали нѣкоторою таинственностію, стараясь только о томѣ, чтобы разпространять суевѣріе, ибо оное было весьма необходимо для ихѣ власти. Исторія показываетѣ намѣ, что духовенство у всѣхѣ народовѣ и во всѣхѣ вѣкахѣ имѣло болѣе или менѣе силы; различныя преданія и человѣческія нелѣпости обезобразили какѣ естественную, такѣ и откровенную религію.

НРАВЫ. Религія имѣетѣ большое вліяніе на нравы. Вѣ то время, когда вѣра какого нибудь народа состоитѣ вѣ однихѣ только обезображенныхѣ и грубыхѣ понятіяхѣ, тогда и нравы его находятся вѣ такомѣ же состояніи; но какѣ скоро народѣ получитѣ истинныя и на разумѣ основанныя мысли о Высочайшемѣ Существѣ и станетѣ покланяться Ему такимѣ образомѣ, какѣ прилично чистому и невеще-

ственному его свойству: тогда и нравы его получатъ нѣкоторую степень чистоты и образованности. Характеръ Египтянъ совершенно сходствовалъ съ характеромъ ихъ религіи, которая имѣла сильное на нихъ вліяніе. Почтительное уваженіе къ родителямъ и всѣмъ старымъ людямъ, признательность за благодѣянія, любовь къ мирному спокойствію и приверженность къ древнимъ обычаямъ почитались у нихъ величайшими добродѣтелями и были главнѣйшими правилами, которыя наиболѣе старались впечатлѣть въ сердца молодыхъ людей. Не смотря на то, Египтяне имѣли многіе и даже великіе пороки; сего надобно было ожидать, потому что сей народъ всегда преданъ былъ неумѣренной нѣгѣ и лѣности. Доказательствомъ сему можетъ служить слѣдующее странное обыкновеніе, что мущины занимались у нихъ прялкою и другими незначущими работами, а женщины управляли какъ домашними, такъ и посторонними дѣлами; равнымъ образомъ не сыновья, но дочери обязаны были имѣть попеченіе о своихъ родителяхъ. Иностранцы находились у нихъ въ большомъ презрѣніи, и они, по своему грубому и закоренѣлому невѣжеству, думали, что, кромѣ произведеній ихъ собственной страны, ничто не достойно было ихъ вни-

манія. Такой образъ мыслей служитъ очевиднымъ доказательствомъ, что истинныя средства къ достиженію во всемъ совершенства нравственнаго образованія совершенно неизвѣстны были древнимъ Египтянамъ. Исправляя существующіе недостатки, дѣлая нужныя перемѣны въ законахъ, уничтожая старые и вводя новые и лучшіе обычаи: вотъ какимъ образомъ народы мало по малу переходили отъ варварства къ образованности и распространяли собственное свое благополучіе.

ИСКУСТВА. Цѣль и польза искусствъ есть облегченіе тягостныхъ тѣлесныхъ работъ и доставленіе различныхъ необходимыхъ вещей и удобствъ въ жизни, дабы сдѣлать настоящее наше положеніе сколько возможно пріятнымъ и щастливымъ. Сіе не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ древніе періоды общества извѣстны были очень немногія искусства и что даже малое число, тогда открытыхъ, находились въ весьма несовершенномъ состояніи. Дѣйствительныя нужды людей не многочисленны; и человѣкъ, въ продолженіе того времени, кока находится онъ въ подобномъ положеніи и слѣдуетъ болѣе влеченію природы, обращаетъ свое вниманіе на тѣ только искусства, которыя

могутъ вспомоществовать ему къ скорѣйшему и легчайшему удовлетворенію его надобностей. Тѣ же искусства, которыя споспѣшествуютъ къ умноженію народнаго богатства и доставленію разнообразныхъ удовольствій и пріятностей въ жизни, изобрѣтены были не прежде, какъ когда кругъ торговли сдѣлался гораздо обширнѣе, слѣдовательно связи между народами тѣснѣе и вкусъ болѣе очистился. Сіе самое показываетъ намъ, что большая часть искусствъ, служащихъ единственно къ умноженію роскоши и распространенію пороковъ, открыты въ новѣйшія времена; напротивъ того большая часть тѣхъ, кои дѣйствительно необходимы въ жизни, почти современны сотворенію міра.

Египетъ, можно сказать, былъ колыбелью искусствъ. Сей странѣ обязаны мы изобрѣтеніемъ плуга, толико благодѣтельнаго для землепашества. Первоначальныя орудія сего рода, употребленныя для обработанія полей, были деревянныя. „Сіе служитъ очевиднымъ доказа„тельствомъ (говоритъ Гогюетъ), что первые „опыты земледѣлія сдѣланы были въ странахъ, „имѣющихъ мягкій грунтъ земли, каковъ на „примѣръ въ Египтѣ.“ Прежде нежели изобрѣтенъ былъ плугъ, люди въ земледѣльческихъ

работахъ своихъ употребляли обыкновенно деревянныя лопаты. Во многихъ мѣстахъ Шотландіи, особенно же въ гористыхъ, и по сіе время, вмѣсто плуга, употребляютъ заступъ или лопату. Причиною того должна быть или бѣдность тамошнихъ земельныхъ хозяевъ, или можетъ быть то, что почва земли не способна къ обработанію ея плугомъ. Желѣзо, столь много и съ такою великою пользою употребляемое нынѣ во всѣхъ искусствахъ, открыто было уже послѣ всѣхъ прочихъ металловъ; и равнымъ образомъ послѣ всѣхъ введено было въ механическихъ работахъ. Нужда, непрестанное испытаніе оной и трудолюбіе были виновниками изобрѣтенія искусствъ; но тщетно чувствовалибъ мы свои нужды, естьлибъ всеблагій Творецъ вселенной не предуготовилъ для насъ матеріалы и не надѣлилъ бы насъ способностію изобрѣтать, дабы мы сами могли дополнять въ нихъ нѣкоторые недостатки. Находясь нынѣ въ такомъ вѣкѣ, когда всѣ искусства доведены до возможной степени совершенства, и легко наслаждаясь безчисленными выгодами, которыя они доставляютъ, мы не чувствуемъ уже ихъ важности и весьма слабое обращаемъ вниманіе на тѣ долговременныя и великія усилія, на тѣ непреодолимыя преграды и труды, которыхъ

стоило ихъ изобрѣтенiе. Нѣкоторые путешественники утверждаютъ, что жители многихъ странъ и по сiе время не имѣютъ ни малѣйшаго понятiя о самыхъ необходимыхъ искусствахъ, и что есть такiе народы или, лучше сказать, племена дикихъ, которымъ не извѣстенъ даже и хлѣбъ. Люди долгое время не знали, какимъ образомъ возобновлять и сохранять огонь. Басня о Прометеѣ показываетъ, что язычники почитали сiе вещество принесеннымъ съ неба. Магеланъ утверждаетъ, что жители Марiанскихъ острововъ чрезвычайно боялись огня, думая, что онъ есть звѣрь, питающiйся деревомъ, и никогда близко къ нему не подходили *). Хотя Мексика и Перу изобилуютъ желѣзомъ, однако же тамошнiе жители не знали употребленiя сего металла въ то время, когда появились у нихъ Испанцы. Первые опыты, даже въ самомъ простѣйшемъ и легчайшемъ искусствѣ, какъ скоро оно содѣйствуетъ къ удовлетворенiю нашихъ нуждъ, или къ распространенiю удобностей жизни, не взирая на то, относится ли искусство сiе къ дарамъ природы, или къ произведенiямъ промышленности, всегда достойны нашего удивленiя. Часто самой про-

---

*) Аббатъ Милотъ.

стой случай способствовалъ къ открытїю искусствъ: ибо хотя главною побудительною причиною всѣхъ опытовъ и усилїй, которыя дѣлалъ человѣкъ для удовлетворенїя различныхъ своихъ нуждъ, была безъ сомнѣнїя необходимость, и хотя большая часть сихъ испытанїй кончились съ щастливымъ успѣхомъ; однакожъ, естьлибъ не содѣйствовали къ тому нѣкоторые непредвидѣнные случаи, то вѣроятно многїя необходимыя въ жизни вещи и по сїе время оставались бы для насъ неизвѣстными.

Еще въ самыя древнѣйшїя времена свѣта Египтяне сдѣлали довольно значительные успѣхи въ искусствахъ. Ихъ полотно и шерстяныя матерїи (по словамъ нѣкоторыхъ чрезвычайно тонкїя) и превосходные штофы, о которыхъ упоминается даже въ Священномъ Писанїи, доказываютъ, что искусства прядѣнїя и тканїя доведены были у нихъ до большаго совершенства. Пирамиды, сїи необъятныя громады, которыя въ продолженїи столькихъ вѣковъ невредимо противостояли всеразрушающему времени, пребудутъ вѣчными памятниками величайшаго мастерства ихъ въ Архитектурѣ. Но не смотря на все сїе, Египтяне имѣли чрезвычайно грубый вкусъ; ибо, естьли со вниманїемъ рас-

смотрѣть сїи огромные колоссы, то не найдешь въ нихъ ни цѣли, съ которою они построены, ни хорошей пропорцїи. Все, что Историки и путешественники ни повѣствуютъ о времени и особахъ, при комъ были онѣ сооружены, есть ничто иное, какъ пустыя предположенїя. Нѣкоторые думаютъ, что пирамиды построены еще до Потопа; другїе же приписываютъ ихъ Израильскому народу, который, по мнѣнїю ихъ, соорудилъ оныя въ продолженїе того времени, когда находился въ невольничествѣ у Египтянъ. Но самое вѣроятнѣйшее предположенїе, кажется мнѣ, есть то, что онѣ служили надгробными памятниками, во внутренности которыхъ ставились набальзамированныя тѣла Египетскихъ Царей и другихъ великихъ Особъ; ибо Египтяне думали, что души ихъ пребудутъ безсмертными до тѣхъ только поръ, пока тѣла ихъ сохранятся невредимы.

НАУКИ. Искусства и науки соединены между собою тѣснѣйшимъ образомъ: однѣ даютъ жизнь другимъ и возвышаютъ ихъ; усовершенствованїе послѣднихъ имѣетъ величайшее влїянїе на усовершенствованїе первыхъ. Тамъ, гдѣ процвѣтаютъ искусства, тамъ раж-

даются и отличные Генїи, способные для произведенїя полезныхъ изслѣдованїй и распространенїя знанїй. Раздѣленїе земель, каналы, выкопанные для уменьшенїя излишней воды, накоплявшейся въ рѣкѣ Нилѣ, и точное измѣренїе различной ея высоты, все доказываетъ, что Египтяне имѣли большїя свѣденїя въ Механикѣ и Геометрїи; они сдѣлали важные успѣхи также и въ Астрономїи; на пр. они раздѣлили зодїакъ на двенадцать знаковъ, опредѣлили теченїе небесныхъ тѣлъ, умѣли вычислять времена затмѣнїй и знали причины сихъ необыкновенныхъ явленїй Природы; они имѣли еще нѣкоторое понятїе о множествѣ мїровъ и о круговращенїи земли. Письмена, которыя употребляли Египтяне, состояли изъ гїероглифическихъ или эмблематическихъ знаковъ, то есть, естьли надобно было выразить мысль о какомъ нибудь предметѣ, то вмѣсто оной чертили его фигуру или изображенїе. Таковый родъ письменъ, прежде нежели изобрѣтены были азбучные знаки и сдѣлались извѣстными, безъ сомнѣнїя былъ самымъ первымъ, который начали употреблять люди, потому что онъ есть самый легчайшїй. Мы получили буквы свои отъ Римлянъ, Римская азбука перешла къ нимъ отъ Грековъ, Греческїя же буквы суть

частію Еврейскія, частію же Финикійскія; изъ сего съ вѣроятностію можно заключить, что прежде Моисея, т. е. до того времени, когда Богъ на Хоребской горѣ вручилъ сему Законодателю на дскахъ написанныя Заповѣди, не было никакихъ азбучныхъ письменъ. Исторія древнихъ Египтянъ, достигнувшая до нашихъ временъ, показываетъ, что сей народъ имѣлъ отъ природы большую способность къ изобрѣтенію; но что, по нещастію, ничего не довелъ до совершенства: ибо величайшее суевѣріе и слѣпая приверженность къ древнимъ нелѣпымъ обычаямъ были сильною тому преградою. Науки и искусства достигаютъ высшей степени совершенства посредствомъ постепеннаго только улучшенія; одинъ человѣкъ имѣетъ славу изобрѣтателя, другой довершителя.

Съ какой бы стороны ни разсматривали мы древнихъ Грековъ, они повсюду оказываются достойными нашего удивленія. Имѣя истинное понятіе о неотъемлемыхъ правахъ человѣка, они много разъ мужественно и щастливо сражались за свою вольность. Законодательство ихъ республикъ дышало свободою, которая имѣла большое вліяніе на нравы и вкусъ

сего народа и споспѣшествовала усовершенствованію искусствъ и наукъ.

Спарта и Аѳины были всегда знаменитѣйшими и первенствующими республиками въ Греціи. Онѣ обѣ славились гражданами храбрыми, великодушными и предпріимчивыми, гражданами, которые, пламенѣя неограниченною любовію къ отечеству и свободѣ, съ неустрашимостію стремились противъ враговъ и ознаменовали вѣкъ свой многими геройскими подвигами. Спартане и Афиняне имѣли совершенно различные нравы; причиною сего безъ сомнѣнія было не вліяніе климата, но какія нибудь другія обстоятельства. Каковы бы ни были нравы Спартанъ до того времени, когда Ликургъ предложилъ имъ свои законы, но я думаю, что послѣдніе, къ которымъ народъ сей, въ продолженіе пяти сотъ лѣтъ, хранилъ строгое повиновеніе, имѣли величайшее вліяніе на образованіе ихъ нравовъ.

ЗАКОНЫ ЛИКУРГОВЫ. Законы его, будучи основаны на строгой и чистой нравственности, пребудутъ безсмертнымъ памятникомъ такого подвига, какой весьма немногіе законодатели совершили. Излишнее богатство и

крайняя бѣдность влекутъ равно на путь пороковъ; желаніе пріобрѣсти первое и избѣгнуть второй есть главнѣйшая причина золъ, претерпѣваемыхъ обществомъ, и потому Ликургъ старался истребить ихъ въ Спартѣ. Онъ раздѣлилъ всѣ земли между гражданами на равныя части, строжайшимъ образомъ запретилъ имѣть золото и серебро; а вмѣсто оныхъ введены были въ употребленіе желѣзныя и притомъ весьма тяжелыя деньги. Искуства, служащія единственно къ распространенію роскоши, не только не получали ни малѣйшаго ободренія, но даже были у всѣхъ въ презрѣніи. Всѣ Спартанцы, безъ исключенія, обязаны были ѣсть за общественнымъ столомъ, гдѣ давали имъ самую умѣренную пищу. Голодъ можно удовлетворить и простымъ кушаньемъ; роскошество же и различныя сласти, ни мало не насыщая, только возбуждаютъ аппетитъ и портятъ его. Во время стола обыкновенно преподавали имъ различныя наставленія о умѣренности и воздержаніи, старались внушить имъ любовь къ повиновенію, покорности и самодовольствію; всегда напоминали имъ, что всѣ они равны достоинствомъ; возбуждали въ нихъ презрѣніе къ самолюбію, нѣгѣ и гордости; и, что еще болѣе, заставляли ихъ почи-

тать себя не дѣтьми частныхъ людей, но дѣтьми отечества. Такимъ образомъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ прїучали Спартанцевъ питать другъ къ другу искреннюю и великодушную привязанность, и старались воспламенить въ нихъ благородное честолюбїе отличиться и во всемъ превзойти своихъ сотоварищей. Люди, почтенные по своимъ лѣтамъ и мудрости, не упускали ни одного случая, гдѣ бы можно было похвалить тѣхъ, которые дѣлали что нибудь хорошее; также какъ выговаривать и исправлять другихъ, коихъ замѣчали въ безпорядочномъ и дурномъ поведенїи и непозволенныхъ поступкахъ. Дабы съ самаго младенчества прїучить Спартанцевъ къ неусыпной бдительности и опасностямъ, дѣти должны были красть для себя пищу; естьли же кто нибудь по неосторожности попадался въ воровствѣ, то неминуемо подвергался строжайшему наказанїю. Всякому, думаю я, извѣстенъ поступокъ одного Спартанскаго мальчика, который, укравши молодую лисицу, спряталъ ее подъ плащь и пошелъ домой; животное, не возлюбя можетъ быть новаго своего положенїя, старалось вырваться; но мальчикъ, боясь быть пойманнымъ въ кражѣ, весьма терпѣливо сносилъ всѣ царапанья лиси-

цы, и даже позволялЪ ей грысть себѣ тотЪ бокЪ, у котораго онЪ держалЪ ее до тѣхЪ порЪ, пока внутренности его начали выходить наружу. ТакимЪ образомЪ сила привычки превозмогаетЪ самыя величайшія препятствія и часто, повидимому, сверхЪ-естественныя вещи дѣлаетЪ натуральными и легкими; стыдЪ же преодолѣваетЪ чувство непріятнѣйшихЪ ощущеній.

НРАВЫ СПАРТАНЦЕВЪ. Многіе порицали СпартанцевЪ за ихЪ нравы, потому что поощрять кЪ воровскимЪ поступкамЪ казалось имЪ не только самымЪ нелѣпымЪ и варварскимЪ обыкновеніемЪ, но еще чрезвычайно пагубнымЪ для нравственности молодыхЪ людей: ибо ежедневно повторяя сей опытЪ, они нечувствительно получали кЪ тому столь сильную привычку, что, не вЪ состояніи будучи преодолѣть ее, могли наконецЪ сдѣлаться развращенными людьми. Сіе конечно справедливо и легко могло случиться; но хотя воровство и составляло существенную часть воспитанія дѣтей сей республики, однако же мы не находимЪ вЪ Исторіи, чтобы Спартанцы, достигнувЪ совершеннаго возраста, были пристрастны кЪ воровству болѣе, нежели другіе народы. Цѣль,

съ которою поощряли дѣтей къ таковымъ поступкамъ, состояла не въ томъ, чтобы поселить въ нихъ склонность присвоивать или похищать чужую собственность, но чтобы сдѣлать ихъ смѣлыми, искусными и проворными. Постоянный навыкъ изъясняться въ краткихъ и точныхъ выраженїяхъ, которыми они столько прославились, весьма много содѣйствовалъ къ образованїю ума молодыхъ людей. Отсюда въ новѣйшїя времена лаконическимъ выраженїемъ называется кратко, но сильно и ясно выраженная мысль. Дабы женщины имѣли крѣпкое и здоровое сложенїе, то для нихъ, также какъ и для мущинъ, установлены были различныя игры. Въ продолженїи ихъ наблюдаемо было строжайшее цѣломудрїе и благопристойность. До тѣхъ поръ, пока законы Ликурговы находились во всей своей силѣ, до тѣхъ поръ и цѣломудрїе соблюдалось неослабно; въ такомъ состоянїи нравы находились довольно долгое время; но наконецъ и сїя республика, подобно прочимъ Греческимъ областямъ, испытала пагубныя слѣдствїя развращенїя нравовъ, которое скоро оказалось всеобщимъ: Спартанскїя женщины ввергнулись въ послѣднюю крайность и сдѣлались совершеннымъ поношенїемъ своего пола.

ВЪ Лакедемонѣ женщины имѣли всегда большую власть надъ мущинами. Одинъ чужестранецъ сказалъ женѣ Леонида: „Вы однѣ „такія женщины, которыя повелѣваютъ му-„щинами. Справедливо, отвѣчала она, и мы „однѣ только родимъ истинныхъ мущинъ." Супружество находилось въ Спартѣ въ величайшемъ уваженіи, безбрачность же въ презрѣніи. Весьма рѣдко случалось тамъ видѣть состарѣвшуюся дѣвицу или холостаго мущину старика. Одинъ молодой человѣкъ не хотѣлъ встать, когда подошелъ къ нему нѣкоторый знаменитый полководецъ, потому что послѣдній не былъ женатъ. „Ты не имѣешь дѣтей, ска-„залъ онъ, которые могли бы сдѣлать мнѣ та-„кое же почтеніе и встать при моемъ прибли-„женіи." Спартане были мужественны и чрезъ то пріобрѣли великую славу. Они безпрерывно жили въ лагеряхъ и встрѣчали враговъ своихъ съ такою неустрашимостію и жаромъ, котораго ничто не могло охладить. Законы воспрещали имъ ввести другую войну, кромѣ оборонительной. Спартанскіе нравы сами по себѣ были сильнѣйшею и наилучшею преградою и обузданіемъ страстей; и до тѣхъ поръ, пока они вточности исполняли сей уставъ мудраго своего законодателя Ликурга, до тѣхъ

поръ Спарта сохраняла первенство между Греческими республиками и пользовалась довѣренностїю и уваженїемъ сосѣдственныхъ областей.

Я не намѣренъ и не могу утверждать, чтобъ Спартанскїе нравы были во всемъ совершенны; не говорю и того, чтобъ находилъ ихъ достойными служить такимъ образцомъ, которому всѣ новѣйшїе народы должны подражать. На землѣ нѣтъ ничего совершеннаго, и ни одно изъ древнихъ государствъ или республикъ не можетъ быть примѣромъ для образованныхъ и торговыхъ народовъ.

Строгая добродѣтель Лакедемонянъ превращалась иногда въ совершенное варварство. Сердца ихъ никогда не знали нѣжныхъ чувствованїй, проистекающихъ отъ кроткихъ добродѣтелей; они, можно сказать, были закоренѣлы въ жестокости, и вмѣстѣ съ материнскимъ молокомъ всасывали въ себя склонность къ варварству. По законамъ Спартанскимъ, отцы имѣли право подвергать и даже предавать смерти собственныхъ дѣтей своихъ, естьли они родились съ слабымъ сложенїемъ; сїе безчеловѣчїе исполняли они весьма часто. Но сего не довольно: чтобы прїучить дѣтей своихъ

къ терпѣливому перенесенїю всякой боли и тѣлесныхъ мученїй, они сѣкли ихъ столь немилосердо, что не рѣдко случалось, что сїи пытки оканчивались смертїю невинныхъ страдальцевъ. Сїи безчувственные тиранны поступали съ такою же звѣрскою жестокостїю и съ Илотами или невольниками, которые обработывали ихъ поля. Изъ всего вышесказаннаго можемъ мы справедливо заключить, что главною причиною столь чрезмѣрной ихъ безчувственности былъ самый образъ ихъ воспитанїя, и сїе неоспоримо заслуживаетъ величайшее порицанїе. Не взирая однако же на то, что человѣческїя ихъ чувствованїя столь отдалены свойствомъ своимъ отъ тѣхъ, которыя Природа вдохнула всѣмъ людямъ, Спартанцы всегда будутъ достойны удивленїя. Они отличались необыкновеннымъ величїемъ души, какое весьма рѣдко видимъ мы у новѣйшихъ народовъ. Нѣкоторый гражданинъ сей республики, котораго не хотѣли избрать въ число членовъ трехъ - сотнаго совѣта, сказалъ: „Я щастливъ, потому что „Спарта нашла триста гражданъ, гораздо до-„стойнѣйшихъ меня.“ Нѣкто спросилъ одного изъ Спартанскихъ Царей: „Подъ какимъ пра-„вленїемъ народъ можетъ быть съ большею без-„опасностїю и спокойствїемъ?“ Царь отвѣчалъ

ему: „Тамъ, гдѣ народъ ни бѣденъ, ни бо-
„гатъ, и гдѣ человѣкъ правый находитъ себѣ
„многихъ друзей, а плутъ ни одного."

ЗАКОНЫ АѲИНЯНЪ. Правила и нравы Аѳинянъ совершенно различны были отъ Спартанскихъ. Сей народъ гораздо болѣе, нежели въ которой нибудь изъ прочихъ республикъ Грецiи, привержен былъ къ вольности. Желанiе быть свободнымъ служило причиною той непреодолимой ненависти, которую питали они къ Царской власти. Сiе достоинство навсегда изгнано было изъ Аѳинъ, и верховная власть перешла въ руки народа. Никакое общество не можетъ существовать безъ законовъ. Аѳиняне, до времени Дракона, не имѣли никакого уложенiя; онъ составилъ имъ оное около 624 года до Р. Х. Но законы его, по которымъ всѣ вообще преступленiя наказывались смертiю, показались народу слишкомъ жестокими и несоотвѣтственными съ духомъ правленiя и щастiемъ вольныхъ людей.

Солонъ, знаменитый по своему рожденiю и обширнымъ знанiямъ, сочинилъ (спустя 66 лѣтъ послѣ Дракона) для своихъ соотечественниковъ новое уложенiе законовъ, болѣе соот-

мѣтствовавшее ихъ нравамъ и положенію. Я почитаю излишнимъ входить здѣсь въ подробное оныхъ описаніе, ибо сіе мало принесло бы удовольствія моимъ читателямъ. Довольно будетъ сказать, что въ законахъ его находятся многіе недостатки; но какъ Солонъ старался болѣе о томъ, чтобы угодить всѣмъ классамъ народа вообще, то по сей причинѣ и принужденъ былъ оставить дорогу для многихъ золъ открытою. Естьли же справедливо то, что при сочиненіи своихъ законовъ онъ старался преимущественно принаравливать ихъ къ тогдашнему положенію и состоянію самихъ Аѳинянъ; и что сіи законы были самые лучшіе, какіе только въ состояніи былъ принять народъ сей: въ такомъ случаѣ онъ ни мало не заслуживаетъ порицанія.

Война была исключительнымъ занятіемъ Спартанцевъ. Каждый гражданинъ долженъ былъ избрать одно изъ двухъ: или быть воиномъ, или удалиться изъ отечества. Аѳиняне напротивъ того упражнялись въ наукахъ и искусствахъ; они всегда готовы были принять оружіе, какъ скоро нужда отечества того требовала; но въ мирное время всякому позволено было заниматься тѣмъ предметомъ, для котораго онъ

посвятилъ себя. Въ Спартѣ любовь къ бѣдности не допускала родиться скупости, или истребляла ее при самомъ началѣ; въ Аѳинахъ любовь къ пріобрѣтенію богатства оживляла промышленность. Спартанцы, привыкнувъ съ самаго младенчества къ повиновенію, охотно покарялись власти законовъ; между тѣмъ какъ и самая малѣйшая тѣнь подчиненности казалась для Аѳинянъ тяжкимъ игомъ; неограниченная любовь къ свободѣ часто доводила ихъ до своевольства и необузданности; они презирали законы и самыхъ судей, которые имѣли слишкомъ слабую власть для того, чтобы такой народъ удерживать въ границахъ повиновенія.

Естьли, какъ мы видимъ, правленіе можетъ имѣть столь великое вліяніе на нравы, то нравы равнымъ образомъ имѣютъ столь же сильное дѣйствіе на самое правленіе. Строгость законовъ Ликурговыхъ, соотвѣтствуя суровости Спартанскихъ нравовъ, была главнѣйшею причиною того, что они съ готовностію имъ повиновались. Нравы Аѳинянъ имѣли въ себѣ несравненно болѣе мягкости и гибкости, и потому худая система законовъ могла ли сдѣлать лучшими такихъ людей, которыхъ не-

постоянство происходило единственно отъ недостатка въ твердыхъ и непремѣнныхъ правилахъ, людей, стремившихся безпрестанно къ удовольствїямъ? Такова была противоположность между сими двумя древними славнѣйшими республиками. Неумѣренная строгость Спартанцевъ часто превращалась въ варварство; Аѳиняне же, человѣколюбивые, образованные, благородные и просвѣщенные, прославились также и великими подвигами и безсмертными творенїями. Народъ Спартанскїй поступалъ съ Илотами самымъ варварскимъ образомъ; между тѣмъ какъ граждане Аѳинскїе обходились съ своими невольниками столь человѣколюбиво, что и въ наши времена рѣдко обходятся такъ съ слугами.

ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА. Грецїя, можно по справедливости сказать, была отечествомъ изящныхъ искусствъ; они доведены были въ ней до великаго совершенства. Свобода, неоспоримо, имѣетъ сильное влїянїе на вкусъ, и какъ скоро народъ, посредствомъ дѣятельной своей промышленности, довольно уже обогатился, тогда и въ роскошествахъ жизни начинаетъ появляться лучшїй вкусъ и утонченность; изящныя же искусства получаютъ большее обо-

дреніе, какъ средства къ хорошему употребленію и наслажденію пріобрѣтеннымъ богатствомъ. Периклъ, благородный и знаменитый Аѳинянинъ, былъ первый изъ Грековъ, который особенно покровительствовалъ изящнымъ искусствамъ, и его соотечественники, чрезъ долгое время послѣ него, продолжали въ нихъ славиться. Грекамъ обязаны мы изобрѣтеніемъ трехъ орденовъ Архитектуры: Коринѳскаго, Дорическаго и Іоническаго, которые и по сіе время составляютъ существенныя части хорошаго вкуса въ зданіяхъ. Греція имѣла также превосходныхъ живописцевъ и скульпторовъ. Фидій довелъ ваятельное искусство до высочайшей степени совершенства. Праксителъ сдѣлалъ двѣ превосходнѣйшія статуи Венеры, которыя заслужили всеобщее удивленіе. Онъ отдалъ ихъ на выборъ жителямъ города Куза, положивъ за обѣ одинакую цѣну; одна изъ нихъ была совершенно нагая, другая же въ одеждѣ; но народъ сей предпочелъ послѣднюю, хотя она и не столь была прекрасна, какъ первая: какой хорошій примѣръ скромности! Греческіе живописцы употребляли только четыре сорта красокъ, которыя были имъ извѣстны: черный, бѣлый, красный и желтый; они весьма хорошо дѣлали такъ называемую въ живописи *смѣсь*

свѣта и тѣни (clair-obscür), отъ которой изображенныя фигуры представляются глазамъ выпуклыми. Не смотря на сїе, они едва ли не должны уступить первенство въ семъ искусствѣ Рафаэлю и нѣкоторымъ другимъ новѣйшимъ живописцамъ. Изящныя искусства пользовались въ Грецїи отличнымъ покровительствомъ и получали достойныя награды. Сїе безъ сомнѣнїя служило наилучшимъ средствомъ, дабы воспламенить въ артистахъ благородное рвенїе стремиться къ совершенству въ тѣхъ предметахъ, для которыхъ каждый особенно себя посвятилъ.

МУЗЫКА. Греки были страстными любителями музыки; она имѣла даже нѣкоторое влїянїе на ихъ законы и много содѣйствовала къ умягченїю ихъ нравовъ. Всѣ образованные и самые даже варварскїе народы чувствовали власть гармонїи и показывали собою, что человѣкъ имѣетъ врожденную любовь къ музыкѣ. Она укрощаетъ дикїе нравы, вдыхаетъ мужество, любовь къ добродѣтели и воспламеняетъ къ великимъ дѣламъ. Музыка и Поэзїя суть двѣ родныя сестры: Барды древнихъ временъ были вмѣстѣ и поэты и музыканты; они пѣли подвиги своихъ героевъ и излагали ихъ

письменно въ стихотворныхъ одахъ, которыя сами же сочиняли. Древняя музыка имѣла въ себѣ нѣчто мужественное, какую-то особенную силу, простоту и вмѣстѣ величественность; она была способна къ укрощенїю страстей и образованїю нрава. Тогда неизвѣстна была слабая и изнѣженная музыка новѣйшихъ временъ. Между тѣмъ какъ Греки оказывали сему изящному искусству великое уваженїе, Римляне, напротивъ того, оставляли его въ совершенномъ пренебреженїи: у ни[illegible] одни только невольники въ немъ упражнялись. Изъ всѣхъ музыкальныхъ инструментовъ, извѣстныхъ древнимъ, лира была самымъ употребительнѣйшимъ. Перконачально она имѣла только три струны. Тимоѳей умножилъ число ихъ до одиннадцати, къ которымъ, спустя нѣсколько времени, еще было прибавлено. Греки упражнялись въ различныхъ родахъ музыки; число музыкальныхъ нотъ, которыя у нихъ употреблялись, простиралось до одиннадцати, и каждая означалась особеннымъ знакомъ; но по изобрѣтенїи Гюэмъ де Реццо, въ одиннадцатомъ столѣтїи, нотной таблицы, искусство сїе сдѣлалось несравненно удобнѣйшимъ и легчайшимъ.

ПОЭЗІЯ. Быть превосходными въ какомъ нибудь искусствѣ можемъ мы въ такой только степени, сколь великимъ геніемъ наградила насъ для онаго Природа. Люди должны родиться поэтами; въ противномъ же случаѣ чрезъ воспитаніе никогда не льзя пріобрѣсти сего искусства. Пылкое и быстро изобрѣтающее воображеніе и правильный вкусъ суть качества, необходимыя для поэта, естьли онъ хочетъ быть превосходнымъ. Творенія Гомера и другихъ Греческихъ поэтовъ неоспоримо доказываютъ, что сіи великіе люди имѣли таланты оныя въ полной мѣрѣ. Гибкій, звучный, величественный, пріятный и сильный языкъ ихъ былъ истиннымъ языкомъ боговъ. Словомъ, нѣтъ ни одного языка, который былъ бы столько способенъ къ подражанію Природѣ, т. е. чтобы изъ самыхъ звуковъ образовалось эхо выражаемой мысли, какъ Греческій.

Поэзія по справедливости заслуживаетъ преимущество предъ всѣми прочими искусствами; ибо и самые дикіе народы упражнялись въ оной. Человѣкъ, влекомый какимъ-то природнымъ побужденіемъ, любитъ воспѣвать свои удовольствія и благополучіе; воспѣвать хвалу божеству, коему онъ покланяется; прославлять

подвиги героя, возбудившаго въ немъ удивленіе; воспѣвать тогда, когда онъ желаетъ дѣйство-вать на сердца другихъ. Всѣ страсти вообще, въ особенности же нѣжныя, много способствуютъ къ распространенію сего пріятнаго искусства. Всякой любовникъ есть вдохновенный поэтъ; часто однако же случается, что пѣсни поэта одушевлены человѣколюбивыми чувствованіями. Такимъ образомъ многіе утверждаютъ, что главнѣйщимъ намѣреніемъ Гомера при сочиненіи Иліады было то, чтобы прекратить ужасный раздоръ и взаимную злобу, свирѣпствовавшія въ то время между Греческими Государствами.

Начало драматическихъ представленій по справедливости должно отнести ко времени Солона; ибо игры, бывшія прежде него въ Греціи, не заслуживаютъ даже названія драматическихъ *). Эсхилъ, жившій въ то время, когда Ксерксъ нашествовалъ на Грецію, есть настоящій отецъ трагедій; но дабы болѣе тронуть зрителей, онъ выводилъ на сцену одни только ужасныя и жалостныя явленія. Софоклъ придалъ трагедіи болѣе интересу и благородства: такъ на-

*) Первая трагедія играна была въ Аѳинахъ, на подвижныхъ подмосткахъ, въ 535 мъ году до Рождества Христова.

зываемая завязка у него гораздо натуральнѣе и правильнѣе, а слогъ, повсюду равно высокій и сильный, несравненно свойственнѣе сего рода сочиненіямъ, нежели слогъ Эсхила. Эврипидъ, достойный соперникъ Софокла, оспоривалъ у него первенство и обогатилъ свои трагедіи такими философическими мыслями, которыя внушаютъ любовь къ добродѣтели.

Область комедіи заключается въ осмѣяніи порока; представляя на сценѣ различныя дурныя качества людей, она старается чрезъ то содѣйствовать къ исправленію тѣхъ пороковъ, которые не подлежатъ власти человѣческихъ законовъ. *) Комедія древнихъ временъ, касательно сего, имѣла большой недостатокъ; ибо часто осмѣивала такихъ людей, которые были еще живы, и указывала непосредственно на ихъ особу. Древняя комическая муза, подобно злостному сатирику, нападала на всѣхъ безъ разбору, какъ на добродѣтельныхъ, такъ и на порочныхъ. Слѣдующая черта служитъ яснымъ доказательствомъ величайшаго развращенія Аѳинянъ, т. е. что они съ особеннымъ удоволь-

*) Первая комедія играна была въ Аѳинахъ, на подвижныхъ подмосткахъ, въ 562 мъ году до Р. Х.

ствїемъ смотрѣли на дурачества какого нибудь Аристофана, который осмѣивалъ добродѣтельнаго Сократа, какъ будто онъ былъ изъ числа самыхъ дурныхъ гражданъ въ Аѳинахъ. Такъ называемая средняя комедїя осмѣивала людей, упоминая собственное каждаго имя. Новѣйшая же комедїя представляетъ на сценѣ порочные нравы, но никогда не указываетъ лично на какую нибудь особу. Такова есть комедїя нынѣшнихъ временъ. „Она (говоритъ Буало) есть „зеркало, въ которомъ всякой можетъ видѣть „собственное свое изображенїе, смѣяться надъ „своими глупостями и недостатками и вмѣ„стѣ, съ полученїемъ удовольствїя, учиться „исправлять ихъ.“ Сомнительно однако же, чтобы кто нибудь рѣшился исправить свои пороки отъ того единственно, что онъ видѣлъ ихъ осмѣянными на сценѣ. Театръ посѣщаютъ нынѣ болѣе для удовольствїя, но весьма рѣдко для наставленїя, и слушатели, смотря на картину порока или какой нибудь чрезвычайной странности, всегда относятъ сїе нареканїе на щетъ другихъ, а не на свой собственной.

ФИЛОСОФIЯ. Естьлибъ захотѣли мы вычислять всѣхъ Философовъ и Историковъ Гре-

ціи, то намЪ не достало бы на сіе довольно времени. Читая творенія Фукидида, Ксенофонта, Платона и Аристотеля, просвѣщенные люди могутЪ ясно видѣть, до какой степени совершенства доведены были Греками Исторія и Философія. Для насЪ довольно будетЪ замѣтить, что одна изЪ величайшихЪ выгодЪ, которыя можемЪ мы получить отЪ тѣснѣйшаго знакомства сЪ Греками, есть изученіе Исторіи; напротивЪ того знаніе ихЪ Философіи весьма мало принесло бы намЪ пользы. Безчисленное множество сектЪ, на которыя раздѣлялись Греческіе Философы, противорѣчили одна другой; ихЪ разнообразныя системы, неоснованныя на неоспоримыхЪ и точныхЪ доводахЪ и долговременной опытности, были ничто иное, какЪ сборище пустыхЪ и запутанныхЪ софизмЪ и мечтаній воображенія; самая даже нравственная ихЪ Философія нимало не согласна была сЪ истинною, не свойственна натурѣ человѣка и не основана на дѣйствительныхЪ наблюденіяхЪ причинЪ добра и зла. ВЪ отношеніи кЪ сему предмету должно отдать полную справедливость Сократу, который дѣйствительно былЪ превосходнѣйшій ФилософЪ - МоралистЪ у ГрековЪ. ОракулЪ провозгласилЪ его наимудрѣйшимЪ человѣкомЪ

тогдашняго времени; онѣ говорилѣ (ибо письмо не сохранило сочиненій его до нашего времени, по тому болѣе, что онѣ ничего не выдавалѣ письменно), что главнѣйшая наука людей есть знаніе самаго себя; что цѣль истинной Философіи есть распространеніе общихѣ и частныхѣ добродѣтелей, и что естьли Философія не стремится кѣ сей цѣли, вѣ такомѣ случаѣ она недостойна сего имени. Но Сократѣ слишкомѣ рано явился на сцену міра, потому что люди еще не вѣ состояніи были принимать и цѣнить мудрыхѣ его наставленій. Естьлибѣ онѣ жилѣ вѣ нынѣшнія просвѣщенныя времена, то конечно пріобрѣлѣ бы славу блистательную Христіанскаго Философа. Аѳиняне поступали сѣ Сократомѣ какѣ сѣ человѣкомѣ, презирающимѣ боговѣ своего отечества, какѣ сѣ врагомѣ республики; и вѣ награду за всѣ благодѣтельныя услуги, которыя оказывалѣ онѣ своимѣ согражданамѣ, заставили его выпить чашу цикуты. Греки были весьма искусны вѣ военной наукѣ тогдашняго времени; войны, которыя имѣли они сѣ Персіянами, и почти безпрерывныя междоусобныя распри сдѣлали ихѣ опытными вѣ расположеніи военныхѣ лагерей и порядка сраженія, и способствовали кѣ усовершенствованію ихѣ воинскихѣ орудій и одѣянія

солдатъ. Греки сдѣлали также значительные успѣхи въ Геометріи, Астрономіи, Географіи, Медицинѣ и наукѣ о финансахъ, то есть, какимъ образомъ собирать доходы и распоряжать ими надлежащимъ образомъ, въ наукѣ, весьма важной для тѣхъ, которые управляютъ кормиломъ государства.

КРАСНОРѢЧІЕ. Краснорѣчіе процвѣтаетъ болѣе въ народныхъ правительствахъ: публичный ораторъ находитъ тамъ гораздо больше побудительныхъ причинъ и хорошихъ случаевъ, гдѣ можно ему показать все могущество своего краснорѣчія и достигнуть вышшей степени совершенства въ семъ искусствѣ. Образъ Аѳинскаго правленія весьма благопріятствовалъ краснорѣчію; и оно не могло не дѣлать быстрыхъ успѣховъ въ такомъ городѣ, гдѣ всегда находило для себя богатую пищу, гдѣ множество ежедневно появляющихся случаевъ открывало ему пространное поприще для блистательныхъ подвиговъ, и гдѣ народное рукоплесканіе служило путемъ къ славѣ и щастію. Истинное краснорѣчіе есть искусство убѣждать разумомъ; оно интересуетъ наши страсти и приводитъ неоспоримыя доказательства, основанныя на чувствованіяхъ людей. Въ Греціи искусство кра-

снорѣчїя преподаваемо было систематически, подобно другимъ наукамъ; молодой ораторъ произносилъ рѣчи не только въ школѣ, но заблаговременно прїучался говорить ихъ предъ народомъ. Софисты, присвоившїе себѣ званїе публичныхъ учителей, испортили Греческое краснорѣчїе. Они уклонились отъ истинны и Природы, научая своихъ послѣдователей давать предмету многоразличные виды, доказывать его со всѣхъ сторонъ и стараться болѣе ослѣплять, нежели убѣждать своихъ слушателей.

Периклъ возстановилъ въ Аѳинахъ истинное краснорѣчїе и возвратилъ ему весь прежнїй блескъ; спустя нѣсколько времени явился великїй Демосѳенъ и возвелъ оное на вышшую степень совершенства. Природа не даровала Демосѳену качествъ, нужныхъ для оратора; онъ имѣлъ весьма слабый голосъ, дурное произношенїе и никакимъ образомъ не могъ бы выговорить буквы Р. Сїи-то недостатки были причиною, что его освистали въ первый разъ, когда онъ вышелъ говорить предъ народомъ. Нѣкоторый комедїантъ, которому Демосѳенъ жаловался на свой неудачный опытъ, сказалъ ему, что онъ не долженъ совсѣмъ отчаяваться; ибо можно еще найти средства исправить его

недостатки и не только щастливо успѣть въ своемъ предпріятіи, но современемъ сдѣлаться славнымъ Ораторомъ. Комедіантъ велѣлъ ему прочитать нѣсколько стиховъ и потомъ самъ повторилъ ихъ съ такою пріятностію и выраженіемъ, что Демосѳенъ тотчасъ почувствовалъ совершенно другую въ нихъ силу. Сей случай доказалъ Оратору, что успѣхъ его предпріятія зависѣлъ отъ *дѣйствія.* Дабы пріобрѣсти его, онъ заключился въ одну маленькую хижину, которую для себя построилъ, и въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ безпрерывно занимался тѣмъ, чтобы усовершенствовать себя въ упомянутомъ предметѣ. Такимъ образомъ, чтобы привыкнуть къ шуму бурнаго народнаго собранія, онъ часто ходилъ читать на морской берегъ; иногда же, для исправленія недостатковъ своего произношенія, онъ клалъ въ ротъ нѣсколько малыхъ камешковъ и во время прогулки, или нарочно взбираясь на крутую гору, говорилъ какія нибудь слова, стараясь произнести ихъ какъ можно чище и явственнѣе. Твердая рѣшительность и пламенное желаніе достигнуть превосходства могутъ преодолѣть и самыя величайшія трудности. Демосѳенъ побѣдилъ Природу, и силою своего краснорѣчія самовластно управлялъ Аѳинскимъ народомъ,

затмивъ собою всѣхъ славнѣйшихъ Ораторовъ тогдашняго времени. Филиппъ Македонскiй сказалъ, что многочисленные флоты и войска цѣлой Грецiи не столько для него страшны, какъ краснорѣчiе Демосөена. Кто будетъ стараться образовать себя по образцу древнихъ, тотъ безъ сомнѣнiя можетъ надѣяться быть современемъ хорошимъ Ораторомъ; но человѣкъ, который будетъ пренебрегать и почитать безполезнымъ подражанiе Демосөену или Цицерону, симъ великимъ мастерамъ краснорѣчiя, тотъ да будетъ увѣренъ, что никогда не достигнетъ сей цѣли.

Римъ, первоначально слабый и незначущiй, содѣлался наконецъ повелителемъ мiра. Не многiя причины споспѣшествовали Римлянамъ къ достиженiю всемiрнаго владычества: неограниченное честолюбiе и желанiе быть первенствующимъ народомъ въ свѣтѣ воспламеняло сердца ихъ; никакiя величайшiя препоны, никакiя нещастiя не могли поколебать сей преобладавшей ими страсти; они не упускали ни одного благопрiятнаго случая, гдѣ могли удовлетворить ее. Римляне имѣли превосходнѣйшую военную дисциплину, и особенное вниманiе обращали на то, чтобы прiучить солдатъ къ пере-

несенїю самыхъ величайшихъ трудностей и нуждъ и чрезъ то содѣлать ихъ непобѣдимыми на полѣ битвы; источники военныхъ пособїй были у нихъ неизтощимы. Чрезвычайная скорость, съ которою вознаградили они великїя потери, понесенныя ими въ войнѣ противъ Аннибала, служитъ тому доказательствомъ. Они оказывали всегда строжайшее повиновенїе къ законамъ. „Ничто (говоритъ Монтескьё) не „можетъ сравниться въ могуществѣ съ такою „республикою, гдѣ гражданинъ повинуется за„конамъ не изъ принужденїя, но по побужде„нїю господствующей въ немъ страсти, какъ „было въ Римѣ и Спартѣ.“ Ибо въ тогдашнїя времена самое величайшее ревнїе, которое духъ партїй когда либо воспламенялъ въ народѣ, соединено было съ благоразумїемъ мудраго правительства. Всѣ предпрїятїя ихъ ознаменованы были нѣкоторымъ энтузїамомъ, который никогда не охладѣвалъ и переходилъ отъ отца къ сыну, отъ сына къ дальнѣйшему потомству, всегда въ равносильной степени. Римскїе нравы довольно долгое время сохраняли первобытную чистоту свою. Любовь къ бѣдности, подкрѣпляемая любовїю къ праводушїю, и соединенные съ неограниченнымъ желанїемъ распространить свои завоеванїя, ограждали ихъ отъ па-

губной заразы тѣхъ пороковъ, которые причиняютъ упадокъ народнаго духа. Нѣтъ сомнѣнія, что въ древнія времена сей республики, которыя преимущественно называются щастливымъ ея періодомъ, нравы Римлянъ находились въ грубомъ и необразованномъ состояніи, но по крайней мѣрѣ они имѣли тогда первобытную чистоту свою и не знали изнѣженности и развращенія; а я думаю, всякой благомыслящій человѣкъ согласится со мною и отдастъ преимущество нравамъ добродѣтельнымъ, хотябъ они не имѣли образованности и утонченности, предъ порочными, хотябъ они были несравненно утонченнѣе первыхъ. Въ продолженіе пяти вѣковъ, протекшихъ отъ основанія Рима, случился только одинъ разводъ и то по естественной причинѣ неплодія. Сіе служитъ доказательствомъ, какое величайшее уваженіе имѣлъ Римскій народъ къ священнымъ обязанностямъ супружества. Но время и обстоятельства часто совершенно перемѣняютъ нравы народовъ. Римляне испытали сію участь. Покоривъ Италію, они простерли оружіе свое въ отдаленнѣйшія страны востока, и тамъ, окруженные блестящимъ великолѣпіемъ и пышностію Азіатскихъ сатраповъ, заразились всѣми пороками развращенныхъ и изнѣженныхъ народовъ,

ими покоренныхъ. Какъ скоро сїя гибельная зараза проникла въ самый Римъ, то въ короткое время совершенно истребила чистоту нравовъ сего народа и, такъ сказать, умертвила величїе и мужество побѣдителей свѣта. Первые, сдѣлавшїеся жертвами развращенїя, были, по большой части, люди отличные, которые своимъ примѣромъ развратили и всѣхъ. Сїя заразительная язва распространилась по всему Государству и проникла во всѣ состоянїя. Но сїи нещастныя обстоятельства имѣли слѣдствїя еще нещастнѣйшїя: самые развращеннѣйшїе нравы, междоусобныя войны, безсилїе прежде могущественнаго народа и наконецъ потеря вольности. Превращенїе добродѣтельныхъ Римскихъ нравовъ въ порочные было причиною паденїя сей знаменитой республики, и тѣхъ, которые прежде столько гордились и превозносили свою свободу, подвергнуло тяжкому игу рабства.

Древнїе Римляне долгое время находились въ состоянїи крайней грубости и невѣжества и не имѣли никакого понятїя о тѣхъ изобрѣтенїяхъ и усовершенствованїяхъ, которыя доставляютъ различныя удовольствїя въ жизни. Самый городъ Римъ не былъ вымощенъ до пяти сотъ семдесятъ пятаго году послѣ своего осно-

ванія. Въ продолженіе почти пяти сотъ лѣтъ Римляне не знали изчисленія времени. Сципіонъ Назика изобрѣлъ водяные часы, посредствомъ которыхъ раздѣляли день. Нѣкоторый Грекъ, поселившійся въ Римѣ во время Пунической войны, первый ввелъ у нихъ въ употребленіе Медицину и Хирургію. Енній и Невій суть древнѣйшіе Римскіе Историки; они писали стихами, но Поэзія ихъ вѣроятно была самая варварская, а Исторіи незанимательны.

Частныя сношенія и тѣснѣйшее знакомство съ Греками весьма много содѣйствовали къ образованію и просвѣщенію Римлянъ. Плавтъ и Теренцій очистили Римскій театръ отъ прежняго варварства и ужасныхъ нелѣпостей, которыми онъ былъ преисполненъ, и ввели Греческій образъ представленія. Драматическія творенія сихъ писателей (въ особенности же Теренція), сочиненныя въ истинномъ духѣ комедій и слогомъ, соотвѣтственнымъ сему роду, гораздо лучше приспособлены къ театральному представленію, нежели всѣ тѣ, которыя существовали у Римлянъ прежде нихъ. Полибій показалъ имъ, какимъ образомъ должно писать Исторію, и сіе время было началомъ тѣснаго знакомства ихъ съ Греческими Философами.

Такимъ образомъ вкусъ Римлянъ мало по малу приходилъ въ совершенство, и грубые нравы ихъ сдѣлались гораздо утонченнѣе. Старшій Катонъ, котораго называютъ также Цензоромъ, сильно противился распространенію успѣховъ умственнаго образованія, думая, что оно можетъ произвести пагубныя слѣдствія для нравовъ народа; по сей причинѣ, дабы пресѣчь сіе, по мнѣнію его, зло, онъ издалъ законъ объ изгнаніи изъ Рима всѣхъ Философовъ и Ораторовъ. Въ этомъ случаѣ онъ, безъ сомнѣнія, ошибся. Просвѣщеніе всегда благодѣтельно, и до тѣхъ поръ, пока люди остаются въ невѣжествѣ, они не могутъ истинно называть себя истинно мудрыми и щастливыми. Творенія Цицерона, Виргилія и Горація, Ливія, Саллюстія и Тацита приносятъ Римскому имени гораздо болѣе чести, нежели всѣ кровопролитныя войны и побѣды. Просвѣщеніе, также какъ религія и нѣкоторые другіе благодѣтельные предметы, могутъ быть употребляемы во зло; но какъ скоро просвѣщеніе направляется къ истинной его цѣли, т. е. къ изслѣдованію истины и распространенію познаній, въ такомъ случаѣ оно есть одно изъ величайшихъ благъ въ жизни. Различіе, находящееся между чело-

вѣкомъ просвѣщеннымъ и невѣждою, столь же велико, какъ между умнымъ и безумнымъ.

„Вещь, которая (говоритъ одинъ глубоко„мысленный писатель) въ Римѣ была весьма „обыкновенною, кажется нынѣ для насъ достой„ною величайшаго удивленія. Одинъ и тотъ „же человѣкъ былъ судьею, воиномъ, граждан„скимъ начальникомъ, полководцемъ, искуснымъ „Ораторомъ и тонкимъ политикомъ, Государ„ственнымъ человѣкомъ и ученымъ, и одинъ и „тотъ же человѣкъ отличался и былъ полезенъ „во всѣхъ упомянутыхъ должностяхъ.“ *) Такіе люди посправедливости достойны величайшаго удивленія! Сіе происходило конечно отъ того, что воспитаніе ихъ было совершенно различно отъ нашего. Сколько, напротивъ того, ограниченъ кругъ, въ которомъ заключены наши дарованія! Въ новѣйшія времена человѣкъ, занимающійся съ отличіемъ въ одной только должности, обращаетъ уже на себя всеобщее вниманіе; чтожъ подумалибъ объ немъ тогда, когдабъ отличался и приносилъ большую пользу во многихъ? Безъ сомнѣнія почлибъ его нѣкоторымъ родомъ чуда.

---

*) Аббатъ Милотъ.

ГЛАВА II.

Исторія, законы, нравы, религія новѣйшихъ Европейскихъ народовъ и обычаевъ.

Самая занимательнѣйшая эпоха новѣйшей Исторіи есть та, которая начинается въ концѣ осьмаго столѣтія или, лучше сказать, съ того времени, когда Карлъ Великій сдѣлался Западнымъ Императоромъ. Сей воинственный и щастливый Государь, покоривъ своему скипетру тѣ народы, которые во время упадка Римской Имперіи завладѣли Италіею и въ ней поселились, и сдѣлавшись самовластнымъ обладателемъ Франціи, Германіи, Нидерландовъ и части Испаніи, коронованъ былъ, въ достоинствѣ Римскаго Императора, въ день Рождества Христова, Папою Львомъ III. Въ слѣдующемъ сокращенномъ начертаніи, необходимомъ для связи различныхъ періодовъ новѣйшей Исторіи, намѣренъ я показать причины упадка Римской Монархіи и упомянуть, кѣмъ основаны новѣйшія Государства Европы.

Тяжкое иго, которому подвергнулась обширная Римская Имперія отъ грубыхъ варваровъ, попранная слава и могущество древняго Рима,

разрушенные памятники его величія и просвѣщенія, все сіе должно обратить на себя особенное наше вниманіе, какъ происшествія безпримѣрныя въ лѣтописяхъ народовъ; сіе самое побуждаетъ насъ изслѣдовать причины, которыя произвели столь удивительныя дѣла, и которыя неоспоримо существовали.

Римъ имѣлъ обширныя владѣнія въ Европѣ, въ Азіи и въ Африкѣ. Богатство всѣхъ подвластныхъ ему Государствъ стекалось въ сей городъ; чрезмѣрное изобиліе родило величайшую роскошь, произвело испорченность въ нравахъ и наконецъ совершенно истребило ту пламенную любовь къ свободѣ, которою дышали граждане въ щастливыя времена республики. Солдаты, которые прежде съ величайшимъ ревніемъ и готовностію повиновались всегда своимъ предводителямъ, чувствуя важность своей помощи въ спорахъ, происходившихъ за владычество между великими людьми, сдѣлались наконецъ непокорными и служили орудіемъ деспотизма; они самовластно возводили и низводили съ престола тѣхъ, которые пріобрѣтали или теряли ихъ благоволеніе. Народъ добродѣтельный никогда не захочетъ подвергнуться игу рабства. Римъ наслаждался свободою до

тѣхъ поръ, когда хранилъ добродѣтель; но какъ скоро пагубное развращеніе проникло въ жилища непорочности и наконецъ достигло высокой степени, тогда народъ сей добровольно допустилъ наложить на себя оковы, и въ рабственномъ усыпленіи не стремился возвратить потерянной свободы, но оставался спокойнымъ зрителемъ непрестанныхъ перемѣнъ и равнодушно покарялся Императору, бывшему въ тотъ день. Однако же Римъ и въ сіе самое время имѣлъ Императоровъ, по справедливости достойныхъ наименованія великихъ. Они употребляли всѣ средства, дабы удержать быстро распространяющееся развращеніе; казалось, что подъ ихъ правленіемъ Римъ начиналъ пробуждаться отъ глубокой дремоты своей. Къ нещастію, сіе продолжалось весьма короткое время, ибо зло пустило уже слишкомъ глубокіе корни. Пороки появились потомъ во всей своей силѣ; Римъ часъ отъ часу приходилъ въ большую слабость, такъ что болѣзнь его оказалась наконецъ неизлѣчимою.

Константинъ, первый Христіанскій Императоръ, почувствовавъ отвращеніе къ Риму, рѣшился наконецъ перенести столицу Имперіи въ другой городъ; для сего избралъ онъ древ-

нюю Византїю, лежащую на Фракїйскомъ Босфоръ, украсилъ ее подобно Риму, назвалъ Константинополемъ и для нее пожертвовалъ пользою цълаго Государства. Сей поступокъ весьма много содъйствовалъ къ упадку Римскаго могущества на западъ; ибо, сдълавши Константинополь мъстопребыванїемъ правительства, хотя и оградилъ онъ востокъ отъ набъговъ варварскихъ народовъ, но Италїю оставилъ безъ обороны. Можно сказать, что Константинополь возвысился на развалинахъ Рима, и сїя Имперїя, раздробившаяся при наслъдникахъ Константина на двъ части, восточную и западную, совершенно ослабъла, лишившись той твердости, которую имъла она въ совокупности частей ея въ одно тъло.

Какъ бы то ни было, однако Римъ продолжалъ чрезъ долгое время наслаждаться спокойствїемъ, и варварскїе народы напали на Италїю не прежде, какъ при Гонорїъ, сынъ Өеодосїя (который началъ царствовать на западъ въ 395 году по Р. Х.). Вышедши изъ дикихъ лъсовъ съвера, они вторгнулись въ плодоносныя провинцїи южной Европы и, подобно всепоглощающему потоку, истребляли на пути своемъ все, что ни встръчали. Ничто не могло противостоять

непреодолимому ихъ мужеству: прекраснѣйшія страны, цвѣтущіе и многолюднѣйшіе города сдѣлались жертвою грабительства, пламени и опустошенія. Тираны и бичи человѣческаго рода погибли отъ ихъ губительнаго меча; могущество и величіе Римской Имперіи, сіе произведеніе и чудо тысячи вѣковъ, разрушены въ одно мгновеніе; изъ ея огромныхъ и все еще страшныхъ развалинъ возникли новѣйшіе народы Европы. Мщеніе и страсть къ завоеваніямъ руководили сими дикими воинами; тщетно было всякое сопротивленіе; слѣды ихъ ознаменованы были ничтожествомъ, и взоры странника не находили ничего болѣе, кромѣ разрушенія и потоковъ крови. Сіи ужасныя нашествія (Гоѳовъ подъ предводительствомъ Радагиза; Визиготовъ подъ начальствомъ Аларика; Гунновъ съ Атилломъ; Вандаловъ съ Гензерикомъ; Геруловъ съ Одоакеромъ, и Остроготовъ съ Теодорикомъ) продолжались цѣлое столѣтіе и весьма скоро слѣдовали одно за другимъ. Хотя сѣверъ и престалъ наконецъ извергать сіи миріады, но сіе было тогда уже, какъ и самые слѣды владѣній древняго Рима совершенно изчезли. Едва только примѣтны были нѣкоторые остатки его законовъ, обычаевъ и слабая тѣнь прежняго просвѣщенія и искуствъ.

Визиготы завладѣли Испанїею; Франки Галлїею; Саксы Британнїею; Гунны Паннонїею; Остроготы Италїею. Съ сего времени во всѣхъ странахъ Европы появился совершенно новый образъ правленїя, новые законы, языки, нравы, обычаи и самая одежда. Государства и народы получили новыя имена, и видъ Европы совершенно измѣнился.

Выше сего уже говорили мы о причинахъ, кои содѣйствовали къ паденїю Римской Имперїи, которая существовала тысячу двѣсти лѣтъ, съ большею или меньшею славою. Естьли читатели мои пожелаютъ имѣть гораздо обширнѣйшее понятїе о всѣхъ причинахъ, предуготовившихъ, произведшихъ и ускорившихъ ея паденїе, въ такомъ случаѣ я попрошу ихъ заглянуть въ творенїя тѣхъ писателей, которые упомянуты въ ниже приведенномъ замѣчанїи; ибо они описали сїе гораздо краснорѣчивѣйшимъ и философическимъ образомъ *). Естьли же они желаютъ знать, кто были тѣ, которые разрушили Римскую Имперїю, то я скажу имъ, что это были наши праотцы, тѣ самые, отъ которыхъ

*) Пуффендорфъ, Боссюэтъ, Монтескьё, Робертсонъ, Фергюсонъ, Миллотъ, Гиббонъ.

мы происходимъ. Европа составляетъ одну обширную фамилію, раздѣленную на многія вѣтьви, которыя всѣ произошли отъ одного корня. Праотцы Англичанъ, Французовъ, Испанцевъ, Италіанцевъ, Германцевъ были Готы, Визиготы, Саксы, Франки, Вандолы, Гунны. Всѣ сіи народы вышли изъ одной и той же страны. Первое ихъ появленіе было въ сѣверной Европѣ; но праотцы сихъ народовъ обитали вѣроятно въ древней Скифіи, или новѣйшей Азіатской Татаріи. Почти совершенно истребивъ слабыхъ и изнѣженныхъ Римлянъ, и разрушивъ памятники прежняго ихъ величія, они мало по малу укротили свое звѣрство и поселились въ покоренныхъ ими странахъ.

ПРАВИТЕЛЬСТВА. Первый предметъ, привлекающій на себя наше вниманіе, есть образъ правленія, который существовалъ у сихъ народовъ въ то время, когда они напали на Римскую Имперію. Онъ былъ точно такой же, какой описываютъ намъ Кесарь и Тацитъ *), и не имѣлъ ни малѣйшаго сходства съ правильнымъ и хорошо устроеннымъ правленіемъ новѣйшихъ Государствъ. Въ то время, когда сіи народы

---

*) См. Записки Кеса. о вой. Гальс. и Тацита о нрав. Герм.

скитались еще въ дикихъ лѣсахъ, тогда общественность находилась у нихъ, такъ сказать, въ младенчествующемъ состоянiи. Семейства ихъ, не имѣя никакихъ между собою сношенiй, и будучи совершенно отдѣлены и независимы одно отъ другаго, скитались всюду, не имѣя надъ собою никакой власти и правленiя. Люди тогда только чувствовали необходимость во всеобщемъ соединенiи, когда предпринимали какой нибудь воинской походъ, или намѣревались итти на грабительскiй промыслъ. Разсѣянныя и блуждающiя племена соединялись въ такомъ случаѣ въ одно полчище; но каждое племя имѣло особеннаго и независимаго отъ другихъ начальника. Скоро однако же различныя обстоятельства и смутное положенiе ихъ дѣлъ дало имъ почувствовать необходимость въ такомъ предводителѣ, которой бы имѣлъ вышшую надъ всѣми прочими власть, и которомубъ можно было поручить главное руководство ихъ предпрiятiй; по сей-то причинѣ они рѣшились избрать его, что и исполнили въ шумномъ собранiи всѣхъ племенъ и при всеобщемъ рукоплесканiи. Сей предводитель, которому народъ давалъ титулъ Короля, пользовался весьма ограниченною властiю; какъ главный начальникъ, онъ имѣлъ преимущественное

право первый подавать голосѣ, но не могѣ однако же никого силою принудить повиноваться его мнѣнїю. Глава каждаго семейства или племени самѣ разсматривалѣ и рѣшилѣ такїя дѣла, которыя касались только до нихѣ вѣ особенности; все же прочее, относившееся до цѣлаго народа вообще, разсматриваемо было вѣ собранїи всего многочисленнаго общества. Первоначальною конституцїею народовѣ была, вѣроятно, военная демократїя; тогда каждый членѣ общества добровольно защищалѣ свое жилище и каждый свободный человѣкѣ имѣлѣ право участвовать вѣ правленїи. Добыча, полученная послѣ какой нибудь побѣды, принадлежала всѣмѣ вообще, и какоебѣ ни сдѣлано было прїобрѣтенїе, всякой имѣлѣ право требовать изѣ онаго своей доли. Государь, или главный начальникѣ значилѣ между ними ничто иное, какѣ первый гражданинѣ общества; власть его могла быть иногда обширнѣе, иногда ограниченнѣе, смотря по его личнымѣ качествамѣ и духу; преемничество, также какѣ и избранїе на престолѣ, не принадлежало никогда изключительно одной какой нибудь фамилїи. Естьли сынѣ имѣлѣ такїя же отличныя добродѣтели и достоинства, какѣ и отецѣ, вѣ такомѣ случаѣ народѣ, сѣ общаго согласїя, превозглашалѣ его

своимъ Государемъ; естьли же онъ отъ природы лишенъ былъ сихъ качествъ; естьли онъ имѣлъ развращенные нравы или былъ слишкомъ молодъ: тогда ближайшій ему родственникъ, или достойнѣйшій изъ гражданъ восходилъ на престолъ. Правленіе древнихъ Германцевъ, судя по описанію, которое оставилъ намъ Тацитъ, почти совершенно сходно было съ вышеупомянутымъ. Война, какъ говоритъ сей Историкъ, была единственнымъ занятіемъ сихъ народовъ; воинственный духъ господствовалъ между ними во всей силѣ. Провождая жизнь свою въ землѣ дикой и необработанной, въ землѣ, изобилующей лѣсами и покрытой болотами; будучи подвержены жестокости суроваго климата и почитая презрительнымъ доставать себѣ пропитаніе чрезъ обработаніе земли, они поддерживали бытіе свое одними только грабительствами и похищеніемъ имущества своихъ сосѣдей. Оружіе, по ихъ мнѣнію, давало имъ неоспоримое право на собственность послѣднихъ; такимъ образомъ они пользовались имъ безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти, какъ такимъ правомъ, которое дала имъ природа. Будучи съ самаго младенчества воспитаны въ непрестанныхъ трудахъ, въ нуждѣ и во всѣхъ тягостяхъ войны, они не знали никакихъ бо-

лѣзней и легко переносили самыя величайшія трудности и недостатки. Съ мужествомъ и твердостію стремились они на всѣ опасности и съ нѣкоторою радостію встрѣчали смерть. Будучи неограниченно привержены къ свободѣ, они съ непоколебимостію противились честолюбивымъ притязаніямъ тѣхъ, которые хотѣли подвергнуть ихъ игу рабства, и хотя чрезвычайно привержены были къ своимъ Начальникамъ, потому что сами ихъ избирали, не смотря на то, и при сей военной подчиненности они всегда наслаждались совершенною свободою. Сія демократія продолжалась до того времени, пока войны ихъ были ничто иное, какъ междоусобные грабительскіе набѣги; но когда покорили они провинціи Римской Имперіи, то правительство ихъ превратилось въ аристократическое. Избравши постоянныя для себя жилища, но будучи еще въ непрестанномъ страхѣ какъ отъ природныхъ народовъ, такъ и отъ нашествія другихъ варваровъ, они рѣшились составить тѣснѣйшій между собою союзъ, и дабы лучше утвердить общую безопасность, пожертвовали частію древнихъ правъ своихъ для сохраненія прочаго. Съ сего времени предводитель почитался верховнымъ главою всей колоніи; онъ получалъ

самый большой участокЪ изЪ завоеванныхЪ земель, и каждый воинЪ, прїобрѣтая при раздѣлѣ новопокоренной страны часть, соотвѣтственную сЪ тѣмЪ званїемЪ, которое занималЪ онЪ вЪ армїи, чрезЪ то самое обязывался всегда сЪ готовностїю итти противЪ возстающихЪ на общество враговЪ; главнѣйшїе же чиновники получали обыкновенно гораздо лучшїе и большїе предЪ ними участки. ПосредствомЪ такого раздѣленїя малое число людей прїобрѣтали опасное влїянїе и перевѣсЪ и причиняли величайшїй вредЪ общей свободѣ. Король, или главный начальникЪ, который получалЪ самую обширнѣйшую долю, раздавалЪ ее своимЪ подчиненнымЪ, иногда вЪ награду прошедшихЪ заслугЪ, иногда для прїобрѣтенїя сильнѣйшей кЪ себѣ приверженности, иногда же для привлеченїя новыхЪ соучастниковЪ; и тѣхЪ, которые получали отЪ него подобныя милости, заставлялЪ служить подЪ своими знаменами и сопутствовать ему во всѣхЪ походахЪ, сЪ тѣмЪ условїемЪ, что вЪ противномЪ случаѣ они лишатся сихЪ подарковЪ. Дворянство или первые чиновники слѣдовали его примѣру, и присоединялись кЪ нему сЪ своими многочисленными васаллами. ВЪ скоромЪ времени они присвоили себѣ права Государей

надѣ собственными владѣнїями; начали сопротивляться власти главнаго начальника, отказывались сопутствовать ему въ походахъ и наконецъ даже осмѣлились поднимать противъ него оружїе. Прежнее политическое подданство совершенно изчезло; связь, находившаяся между начальникомъ и главнѣйшими членами союза, разорвалась, и такимъ образомъ общая польза и щастїе цѣлаго народа оставлены въ пренебреженїи. За аристократїею необходимо должна была послѣдовать анархїя; народъ подпалъ игу рабства; властолюбїе сильныхъ начало угнетать его тяжкимъ своимъ господствомъ, и мало помалу самые слѣды справедливости изчезли. Дворянство питало злобную другъ къ другу зависть, отъ которой возгарались потомъ частыя войны; повсюду свирѣпствовали гражданскїя междоусобїя, люди съ ужаснымъ звѣрствомъ истребляли одни другихъ, и Европа, въ продолженїе сего перїода, представляла собою зрѣлище самаго жесточайшаго кровопролитїя и опустошенїй; казалось, что земля населена была одними дикими звѣрьми, пожиравщими другъ друга. Таковъ былъ пагубный плодъ феодальной системы нашихъ праотцевъ; къ сожалѣнїю, и въ наше время находятся еще слѣды ея и притомъ въ такой странѣ, которая хвалится своею свободою.

ФРАНЦІЯ. Кловисъ, предводительствуя многочисленными племенами Франковъ, покорилъ Галлію (что нынѣ Франція) и въ сей странѣ основалъ почти неограниченную монархію. Сей Государь, въ первоначальное время, имѣлъ столь же малую власть, какъ и всѣ предводители варварскихъ народовъ; но знаменитыя побѣды, которыя одержалъ онъ надъ Бургундами, принудивъ ихъ платить тяжкую дань, и потомъ еще надъ Визиготами, которыхъ совершенно покорилъ своей власти, содѣлали имя его страшнымъ. Какъ дальновидный политикъ, онъ умѣлъ всякую вещь обращать къ собственной своей пользѣ. Принявъ Христіанскую религію, онъ съ такимъ благоразуміемъ поступалъ во всѣхъ касавшихся до нее дѣлахъ, что въ короткое время пріобрѣлъ неограниченную довѣренность и любовь духовенства и народа, тѣмъ болѣе, что послѣ своего обращенія, къ которому побудили его, можетъ быть, болѣе политическіе виды, нежели внутреннее удостовѣреніе въ истиннѣ Христіанства, всѣ поступки его ознаменованы были чрезвычайнымъ благочестіемъ. Утверждаютъ, что, изъ почтенія къ Св. Мартыну, онъ строжайшимъ образомъ запретилъ солдатамъ своимъ, во время пребыванія ихъ въ Туринѣ, употреблять

какую либо другую пищу, кромѣ кореньевъ и воды. Онъ соорудилъ многія церкви и монастыри; но честолюбіе его, возраставшее по мѣрѣ успѣховъ, превратилось наконецъ въ варварство. Впрочемъ, тиранство сего Государя, которое испытывали наиболѣе тѣ дворяне, кои владѣли малыми помѣстьями, и которыхъ часто предавалъ онъ поносной смерти, не только не причинило ему никакого вреда, но еще содѣйствовало къ утвержденію его власти; онъ умеръ неограниченно самовластнымъ Государемъ, оставивъ дѣтямъ обширныя свои завоеванія, какъ такую собственность, которую никто не можетъ у нихъ оспоривать. Но преемники его, не имѣя политическихъ и воинскихъ дарованій сего Монарха, не въ состояніи были удержать Французскую монархію на той степени самодержавства, на которую возвелъ ее Кловисъ. По смерти сего Государя, оказался повсюду величайшій безпорядокъ; возгорѣлась междоусобная вражда между слабыми и жестокосердыми дѣтьми его, которые дерзнули даже обагрить руки свои въ крови родительской; измѣны, убійства и всѣ раждающіяся отъ нихъ неустройства превратили Францію въ позорище ужасныхъ злодѣйствъ и кровопролитія. Въ правленіе столь слабыхъ Государей вель-

можи въ скоромъ времени присвоили себѣ неограниченную власть. Могущество Палатныхъ Меровъ (первыхъ чиновниковъ двора) возрастало со дня на день, и наконецъ открыло имъ путь къ престолу. Пипинъ Геристель, Меръ Австразіи (что нынѣ Нормандія), умертвивъ Эброина, бывшаго Губернаторомъ Невстріи, который своими тиранническими поступками навлекъ на себя всеобщую ненависть, сдѣлался повелителемъ обоихъ Королевствъ. Въ скоромъ времени, чрезъ свое мудрое и кроткое правленіе, пріобрѣлъ онъ любовь народа, усмирилъ различные мятежи и одержалъ въ Германіи знаменитыя побѣды. Въ сіе время Монархи Французскіе имѣли одну только ничтожную тѣнь Королевской власти. Заключенные въ своихъ палатахъ, какъ въ темницѣ, преданные совершенной безпечности, они не помышляли совсѣмъ о дѣлахъ, и предоставляли другимъ дѣйствовать ихъ именемъ. Героическія качества Карла Мартела, славная побѣда, одержанная имъ надъ Сарацинами, возвысили блескъ его фамиліи и доставили ей величайшее вліяніе; Пипинъ довершилъ потомъ переворотъ и нанесъ послѣдній ударъ владычеству Кловисовыхъ потомковъ, лишивъ ихъ и самой тѣни Королевскаго достоинства. Сіе

показываетъ намъ, что Царства, подобно частному имуществу, переходили отъ одной фамилїи въ другой — какое поучительное доказательство непостоянства и превратности человѣческихъ дѣлъ и того, что никакая мудрость людей не можетъ утвердить въ одномъ семействѣ безпрерывнаго родоваго преемничества.

ИСПАНІЯ. Когда Испанїя находилась подъ властїю Вандаловъ, Свевовъ и Алановъ, въ то время казалась она ужаснымъ позорищемъ убїйствъ и опустошенїй. Визиготы, выгнавъ сїи народы изъ Испанїи, сами въ оной поселились и учредили такой же образъ правленїя, какой существовалъ и у прочихъ варваровъ. Короли Визиготскїе по большой части были слабые или преданные порокамъ люди; иногда же соединяли въ себѣ оба сїи качества, а слѣдовательно и нещастны. Тронъ былъ избирательнымъ, и Царская власть заключалась въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ. Въ продолженїе сихъ непостоянныхъ и смутныхъ временъ часто происходили народныя возмущенїя и убїйства самыхъ Королей. Визиготы всегда съ твердостїю защищали право свое избирать ихъ. Свинтилла, Король всей Испанїи, хотѣлъ

сдѣлать достоинство сїе наслѣдственнымъ въ своей фамилїи и объявилъ сына своего Ричемира своимъ соправителемъ, въ противность народнаго желанїя; сей поступокъ стоилъ ему короны и самой жизни. По смерти его, Епископы, дворянство и совѣтъ оспоривали одни у другихъ право располагать короною, и такимъ образомъ наибольшая часть народа лишились самаго важнѣйшаго изъ своихъ преимуществъ. Вамбъ, котораго дворянство принудило силою принять Престолъ, чрезъ нѣсколько времени былъ свергнутъ съ онаго духовенствомъ, а на его мѣсто возведенъ Эрвига, тотъ самый, который отравилъ его ядомъ. Въ сїе время произошелъ въ Испанїи чрезвычайный переворотъ. Распутства, жестокости и преступленїя Витица воспламенили междоусобную войну; наконецъ онъ лишился Престола, а дѣти его навсегда изключены изъ наслѣдства. Родерикъ, пользуясь всеобщимъ смятенїемъ и вспомоществуемый многочисленными своими сообщниками, завладѣлъ короною, но принужденъ былъ защищать ее противъ гораздо сильнѣйшей партїи, которую составили противъ него сыновья Витица. Сей заговоръ тѣмъ болѣе казался для него страшнымъ, что Оппасъ, Архїепископъ Сивильскїй, ихъ дядя, и Графъ Юлїанъ, при-

нали въ немъ участіе *). Они просили помощи у Муца, Сарацинскаго Губернатора Африки, который не замедлилъ исполнить ихъ желаніе. Сарацины вторгнулись въ сіе Государство, дали Родерику жестокое сраженіе на долинахъ Ксерезскихъ, что въ Андалузіи, одержали надъ Христіанами совершенную побѣду, убили ихъ Короля и лишивъ Визиготовъ сего Государства, отдали оное Маврамъ. Пелагій, послѣдній потомокъ изъ роду Готѳскихъ Королей, избѣгнувшій съ малымъ числомъ Христіанъ отъ губительнаго меча побѣдителей, скрылся въ горы Астурійскія и короновался Королемъ Овіедскимъ. Начиная отъ сего Пелагія до Альфонса II. го, царствовавшаго при

(* Причиною ненависти Графа Юліана къ Родерику (какъ полагаютъ Историки) была обида, причиненная симъ Королемъ дочери его Флориндѣ или Кавѣ, которую онъ тайно похитилъ; Юліанъ, дабы отмстить ему за сіе безчестіе, призвалъ въ Испанію Сарациновъ. Но (говоритъ Вольтеръ) не льзя еще утвердительно сказать, дѣйствительно ли Родерикъ похитилъ Каву. Можетъ быть произшествіе, случившееся съ дочерью Графа Юліана, есть одно пустое подражаніе тому, которое было въ Римѣ съ Лукреціею; впрочемъ ни то, ни другое надлежащимъ образомъ не доказано; и могло ли сіе похищеніе, которое какъ привести въ дѣйство, такъ и доказать весьма трудно, служить предлогомъ къ призванію Африканцевъ. — *Вольтеръ*, Опытъ о Всеобщ. Истор.

Карлѣ Великомѣ, владѣнія Христіанскихѣ Государей заключены были вѣ весьма тѣсныхѣ предѣлахѣ. Мавры (сѣ которыми Христіане вели безпрерывныя войны и нерѣдко одерживали надѣ ними славныя побѣды) имѣли вѣ своей власти всѣ прочія обширныя и плодоносныя провинціи Испаніи.

ИТАЛІЯ. Одоакерѣ, Король Геруловѣ, явился вѣ Италіи и истребилѣ совершенно самые даже остатки Западной Римской Имперіи. Сія страна, гордившаяся нѣкогда именемѣ повелительницы народовѣ, мгновенно превращена была неистовыми и безчеловѣчными варварами вѣ плачевный театрѣ тиранствѣ и опустошеній. Вскорѣ потомѣ Острогоmы, пришедшіе сѣ береговѣ Дуная, изгнали Геруловѣ изѣ Италіи, и обагривѣ сію нещастную страну потоками невинной крови ея жителей, завладѣли оною и сдѣлали Равенну столицею своего Государства. Теодорикѣ, бывшій тогда Королемѣ Острогоmовѣ, обратилѣ все свое вниманіе на то, чтобы доставить новымѣ своимѣ подданнымѣ ненарушимую тишину и щастіе, и чтобы они, наслаждаясь сими драгоцѣнными благами, которыя весьма рѣдко бываютѣ удѣломѣ покоренныхѣ народовѣ, благословляли мудрое и

кроткое его правленїе и совершенноѣ забыли прежнїя, претерпѣнныя ими бѣдствїя. Онъ оставилъ имъ старые ихъ законы, покровительствовалъ свободному отправленїю ихъ религїи, утвердилъ въ полной силѣ существовавшее до него правленїе и чиновниковъ, удержавъ для своихъ Готѳовъ одни только воинскїя дѣла. Хотя Теодорикъ былъ варварскаго роду, однако, по своимъ мудрымъ поступкамъ, достоинъ быть поставленъ наряду съ человѣколюбивѣйшими и провосуднѣйшими Государями, и по справедливости заслуживаетъ наименованїе Теодорика Великаго; ибо, не смотря на то, что онъ не умѣлъ (какъ нѣкоторые утверждаютъ) ни писать, ни читать, но Государствомъ своимъ управлялъ съ мудростїю и благоразумїемъ такого человѣка, который получилъ наилучшее воспитанїе. Онъ строжайшимъ образомъ запретилъ, чтобы никто изъ природныхъ Готѳовъ не осмѣливался отдавать дѣтей своихъ чему либо учиться по тому, „говорилъ онъ, „что, привыкнувъ бояться розогъ, они бу„дутъ трепетать при одномъ взглядѣ на шпагу.“ — Въ правленїе сего Государя, продолжавшееся только шесть лѣтъ, Италїя наслаждалась ненарушимымъ спокойствїемъ и, можно сказать, благополучїемъ. „Не сила, но справедли-

„вость должна держать скипетръ (говорилъ „Теодорикъ своимъ подданнымъ); вы всѣ живете „подъ кровомъ одного и того же Государства, и „потому будьте друзьями; Готѳы да любятъ „Римлянъ, какъ своихъ друзей и сосѣдей, а Рим„ляне да уважаютъ Готѳовъ, какъ своихъ за„щитниковъ." Амалазонта, дочь Теодорика, наслѣдовавшая послѣ него какъ престолъ, такъ и отличныя добродѣтели и дарованія своего отца, захотѣла раздѣлить тронъ съ своимъ любимцемъ Ѳеодатомъ, но не могла произвести сего въ дѣйство безъ согласія знатнѣйшихъ людей. При семъ случаѣ Остроготы, подобно всѣмъ варварамъ, показали, сколь священнымъ и неприкосновеннымъ почитали они древнее свое право избирать Королей, вознаграждать низость рожденія и исправлять ошибки выборовъ. Вѣроломный и жестокій Ѳеодатъ умертвилъ собственною рукою Амалазонту, свою благодѣтельницу, и чрезъ то произвелъ ужасный раздоръ и смятеніе между Остроготами. Юстиніанъ, Константинопольскій Императоръ, видя слабость и несогласіе, господствовавшее тогда между Остроготами, рѣшился воспользоваться симъ благопріятнымъ случаемъ и отправилъ въ Италію знаменитаго Велизарія, который разрушилъ совершенно Остроготское Королевство,

взялъ въ плѣнъ Короля ихъ Витигеса и привелъ въ тріумфъ въ Константинополь. Вскорѣ потомъ Тотилла оживилъ унывшій духъ и надежду сихъ варваровъ и разграбилъ нещастный Римъ; но претерпѣвъ пораженіе отъ евнуха Нарзеса, Остроготы принуждены были оставить Италію и уступить мѣсто свое другому племени варваровъ, извѣстныхъ подъ именемъ Ломбардовъ, или Лонгабардовъ. Вступивши въ Италію, они начали истреблять огнемъ и мечемъ все, что ни встрѣчали на пути, и потомъ основали Королевство, котораго столицами были города Павія и Миланъ. Албоинъ, Король Ломбардовъ, погибшій отъ вѣроломства жены своей Розамонды, учредилъ аристократическое правленіе, опредѣлилъ во всѣ главнѣйшіе завоеванные города отличныхъ воинскихъ чиновниковъ съ титуломъ Герцоговъ. Но преемникъ его Клефисъ возбудилъ въ Ломбардахъ столь непреодолимое отвращеніе къ Королевскому достоинству, что, по смерти его, они рѣшились никогда не избирать Королей; слѣдствіемъ сего переворота было то, что постановленные Герцоги начали съ неограниченнымъ самовластіемъ господствовать надъ ввѣренными имъ городами и провинціями, и наконецъ присвоили себѣ права Государей; однако же страхъ нашествія какого нибудь силь-

наго непрїятеля принудилъ главныхъ начальниковъ собрать совѣтъ и съ общаго согласїя возвести на престолъ Антарика, сына Клефисова. Изъ сего видно, что преемничество короны было у нихъ родовымъ, хотя каждый Государь не иначе и не прежде могъ вступить на престолъ, какъ тогда, когда народъ утвердитъ его въ семъ достоинствѣ. Въ числѣ многихъ Лонгобардскихъ Королей, нѣкоторые по справедливости достойны имени великихъ Государей. Ротарисъ составилъ уложенїе законовъ и привелъ его въ дѣйство въ своемъ Государствѣ. (Законы Ломбардовъ славились нѣкогда и въ самой Европѣ.) Гримоальдъ исправилъ сїе уложенїе и отрекся отъ Арїанизма. Славный Люитпрадъ, великїй Государь и великїй воинъ, уничтожилъ бывшее въ Равеннѣ экзархатство. Онъ въ одномъ изъ своихъ узаконенїй строжайшимъ образомъ запретилъ употреблявшееся въ то время обыкновенїе рѣшить споры поединкомъ. (Извѣстно однакожъ, что употребленїе поединковъ перешло къ намъ отъ Ломбардовъ). Астольфъ, тщетно прибѣгавшїй ко всякимъ хитростямъ, дабы избавиться отъ угрожавшей ему бури со стороны Пепина, и нещастный Дидїеръ, побѣжденный Карломъ Великимъ, заключили собою родъ Ломбардскихъ Королей, а съ ними

вмѣстѣ разрушилось и самое Королевство, существовавшее болѣе двухъ столѣтїй.

ВЕЛИКОБРИТАННІЯ. Праотцы Британцевъ были Цельтскаго племени и безъ сомнѣнїя пришли изъ Галлїи. Каледоняне были *Аборигенезцы*, или первоначальные жители Шотландїи; Пикты же, вѣроятно, были древнѣйшими обитателями Англїи, которыхъ Цельтскїе Галлы принудили подвинуться далѣе къ сѣверу. Скоты, или Скиѳскїе бродяги, или, по мнѣнїю нѣкоторыхъ, Милезїанцы, вышедшїе изъ Ирландїи, или еще народъ, произшедшїй отъ поколѣнїя Готѳовъ, завоевали Каледонїю и назвали сїю страну собственнымъ своимъ именемъ. Историки утверждаютъ, что Финикїане, славнѣйшїе мореплаватели древнихъ временъ, производили большїя торговыя сношенїя съ южными провинцїями Британнїи еще за нѣсколько вѣковъ до Р. Х.; но какъ до насъ не сохранилось никакихъ памятниковъ древности, ни историческихъ свидѣтельствъ касательно сего, то вѣроятнѣе будетъ заключить, что ни Финикїане, ни древнїе Греки не знали о Британнїи. Римляне, до временъ Юлїя Кесаря, также не имѣли никакихъ извѣстїй о семъ островѣ. Сей знаменитый полководецъ, поко-

ривъ власти своей Цельтскія племена, обитавшія въ Галліи и Германіи, вступилъ послѣ того въ Британнію съ тою надеждою, что, по завоеваніи сего острова, не только самъ получитъ великія сокровища, но что и каждый солдатъ его арміи пріобрѣтетъ тамъ большое богатство; но Юлій обманулся въ столь лестной надеждѣ и, послѣ нѣсколькихъ небольшихъ сраженій, произшедшихъ между нимъ и природными жителями, принужденъ былъ безъ всякой пользы возвратиться во Францію. Императоръ Клавдій также приходилъ въ Британнію и завоевалъ нѣкоторую часть ея. Въ сіе самое время два славные Героя Британніи, рѣшившись лучше погибнуть, нежели видѣть отечество свое порабощеннымъ игу невольничества, дѣлали повсюду сильный отпоръ Римлянамъ, и воспламеняя духъ мужества въ своихъ согражданахъ, старались воспрепятствовать дальнѣйшимъ успѣхамъ ихъ оружія. Первый изъ нихъ взятъ былъ въ плѣнъ и немедленно отправленъ въ Римъ, гдѣ, изъ уваженія къ отличному его геройству и славному сопротивленію, поступали съ нимъ съ кротостію; напротивъ того послѣдняя, Боадиція (имя же перваго Карактакусъ), не хотя пережить неволи своего отечества, сама прекратила жизнь свою. Юлій

Агрикола, который посланъ былъ въ Британнію Императоромъ Домиціаномъ, не только покорилъ всю сію страну, но простеръ власть Римскаго оружія и въ самую Шотландію; побѣдилъ Галгакуса, Каледонскаго Короля, на горахъ Грампіенскихъ и, для огражденія себя отъ нечаянныхъ набѣговъ со стороны сихъ варваровъ, построилъ различныя крѣпости между рѣками Фортою и Клидою. Вскорѣ послѣ того Адріанъ, дабы воспрепятствовать жителямъ Шотландіи дѣлать нашествія на Англію, повелѣлъ построить стѣну или земляной валъ, начиная отъ Сольвейскаго залива до Тинемута; Северъ же, вмѣсто оной, приказалъ соорудить каменную. Когда Британнія превращена была въ Римскую провинцію, съ того времени она всегда служила кормилицею ихъ армій. Римскіе легіоны разставлены были въ ней по различнымъ мѣстамъ; основываясь на семъ, многіе утверждаютъ, что Константинъ Великій родился въ Йоркѣ.

Въ то время, когда варварскіе народы нашествовали на Италію, Римскіе легіоны вызваны были изъ Британніи, и такимъ образомъ возвратили ей потерянную свободу *). Но Бри-

*) Римляне владѣли Британніею около 400 лѣтъ.

таннія, лишившись защиты Римлянъ, сдѣлалась добычею Скотовъ и Пиктовъ, которые своими жестокостями довели нещастную страну сію до самаго бѣдственнаго состоянія. Тщетно Британцы прибѣгали къ Римлянамъ и умоляли подать имъ скорѣйшую помощь; сей народъ, нѣкогда превозносившійся своимъ могуществомъ, уже не въ состояніи былъ защитить ихъ. Вортигернъ нашелся наконецъ принужденнымъ требовать вспомоществованія у Англо-Саксовъ. Они немедленно исполнили его желаніе и подъ предводительствомъ Горза, или Генгиста, выгнали Пиктовъ и Скотовъ; но въ продолженіе того времени, когда они исполняли должность защитниковъ, страна сія столько имъ понравилась, что они не хотѣли уже возвратиться въ свое отечество и рѣшились въ ней поселиться. Принявъ сіе намѣреніе, они напали на Бриттовъ, которые, свергнувъ съ престола Вортигерна, возвели на оный сына его Вортимера и всѣми силами противились успѣхамъ Саксовъ; не смотря на всѣ чрезвычайныя ихъ усилія, они были побѣждены: ибо хотя Принцъ Артуръ, славный Герой своего времени, и одержалъ во многихъ сраженіяхъ совершенную надъ ними побѣду, но наконецъ судьба рѣшила въ пользу сихъ чужеземцевъ

и побѣжденные Британцы принуждены были искать убѣжища въ Корнуаллѣ и Валлисѣ. Вся остальная часть острова раздѣлилась на многія малыя Королевства *). Ужасное идолопоклонство заступило мѣсто гонимой и наконецъ совершенно изгнанной Христіанской религіи. Время не сохранило намъ никакихъ Историческихъ свидѣтельствъ, которыябъ могли намъ доказать, что феодальная система существовала у Саксонцевъ въ то время, когда поселились они въ Британніи (подобно какъ у прочихъ варварскихъ народовъ). Они не имѣли никакой причины страшиться ни чужестранныхъ непріятелей, ни природныхъ жителей, и потому существовавшій до нихъ образъ правленія оставили они въ полномъ дѣйствіи, хотя можетъ быть не во всѣхъ Королевствахъ на одинаковомъ положеніи. Дошедшія до насъ Саксонскія лѣтописи ничего объ этомъ не упоминаютъ; и все, что намъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что законы и всѣ дѣла, касавшіяся до цѣлаго народа вообще, были пред-

(*) Гептархія основалась около половины пятаго столѣтія и состояла изъ семи Королевствъ, то есть: Кентскаго, Зюссекскаго, Эссекскаго, Вессекскаго или Западно-Саксонскаго, Мерсійнскаго, Восточно-Англійскаго (такъ называвшагося по имени Англовъ, одного Германскаго племени, отъ котораго и Англія получила свое названіе) и Нортумберландскаго.

лагаемы, разсматриваемы или отвергаемы въ полномъ онаго собраніи *). Но Саксонская гептархія, раздробленная на нѣсколько малыхъ частей и чрезъ то весьма ослабленная, ослабленная, не имѣла никакой значительности между народами Европы. Князья сихъ малыхъ Королевствъ начали питать другъ къ другу ужасную ненависть и злобу; отсюда родились споры о границахъ, потомъ кровопролитныя войны и наконецъ Британнія превратилась въ позорище однихъ опустошеній. Необходимо надобно было ожидать, что при такомъ безпорядкѣ и анархіи не будетъ никакого твердаго образа правленія. Демократія обыкновенно превращается въ аристократію. Британнія испытала также сію участь. Дворянство присвоило себѣ право судопроизводства въ своихъ собственныхъ земляхъ и предавало смерти всѣхъ за самыя малѣйшія ему обиды. Прочая часть народа была ничто иное, какъ рабы, совершенно подчиненные дворянству и высшему духовенству. Такимъ образомъ и Британцы подвергнулись въ свою очередь всѣмъ ужасамъ революціи, какіе случались

---

*) Саксонское народное собраніе называлось Виттеннагемоте, т. е. собраніе мудрыхъ людей; сіе законодательное сословіе вѣроятно послужило основаніемъ Британскому Парламенту.

у другихъ народовъ Европы. Открылись большіе недостатки въ правленіи, которое отъ многихъ перешло въ руки малаго числа людей, изключительно присвоившихъ себѣ оное.

Бросивъ внимательный взоръ на различныя Государства, находившіяся подъ игомъ тѣхъ варваровъ, которые раздѣлили между собою обширную Римскую Имперію, мы встрѣчаемъ одинъ случай, который заслуживаетъ величайшее удивленіе, т. е. что образъ правленія во всѣхъ странахъ и у всѣхъ вышеупомянутыхъ народовъ испытывалъ одни и тѣ же перевороты и измѣненія. Какая бы, на примѣръ, была тому причина, что народъ, столь сильно прежде приверженный къ свободѣ, народъ, столь пламенно любящій драгоцѣнное для него равенство, которымъ неограниченно наслаждался онъ въ прежнихъ жилищахъ своихъ — дикихъ лѣсахъ, какая, говорю *я*, тому причина, что онъ равнодушно допускалъ лишать себя сихъ благъ? Какая тому причина, что онъ позволялъ своимъ предводителямъ, за знаменами которыхъ слѣдовалъ изъ доброй воли, присвоивать надъ нимъ права властелиновъ и даже тиранновъ? Когда мы видимъ, что Римляне, Галлы и Бритты сдѣлались рабами неисто-

выхъ своихъ побѣдителей, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо они уступали сильнѣйшимъ; но когда Франки, Готѳы и Саксонцы жертвовали своими правами и свободою и добровольно позволяли прежнимъ своимъ сотоварищамъ налагать на себя ужасныя цѣпи рабства, то источникъ сихъ переворотовъ надобно искать въ самомъ свойствѣ вещей. Въ то время, когда сіи варварскіе народы обитали въ Германіи, тогда и нравы ихъ находились въ простомъ и грубомъ состояніи; всѣ граждане вообще были равны достоинствомъ и владѣли равными богатствами; роскошь была имъ совсѣмъ неизвѣстна и, при соблюденіи строгой умѣренности въ жизни, нужды ихъ были весьма немногочисленны и легко удовлетворяемы. Они не стремились къ стяжанію богатства, сего пагубнаго источника нѣги, роскоши и лѣности, богатства, которое дѣлаетъ развращеннымъ равно какъ богатаго, такъ и бѣднаго; перваго по тому, что возбуждаетъ въ немъ страсть къ безпрерывнымъ наслажденіямъ и удовольствіямъ, а втораго по тому, что раждаетъ въ немъ ненасытимую жадность ко всякому пріобрѣтенію; и наконецъ тѣхъ самыхъ людей, которые прежде были совершенно между собою равны, подчиняетъ одного другому; далѣе, хотя

семейства ихъ были весьма многочисленны, однако же не составляли одного цѣлаго и соединеннаго общества; племена раздѣлены были на множество фамилій, совершенно отдѣльныхъ и независимыхъ одна отъ другой, изъ коихъ каждая удобно и легко могла собираться въ извѣстное мѣсто, естьли нужно было разсмотрѣть какое нибудь собственно до нее касавшееся дѣло. Изъ сего легко можемъ мы видѣть, что въ такомъ положеніи имъ не трудно было сохранить свою вольность; но какъ скоро сіи же самыя племена, по переселеніи въ плодоносныя и пріятныя страны, предались роскоши и всѣмъ раждающимся отъ нее порокамъ, тогда мѣсто прежней свободы заступило рабство. Развращеніе, съ теченіемъ времени, болѣе и болѣе распространялось; прежній энтузіазмъ къ независимости изчезъ, и честолюбивый духъ властительства овладѣлъ ихъ начальниками: вотъ естественный ходъ дѣлъ человѣческихъ. Народъ бѣдный, добродѣтельный и заключенный на маломъ пространствѣ земли, можетъ легко сохранить свободу. Кто бы захотѣлъ лишить его толико драгоцѣннаго блага? Ктобъ былъ столько жестокосердъ, чтобъ рѣшился исполнить сіе? Но естьли роскошь и нѣга ослабили пружины народныя, естьли сей народъ преис-

полненъ честолюбія и стремится къ пріобрѣтенію обширнаго владычества; естьли ненасытимая жадность къ стяжанію богатства овладѣла сердцами гражданъ: тогда каждый успѣхъ, каждое новое его пріобрѣтеніе будетъ служить шагомъ къ рабству, и тогда лишить его свободы будетъ дѣйствительно находиться во власти того, ктобы предпринялъ сіе сдѣлать. Такимъ образомъ сіи высокомѣрные прежде варвары, потерявъ древнюю мужественную и суровую свою добродѣтель, лишились, одни изъ нихъ мало по малу, другіе же вдругъ, прежней драгоцѣнной своей вольности, самаго величайшаго и прекраснѣйшаго изъ даровъ, которымъ природа наградила смертныхъ.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВАРВАРСКИХЪ НАРОДОВЪ. Всеобщее покровительство, обезпеченіе жизни, свободы и собственности каждаго человѣка; вольность всѣхъ гражданъ, основанная на повиновеніи мудрымъ законамъ; ненасильственное употребленіе богатства, силы и даже самой жизни членовъ общества для ихъ собственнаго блага — вотъ великая цѣль законодательства. Ограничить хотѣнія людей по добровольному ихъ согласію, заставить всѣхъ ихъ, т. е. каждаго въ отношеніи къ тому со-

стоянію, которое онъ занимаетъ, содѣйствовать ко благу цѣлаго; согласить ихъ подвергать самихъ себя наказаніямъ; принудить ихъ безпредѣльно и съ охотою повиноваться не самовластнымъ повелѣніемъ одного человѣка, но власти законовъ; позволить, при сохраненіи подчиненности, наслаждаться свободою въ такой мѣрѣ, сколько нужно для того, дабы никто не могъ быть лишенъ какой нибудь части его вольности, кромѣ средствъ вредить другимъ: таковы суть чудеса, законодательствомъ творимыя. Подъ его благотворною сѣнію люди пользуются справедливостію и свободою. Но праотцамъ Англійскаго народа не извѣстно было законодательство такого роду. Благосостояніе и хорошее устройство въ обществѣ почитали они пустыми мечтами воображенія. Буйственное мщеніе было единственною побудительною причиною къ наказанію преступленій. Одинъ только оскорбленный человѣкъ имѣлъ право самовластно преслѣдовать того, кто нанесъ ему обиду. Но сколь бы ни ужасно было преступленіе, во всякомъ случаѣ состояло въ волѣ обиженнаго перемѣнить, естьли только сіе казалось для него возможнымъ, смертное наказаніе каденежное вознагражденіе. Судьи въ тогдашнее время находились принужденными въ большей

части дѣлъ какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ, позволять обѣимъ сторонамъ рѣшить тяжбу ихъ поединкомъ. Высокомѣрные Бароны тогдашнихъ временъ почитали большимъ униженїемъ, для своего достоинства, уступить какому нибудь человѣку, какъ блюстителю законовъ, изключительное право разсматривать преступленїя и одному назначить такое наказанїе, какого по его мнѣнїю заслуживалъ обидчикъ; имъ казалось нѣкоторымъ знакомъ подчиненности относиться къ его суду. По симъ-то причинамъ они не знали никакой другой расправы, кромѣ своего оружїя. Закоренѣлость въ ложномъ понятїи о свободѣ была главнымъ источникомъ сихъ заблужденїи и несправедливыхъ поступковъ. Они опасались, дабы, подчинивъ себя власти законовъ, не подпасть чрезъ сїе рабству какого нибудь человѣка, равнаго съ ними достоинствомъ; имъ неизвѣстна была та неоспоримая истинна, что человѣкъ, добровольно покоряющїйся правосуднымъ законамъ и посредствомъ сего вступающїй въ зависимость того общества, которое съ своей стороны предлагаетъ ему защиту и щастїе, свободенъ въ полномъ смыслѣ сего слова. Предразсудокъ, произшедшїй первоначально отъ невѣжества, но съ теченїемъ вре-

мени укоренившійся отъ всеобщей къ нему привычки, былъ главнѣйшимъ источникомъ всѣхъ неустройствъ, господствовавшихъ въ Европѣ въ продолженіе многихъ столѣтій. Можетъ быть нѣкоторые скажутъ мнѣ, что праотцы Англичанъ, жившіе въ феодальныя времена, также имѣли законы: ибо Историки упоминаютъ о законахъ Салическихъ, Саксонскихъ и Ломбардскихъ. Такъ, они дѣйствительно объ нихъ говорятъ; но я спрашиваю, достойны ли законы сіи священнаго своего имени? должны ли мы ослѣпляться одними пустыми словами? Варварскія правила и обычаи, нелѣпые предразсудки, ложныя преданія и глупыя и суевѣрныя мнѣнія, наносящія совершенное безчестіе человѣческому разуму, называть священнымъ именемъ законовъ, значило бы показывать собственное наше невѣжество въ разсужденіи истинныхъ выгодъ общества. Салическій законъ былъ ничто иное, какъ одно только вычисленіе различныхъ денежныхъ взносовъ за разныя преступленія. По симъ постановленіямъ положена была извѣстная цѣна за грабительство, воровство и даже за смертоубійство, такъ что богатый человѣкъ тѣмъ болѣе могъ дѣлать преступленій, чѣмъ болѣе средствъ имѣлъ онъ откупаться. Такой не-

лѣпый законъ могъ ли служить преградою для злодѣйства! Законодательство феодальныхъ временъ, столь чуждое кротости и человѣколюбія, по моему мнѣнію, было самое варварское и несоотвѣтственно никакому хорошему правленію, которое гдѣ либо существуетъ; ибо оно заключало въ самомъ себѣ многія причины, содѣйствовавшія размноженію пороковъ и преступленій. Сіи законы преисполнены были множествомъ нелѣпостей. Человѣкъ, который ранилъ кого нибудь въ голову опасно, подвергался гораздо меньшему наказанію, нежели тотъ, который посмѣялся надъ умершимъ. Жизнь Архіепископа оцѣнена была въ несравненно большую сумму, нежели жизнь Государя. Естьли случались какія нибудь запутанныя уголовныя дѣла, то обвиняемому позволялось доказывать невинность свою клятвою; не только онъ самъ долженъ былъ ее дѣлать, но еще представить извѣстное число свидѣтелей, которые обязаны были подтвердить оную. Гонтранъ, Король Бургундскій, усомнился въ законномъ рожденіи Клотера; дабы уничтожить сіе сомнѣніе, мать его Фредегунда и вмѣстѣ съ нею триста человѣкъ свидѣтелей и еще три Епископа должны были учинить клятву, что Клотеръ дѣйствительно былъ сынъ Шильпе-

рика. Какое нелѣпое доказательство въ такомъ важномъ дѣлѣ! Не смотря на сїе, оно уничтожило всякое дальнѣйшее подозрѣнїе. Что же должны мы подумать о доказательствахъ посредствомъ холодной и кипящей воды и о раскаленномъ желѣзѣ, которыя назывались судомъ Божїимъ? Ничто иное, какъ то, что они служатъ очевиднымъ доказательствомъ невѣжества варварскихъ временъ *). Далѣе, будемъ мы

*) Доказательство посредствомъ холодной воды начиналось обыкновенно обѣднею, въ которой обвиняемаго приобщали Святыхъ тайнъ; потомъ, по окончанiи заклинанiя и освященiя холодной воды, бросали его въ оную связаннаго, и естьли онъ погружался на дно, въ такомъ случаѣ объявляли его невиннымъ; естьли же напротивъ того всплывалъ на поверхность воды, то виновнымъ. Далѣе, Божескiй судъ посредствомъ кипящей воды производился слѣдующимъ образомъ: обвиняемый опускалъ обнаженную руку свою въ сосудъ, наполненный кипящею водою, со дна котораго онъ долженъ былъ достать брошенное туда освященное кольцо. По окончанiи сего дѣйствiя, судья, въ присутствiи многочисленнаго духовенства и народа, надѣвалъ ему на руку мѣшокъ, который немедленно запечатывалъ собственною своею печатью, и естьли, по истеченiи трехъ дней, не оказывалось на рукѣ никакихъ признаковъ обжоги, то всенародно объявляли его невиннымъ. Третiй родъ доказательства состоялъ въ томъ, что обвиняемый, держа въ рукѣ кусокъ раскаленнаго желѣза, долженъ былъ пройти съ онымъ девять шаговъ. При семъ послѣднемъ доказательствѣ не такъ-

имѣть случай говорить о многихъ другихъ бѣдствїяхъ, произтекавшихъ отъ суевѣрїя, соединеннаго съ самымъ грубымъ невѣжествомъ. Законы Саксонцевъ были такого же рода: почти за всѣ преступленїя полагалось въ нихъ одно наказанїе — денежная пеня. Человѣческая жизнь имѣла извѣстную цѣну, которая была большей или меньшей величины, смотря по состоянїю и степени того, кто убитъ. По закону Этельберта, человѣкъ, обвиненный въ прелюбодѣянїи съ чужою женою, не иначе могъ испросить себѣ прощенїе у того, противъ котораго сдѣлалъ онъ сїе преступленїе, какъ доставивъ ему другую жену; однимъ словомъ, законы и обычаи, господствовавшїе въ то время въ Европѣ, почти вездѣ находились въ такомъ состоянїи. Законы Ломбардовъ преисполнены были такихъ же ужасныхъ глупостей, суевѣрїя и невѣжества. Люитпрадъ чувствовалъ всю ихъ нелѣпость; но зная, сколь сильно привержены были къ нимъ Ломбарды, онъ принужденъ былъ отказаться навсегда отъ надежды искоренить проистекавшее отъ нихъ зло.

то легко можно было обмануть, какъ при двухъ первыхъ, и потому вѣроятно, не многїе, а можетъ быть и никто не соглашался подвергнуться сему испытанїю.

Вольтеръ.

Неограниченное суевѣріе, господствовавшее въ Испаніи, ввело тамъ самое ужаснѣйшее законодательство. Оно было главнѣйшею причиною постановленія тѣхъ кровожадныхъ законовъ, по которымъ Евреи принуждаемы были принимать Христіанскую религію, подъ опасеніемъ смертной казни; суевѣріе же, равнымъ образомъ, было причиною той варварской клятвы, которую Короли Испанскіе должны были дѣлать при возшествіи своемъ на престолъ, то есть, что они всѣми силами будутъ стараться, дабы всѣ изданныя противъ сего нещастнаго народа узаконенія исполнялись строжайшимъ образомъ. Не входя въ дальнѣйшія подробности, скажемъ, что естьлибъ сдѣлать выписку изъ различныхъ уложеній законовъ, по которымъ управлялись праотцы новѣйшихъ народовъ Европы, то она показалась бы самою строгою сатирою противъ ихъ нравовъ, религіи и здраваго смысла.

НРАВЫ ВАРВАРСКИХЪ НАРОДОВЪ. Изъ сего краткаго начертанія о характерѣ правленій и законовъ праотцевъ Англичанъ легко можемъ мы судить о степени чистоты и кротости ихъ нравовъ. Вообще можно сказать, что въ продолженіе того періода, который те-

перь мы разсматриваемъ, они находились въ грубомъ и почти совершенно дикомъ состояніи. Государи, царствовавшіе въ тогдашнія времена, были ничто иное, какъ тираны, утопавшіе въ сластолюбивыхъ удовольствіяхъ; честность и справедливости не дерзали являться въ обществѣ; человѣколюбіе было чуждо ожесточеннымъ сердцамъ ихъ; междоусобныя войны Королей и взаимная злоба дворянства дѣлали каждую страну ужаснымъ позорищемъ вѣроломствъ, измѣнъ и кровопролитій; грубое честолюбіе, дикое и жестокое изувѣрство были отличительнымъ характеромъ того желѣзнаго вѣка. Лѣтописи Франціи наполнены разительными описаніями безчеловѣчныхъ дѣяній Кловиса, основателя Французскаго народа и кровожадныхъ поступковъ четырехъ его сыновей, которые всѣ обагрили руки свои въ самыхъ ужаснѣйшихъ злодѣйствахъ, такъ что въ семъ Государствѣ, въ продолженіе царствованія многихъ его преемниковъ, не видно было ничего болѣе, кромѣ одниxъ кровопролитій. Появленіе кроткаго и великодушнаго Государя почиталось въ то время нѣкоторымъ родомъ чуда. Въ Британніи и въ Испаніи свирѣпствовали тогда гражданскія войны, причина величайшихъ золъ для народовъ. Не находивши по сіе время

въ Исторіи ничего, какъ одни только горестныя описанія бѣдствій человѣчества, мы съ нѣкоторымъ удовольствіемъ видимъ послѣ того появленіе Готѳовъ и Ломбардовъ въ Италіи; съ удовольствіемъ, повторяю я, потому что въ продолженіе господствованія ихъ въ сей странѣ нещастная участь народовъ перемѣнилась въ лучшую и, можно сказать, пріятнѣйшую, и угнетавшее ихъ до того времени иго деспотизма прекратилось. Кому не будетъ сладостно читать въ Исторіи о мудромъ и кроткомъ правленіи Теодорика, который по справедливости достоинъ бы былъ величайшей похвалы, естьлибъ не обагрилъ рукъ своихъ въ невинной крови Симмахія и Боэція, людей, прославившихъ тотъ вѣкъ своими познаніями и добродѣтелію! Ломбардскія лѣтописи представляютъ намъ многихъ мудрыхъ и человѣколюбивыхъ Государей, которые чувствовали также и важность вѣротерпимости. Хотя всѣ они держались Аріанской секты, однакожъ оказывали покровительство и Католикамъ. Законы ихъ вообще, въ сравненіи съ законами прочихъ варварскихъ народовъ, были гораздо превосходнѣе, также какъ и нравы гораздо образованнѣе. Какая же была причина сего различія? Безъ сомнѣнія та, что въ Италіи

находили они болѣе средствъ къ просвѣщенію своему.

РЕЛИГІЯ. Христіанская религія отличается чистотою, духомъ кротости и благостію. Почти всѣ варварскіе народы, которые поселились въ Римскихъ провинціяхъ, принимали тотчасъ сію религію; изъ сего, кажется, натурально слѣдовало бы заключить, что она смягчила дикость и жестокости ихъ нравовъ; но, къ удивленію нашему, ожиданіе не достигло видимо совершеннаго успѣха. Сей народъ всегда былъ зараженъ ужаснымъ суевѣріемъ, которое, присоединившись къ ученію и обрядамъ Христіанской религіи, составило удивительную смѣсь фанатизма, глупости и жестокости. Но въ то самое время, когда чрезъ обращеніе варваровъ къ Христіанской религіи распространилась власть и выгоды духовенства, самая Христіанская религія весьма много теряла; ибо хотя народы сіи перемѣняли предметъ своего поклоненія, но прежній духъ ихъ, не смотря на то, оставался въ нихъ во всей своей силѣ. Друиды Галловъ и Бриттовъ, жрецы Тора и Водена у Германцевъ и Скандинавскихъ народовъ имѣли, даже и въ сіе время, неограниченную надъ ними власть. Когда сіи вар-

вары приняли Христіанскую религію, они обратили сіе безпредѣльное уваженіе къ новымъ священникамъ и продолжали оказывать имъ то же благоговѣніе, какое оказывали жрецамъ. Но духовенство тѣхъ варваровъ, чуждое истиннаго благочестія и кротости, пользуясь симъ духомъ ослѣпленнаго народа, покровительствовало его суевѣрію и употребляло съ своей стороны всѣ возможныя средства для распространенія сего гибельнаго зла. Многіе изъ варваровъ, посвятившихъ себя церковнослуженію, удержали и въ семъ званіи прежнее свое невѣжество и предразсудки. Духъ первоначальнаго Христіанства въ сіе время весьма много перемѣнился и почти совершенно изчезъ. Въ царствованія Христіанскихъ Императоровъ церковь пріобрѣтала большія богатства и сверхъ того имѣла многія привилегіи и преимущества; такія выгоды произвели чрезвычайное ослабленіе духовной строгости и устава, который еще въ большій пришелъ потомъ упадокъ при разрушеніи Римской Имперіи. Народъ, удрученный безпрерывными бѣдствіями, прибѣгалъ подъ мирный кровъ религіи и искалъ утѣшенія и покровительства у ея служителей; но Римское духовенство, забывая священныя свои обязанности, старалось

воспользоваться пріобрѣтенною имъ властію единственно для умноженія своего богатства и могущества. Сіи своекорыстные виды совершенно помрачили свѣтъ истины: въ народѣ возникли безчисленные предразсудки; буйныя страсти, соединившись съ невѣжествомъ, исказили святость и чистоту Евангелія. Богатые дары, которые народъ приносилъ въ церковь, еще болѣе умножили зло сіе. Нѣкоторые грабители, отягченные ужасными преступленіями, посредствомъ которыхъ пріобрѣли они богатство, мучимы будучи угрызеніями совѣсти, почитали себя слишкомъ щастливыми, естьли, предоставивъ духовенству нѣкоторую часть похищеннаго ими чужаго имѣнія, могли чрезъ сіе получить себѣ разрѣшеніе, которое, по мнѣнію ихъ, зависѣло единственно отъ него. Такимъ образомъ, видя, сколь легко было въ сей временной жизни получить прощеніе во всѣхъ преступленіяхъ, учиненныхъ предъ обществомъ, они думали, что, пожертвовавъ церкви частію своего достоянія, можно получить мѣсто и въ царствіи небесномъ. По сей-то самой причинѣ тѣ, кои болѣе другихъ сдѣлали грабительства и насильствъ и предавались большему распутству, вносили въ церковь богатѣйшіе предъ прочими дары. Сіе родило въ

нихъ то нечестивое мнѣнїе, что скупость была главнѣйшимъ свойствомъ Бога. Западное духовенство, болѣе и болѣе прїумножая свое богатство, отвсюду къ нему стекавшееся, прїобрѣло наконецъ такое могущество, что нѣкто изъ Королей Французскихъ сказалъ: „Что Епископы сдѣлались настоящими Королями.“ Въ самомъ дѣлѣ, Западные Епископы, соединивъ богатство съ религїею, были тогда совершенными властелинами народовъ, самовластно располагали коронами и управляли политическими дѣлами. Соединяя въ кругу своемъ всѣ знанїя тогдашнихъ временъ, сколь впрочемъ ни были сїи малозначущи, Западное духовенство по необходимости заставляло прибѣгать къ его совѣтамъ во многихъ случаяхъ; но какъ выгоды его совершенно противны были выгодамъ гражданскихъ правителей, то сїе въ скоромъ времени произвело между ними взаимную зависть, которая въ послѣдствїи была причиною многихъ безпорядковъ. Западные духовные чины начали употреблять различныя коварства, дабы нанести всевозможный вредъ сильнѣйшимъ и всегдашнимъ своимъ непрїятелямъ; выдумывали различныя басни, дабы устрашить ихъ; употребляли духовное оружїе для защищенїя временныхъ своихъ владѣнїй и кроткїй гласъ

человѣколюбія превратили въ ужасный языкъ проклятій. Благотворная религія Іисуса въ устахъ служителей Западной церкви дышала однимъ страхомъ. Священники ея не иначе защищали принадлежавшія имъ земли, какъ силою оружія; а иногда и сами нападали на чужія владѣнія. Не довольствуясь громомъ церкви, они употребляли еще и мечь. Стараясь, для утвержденія своей власти, болѣе и болѣе распространять повсюду невѣжество, они по сей причинѣ прибѣгали ко всѣмъ возможнымъ средствамъ, дабы совершенно истребить просвѣщеніе и такимъ образомъ достигнуть неограниченнѣйшаго надъ умами людей владычества.

Естьлибъ мы твердо могли быть увѣрены, что ошибки и злоупотребленія, вкравшіяся въ религію, не причиняютъ людямъ никакихъ нещастій, и что суевѣрныя заблужденія, коихъ заразительная сила столь долгое время господствовала въ Европѣ у всѣхъ новѣйшихъ Германскаго поколѣнія народовъ, не имѣли никакихъ пагубныхъ вліяній на общество; въ такомъ случаѣ мы не осмѣлились бы упоминать о такихъ подробностяхъ, которыя постыдны не только для самой религіи, но и для ея служителей. Христіанство, взирая на него съ

истинной точки зрѣнія, есть самая чистѣйшая и святѣйшая религія, достойная благоговѣнія всѣхъ народовъ; ученіе ея божественно; нравственность благородна, всесовершенна и превыспренна. Правило о благотвореніи и любви къ ближнему, сіе истинное средство для истиннаго благополучія въ жизни, само по себѣ безконечно драгоцѣннѣе всей гордой мудрости Философовъ. Настоящій образъ поклоненія, то есть не тотъ, который выдуманъ заблудшимъ воображеніемъ людей, но предписанный Божественнымъ нашимъ учителемъ, въ сущности своей есть самый простой и чистѣйшій, проистекаетъ прямо изъ сердца и имѣетъ основаніемъ своимъ разумъ; проповѣданное имъ ученіе, превратно толкуемое и обезображенное невѣжествомъ, приводитъ въ восторгъ душу и облагородствуетъ человѣка. Однимъ словомъ, кто мудрымъ окомъ изслѣдываетъ истинный духъ Христіанской религіи, тотъ находитъ ее великою и божественною. Не сей духъ былъ причиною тѣхъ великихъ бѣдствій, которыя нѣкогда свирѣпствовали на землѣ! нѣтъ! — это былъ духъ суевѣрія, который, заглушая гласъ совѣсти, дѣйствовалъ къ распространенію преступленій; который, изобрѣтеніемъ множества ничтож-

ныхъ церемоній, думалъ замѣнить дѣйствительное исполненіе существенныхъ, нравственныхъ обязанностей; который старался истребить истинну и искоренить непреложно-справедливыя правила. Изъ сего-то ядовитаго источника проистекли различные роды золъ, столь долгое время существовавшаго между новѣйшими народами, изъ коихъ нѣкоторые и по сіе время еще не освободились отъ онаго. Невѣжество родило фанатизмъ: скупость, коварства и хищенія усилились и распространились и произвели совершенное развращеніе нравовъ. Варварская нетерпимость и фанатизмъ ввергли Европу въ ужасные безпорядки и бѣдствія. Миліоны человѣческихъ жертвъ пали во имя всеблагаго Бога, и та самая власть, которая присвоила себѣ имя духовной, помышляла о низпроверженіи троновъ, о возмущеніи подданныхъ противъ ихъ законныхъ Государей и сѣяла смятенія въ обществѣ. Послѣдуемъ Историческою стезею за сими бѣдствіями, и хотя сердцу, не чуждому человѣколюбивыхъ чувствованій, тягостно приступить къ такому дѣлу, но долгъ къ истиннѣ повелѣваетъ открыть свѣту сію горестную картину. Историкъ обязанъ показать людямъ слѣдствія тѣхъ злоупотребленій, которыхъ превратно пони-

маемая религїя была и опять можетъ быть причиною. Хотя надобно питать себя прїятною надеждою, что минувшїя страданїя человѣческаго рода не возмутятъ болѣе спокойствїя земли, однако же это есть дѣло, къ нещастїю, очень возможное. Духъ нетерпимости и фанатизма не совсѣмъ еще истребился; должно страшиться вторичнаго возрожденїя тѣхъ бѣдствїй, которыя нѣкогда потрясали мїръ.

Духовная власть на Западѣ произвела въ девятомъ столѣтїи пагубный переворотъ въ гражданскомъ обществѣ. Въ Исторїи новѣйшихъ народовъ находимъ мы нелѣпую смѣсь священныхъ вещей съ мїрскими. Власть Западныхъ Епископовъ умножалась вмѣстѣ съ умноженїемъ ихъ богатства; а они нечувствительно присвоили себѣ наконецъ такое могущество, которое имѣло весьма пагубныя слѣдствїя для Государей. Они осмѣлились поставить себя внѣ власти законовъ, и естьли впадали въ какое нибудь преступленїе, то и самые даже Короли не дерзали подвергнуть ихъ заслуженному ими наказанїю. Исторїя Англїи и Францїи представляетъ намъ множество подобныхъ примѣровъ. Епископы играли самыя важнѣйшїя роли при Дворахъ Государей: предсѣдательствовали

въ ихъ совѣтахъ, составляли заговоры, заводили интриги, самовластно управляли Государствомъ и заставляли трепетать предъ собою Королей. Въ Испанїи, которая, можно сказать, была колыбелью тираннической власти духовенства, они рѣшили самыя важнѣйшїя Государственныя дѣла, низводили Государей съ престола, и подвергали ихъ самымъ унизительнѣйшимъ наказанїямъ. Монашескїй орденъ въ Западной церкви игралъ, равнымъ образомъ, весьма важную ролю. Ложныя понятїя о религїи и примѣръ нѣкоторыхъ знатныхъ людей, вступавшихъ въ монашество, были главнѣйшими причинами чрезвычайнаго распространенїя сего ордена во всемъ Западномъ Христїанствѣ; глубочайшее суевѣрїе царствовало тогда во всѣхъ монастыряхъ. Въ продолженїе сихъ мрачныхъ временъ колдовство и очарованїя были господствующимъ ученїемъ народа; Западные монахи, будучи сами грубыми невѣждами, утверждали въ народѣ множество нелѣпыхъ предразсудковъ. Голодъ, моровое повѣтрїе, бури и различныя болѣзни приписывали обыкновенно злымъ духамъ. Ужасное, мрачное изувѣрство овладѣло умами и пагубное суевѣрїе, распростерши надъ людьми желѣзный скипетръ свой, опутывало ихъ тяжкими своими цѣпями. Отъ сихъ-то

заблужденїй родилось то зло, которымъ столь долгое время обуреваемо было общество, — я разумѣю подъ симъ политическую власть Римскаго престола.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ ПАПЪ. Римскїе Епископы, еще прежде сего времени, присвоили себѣ верховную власть надъ всѣмъ Христїанскимъ духовенствомъ вообще; во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ, касательно религїи, должно было просить ихъ разрѣшенїя, и отвѣты ихъ принимали, какъ несомнительныя изрѣченїя Оракула. Такимъ образомъ всѣ прочїе Христїанскїе Епископы, которые, по своему достоинству, находились прежде на равной съ ними степени и имѣли ту же власть, наконецъ принуждены были уступить имъ первенство. Папы, коихъ стремленїе къ распространенїю своего могущества сдѣлалось уже неограниченнымъ, начали отправлять во всѣ страны преданныхъ себѣ миссїонеровъ для обращенїя народовъ къ Христїанской религїи. Мы находимъ въ Исторїи, что Аустинъ, монахъ, посланъ былъ Св. Григорїемъ въ Британнїю для обращенїя Англо-Саксовъ къ Римско-Католической вѣрѣ; что Св. Патрикїй проповѣдывалъ въ Ирландїи, а Св. Бонифацїй въ Германїи. Но какъ всѣ сїи

миссіонеры отправляемы были непосредственно отъ Римскаго престола, то необходимо надобно было ожидать, что всѣми силами будутъ стараться о распространеніи его правъ и власти и увѣрять своихъ новообращенныхъ въ неоспоримомъ первенствѣ Римскихъ Епископовъ. Папы же съ своей стороны оказывали притворную покорность и подчиненность тѣмъ Государямъ, въ которыхъ надѣялись они имѣть всегда вѣрныхъ и твердыхъ защитниковъ и покровителей, и которые бы могли быть имъ полезными при исполненіи честолюбивыхъ ихъ видовъ. Первоначальные Епископы Рима имѣли большую власть надъ жителями сего города, которые чрезвычайную имѣли къ нимъ приверженность; церкви владѣли тогда несчетными богатствами; бѣдные находили въ нихъ чадолюбивыхъ отцевъ; нещастные и угнетенные сострадательныхъ утѣшителей; но къ чести ихъ надобно сказать, что сію власть пріобрѣли они единственно истиннымъ своимъ благочестіемъ и благотворительностію. Въ то время, подобно какъ нынѣ, Епископы сіи не имѣли никакой политической власти. Они признавали себя подчиненными Императору и не иначе могли быть возведенными въ сіе достоинство, какъ съ утвержденія Экзарха Ревеннскаго. Изъ

сего не надобно однако же заключать, чтобы они и тогда не помышляли присвоить себѣ самовластїя въ Римѣ; сего не произвели они въ дѣйство единственно по тому, что различныя обстоятельства тому препятствовали. Григорїй III. началъ сей переворотъ. Левъ Изаурикусъ, Константинопольскїй Императоръ, повелѣлъ истребить въ церквахъ всѣ иконы; сїе святотатственное нападенїе на такой предметъ, къ которому народъ оказывалъ безпредѣльное благоговѣнїе, навлекло ему всеобщую ненависть и произвело ужасное смятенїе. Папа, неусыпно бодрствовавшїй о своихъ выгодахъ, поспѣшилъ воспользоваться симъ благопрїятнымъ случаемъ, предалъ его проклятїю и вычеркнулъ имя его изъ диптиковъ *). Народъ, послѣдуя примѣру своего пастыря, разрушилъ въ бѣшенствѣ всѣ находившїяся въ городѣ статуи упомянутаго Императора и уничтожилъ свою зависимость отъ Константинополя. Послѣ сего оставался еще одинъ страшный для Папъ непрїятель — Ломбарды, которые, покоривъ наибольшую часть Италїи, угрожали нападенїемъ и Риму. Въ такихъ опасныхъ обстоятель-

*) Диптихами назывались реэстры, въ которые записывались имена Императоровъ, Епископовъ и другихъ священныхъ Особъ.

ствахъ Григорій прибѣгнулъ къ покровительству Карла Мартела, обѣщалъ возвести его въ достоинство Римскаго Консула и уничтожить власть иновѣрнаго Государя. Карлъ немедленно исполнить согласился его прозьбу; но внезапная смерть Папы и Императора воспрепятствовала произвести въ дѣйство сїе намѣренїе. Захарїй, наслѣдовавшїй Григорїю III., съ ревностїю приступилъ къ совершенїю плана своего предшественника. Дабы оградить себя твердѣйшимъ оплотомъ противъ Ломбардовъ, онъ привлекъ на свою сторону Пипина, возложивъ на него корону Французскаго Королевства, которую отнялъ у законнаго Государя. Пипинъ, желая отличнѣйшимъ образомъ доказать ему свою благодарность за столь великую милость, немедленно, по полученїи прозьбы отъ Стефана III., отправился въ Италїю, разбилъ Ломбардовъ, даровалъ имъ миръ на самыхъ тягостныхъ условїяхъ и отдалъ экзархатство Римскому престолу. Однако же вскорѣ послѣ сего похода Астольфъ нарушилъ миръ. Папа вторично прибѣгнулъ къ покровительству Пипина, который снова отправился въ Италїю, принудилъ Ломбардовъ возвратить Папѣ экзархатство, удержавъ за собою верховную надъ онымъ власть. Сїе время, можно сказать, было

началомъ политическаго самовластія Папъ, достигнувшаго потомъ до высочайшей степени.

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКІЕ ПАТРІАРХИ. Какъ въ Римѣ властвовали Папы, такъ точно въ Константинополѣ властвовали Патріархи. Сіи два верховные Начальники духовенства находились въ вѣчной между собою враждѣ. Глава восточной церкви управлялъ ею почти съ такимъ же самовластіемъ, какъ и первой; будучи по своему достоинству на второй степени; онъ непрестанно домогался высшей. Греческая церковь признавала первенство Римскаго Епископа не по тому, чтобы оно было правомъ, соединеннымъ съ престоломъ Св. Петра; но по первенству, дарованному древней столицѣ предъ новою. Но Римъ, оставленный Императорами, разграбленный и опустошенный варварами, казалось, не заслуживалъ уже сего преимущества. Многіе Константинопольскіе Патріархи съ того времени, какъ перенесена была въ сей городъ столица Имперіи, употребляли всѣ возможныя хитрости, дабы сдѣлаться первенствующимъ главою церкви. Іоаннъ, прозванный постникомъ, явнымъ образомъ домогался сего достоинства. Онъ своимъ отличнымъ, хотя притворнымъ, благочестіемъ пріобрѣлъ

уваженїе и покровительство Императоровъ; строгимъ наблюденїемъ постовъ и другихъ тѣлесныхъ изнуренїй, которыя добровольно на себя онъ налагалъ, доставилъ себѣ неограниченную любовь монаховъ; щедрою же своею благотворительностїю и человѣколюбїемъ содѣлался онъ душей народа и предметомъ его благоговѣнїя. Прїобрѣтши такимъ образомъ величайшую славу, онъ созвалъ многочисленный духовный соборъ и принялъ на ономъ титло Вселенскаго Епископа. Тщетно Римъ поражалъ его своимъ громомъ; гордый Патрїархъ пребылъ непоколебимъ, удержалъ присвоенное имъ титло и передалъ оное своимъ преемникамъ. Въ сїе-то время показались первыя искры того великаго раскола, который въ послѣдствїи разторгъ навсегда сїи двѣ церкви, Латинскую и Греческую. Константинопольскїе Патрїархи, подобно Римскимъ Епископамъ, прїобрѣли наконецъ великое влїянїе на государственныя дѣла и часто заставляли трепетать самихъ Императоровъ. Никто, кромѣ ихъ, не имѣлъ права совершать коронованїе, и потому, пользуясь симъ преимуществомъ, они осмѣливались иногда предписывать законы своимъ повелителямъ. Патрїархъ Македонїй не хотѣлъ короновать Анастасїя, пока онъ не далъ ему письменнаго увѣренїя, что

непоколебимо будетъ защищать постановленія, сдѣланныя на Халкедонскомъ соборѣ. Ужасныя смятенія, свирѣпствовавшія въ Восточной Имперіи въ продолженіе сего періода, происходили отъ теологическихъ споровъ; едва одинъ изъ нихъ прекращался, какъ возникалъ другой; такимъ образомъ ненависть и гражданскія междоусобія привели въ совершенное разслабленіе тамошнее правительство. Императоры, будучи столько же суевѣрны, какъ и ихъ подданные, ничѣмъ болѣе не занимались, кромѣ отвлеченныхъ богословскихъ преній, между тѣмъ какъ Сарацины отнимали у нихъ прекраснѣйшія провинціи въ Азіи и Африкѣ. Духъ нетерпимости родилъ ужаснѣйшія бѣдствія, духъ, который, увы! неограниченно господствовалъ во всѣхъ періодахъ Христіанской церкви и коимъ, къ нещастію, заражены были всѣ исповѣданія вообще.

АНГЛО-САКСЫ. Эгбертъ совокупилъ въ одно всѣ малыя Королевства Гептархіи, и Англія пріобрѣла чрезъ то гораздо большую важность между Европейскими Государствами. Англо-Саксы, соединенные подъ властію одного Короля, говоря однимъ языкомъ, имѣя одни обычаи, одни законы и религію, могли

конечно надѣяться, что съ истребленïемъ внутреннихъ раздоровъ, происходившихъ отъ взаимной зависти Князей, будутъ наслаждаться ненарушимымъ спокойствïемъ, могутъ прïобрѣсти уваженïе отъ своихъ сосѣдей и даже содѣлаться для нихъ страшными; но прïятная надежда сïя скоро разрушилась. Датчане или Норманцы, сдѣлавши великïя опустошенïя во Францïи, переправились потомъ въ Англïю, и хотя встрѣтили мужественное сопротивленïе отъ жителей и нѣсколько разъ выгоняемы были изъ сей страны, но всегда снова возвращались и притомъ въ гораздо многочисленнѣйшемъ ополченïи, держа такимъ образомъ Англичанъ въ непрестанномъ страхѣ. Сïи варвары, вторгнувшись наконецъ во внутреннïя провинцïи сего Государства, съ такимъ ожесточенïемъ напали на Англо-Саксонскихъ Королей, что сïи нашлись принужденными уступить имъ часть своего Королевства; спустя нѣсколько времени и вся остальная подвергнулась ихъ власти.

АЛФРЕДЪ. Изъ всѣхъ Королей Англо-Саксонскаго поколѣнïя Алфредъ, по справедливости, заслуживаетъ имя величайшаго и наилучшаго. Онъ былъ четвертый сынъ Этельвольфа и вступилъ на престолъ послѣ брата

своего Этереда, умершаго отъ ранъ, полученныхъ имъ на сраженіи противъ Датчанъ. Отецъ его, Государь слабый и суевѣрный, отправляясь однажды на поклоненіе въ Римъ, бралъ туда съ собою и Алфреда, которому было тогда не болѣе девяти лѣтъ. Въ царствованіе Этельвольфа духовенство снова начало требовать десятиннаго дохода (который былъ у нихъ отнятъ), какъ неоспоримой ихъ собственности по каноническому праву. Государи, царствовавшіе до сего времени, отказывали всегда съ твердостію въ семъ требованіи; но теперь, видя на тронѣ Государя слабаго и преданнаго суевѣрію; видя народъ въ уныніи отъ непрестанныхъ потерь и въ страшномъ ожиданіи новаго нашествія Датчанъ, они забыли прежнія тщетныя свои усилія, и съ новою надеждою, съ новою ревностію и смѣлостію спѣшили воспользоваться настоящими благопріятными обстоятельствами и удовлетворить своему корыстолюбію. Этельвольфъ, слѣпо повинующійся деспотической ихъ волѣ, немедленно собралъ Государственные чины и даровалъ церкви сіе важное преимущество. Вскорѣ послѣ сего онъ умеръ; два старшіе сына, которыхъ назначилъ онъ своими преемниками, раздѣлили между собою Королевство; но они оба скончались бездѣтны.

Такимъ образомъ третій братъ, за ними слѣдовавшій, принялъ правленіе; но какъ и онъ въ скоромъ времени умеръ отъ ранъ, то Алфредъ великій, на двадцатомъ году своего возраста, сдѣлался единственнымъ и самодержавнымъ Государемъ Англіи, обуреваемой смятеніями, опустошенной врагами и ежедневно угрожающей конечнымъ разрушеніемъ.

Алфредъ великій, истинный основатель Англійскаго народа, имѣлъ всѣ отличныя качества, которыя составляютъ прямо великаго и хорошаго Государя; но достоинства его были совсѣмъ не такого роду, которыя возбуждаютъ одно лишь минутное, пустое удивленіе: будучи благотворны и блистательны, подобно солнечнымъ лучамъ, они разливали повсюду пользу и сдѣлали имя его безсмертнымъ въ признательномъ потомствѣ. Едва Алфредъ вступилъ на престолъ, на который призывали его единодушное, искреннее желаніе и любовь подданныхъ, какъ и оказалъ отличное мужество и неустрашимость прямаго Героя при защищеніи страны своей. Датчане опустошали южныя провинціи Англіи. Алфредъ, съ поспѣшностію собравъ небольшое войско, принялъ надъ нимъ начальство, устремился на сихъ варваровъ,

разбилЪ ихЪ совершенно и принудилЪ немедленно оставить Королевство. Но успокоенїе, прїобрѣтенное сею блистательною побѣдою, продолжалось весьма не долго; ибо новыя, гораздо многочисленнѣйшїя орды сихЪ грабителей пришли сЪ сѣвера, присоединились кЪ своимЪ единоземцамЪ, и раздѣлившись на нѣсколько партїй, начали производить самыя ужаснѣйшїя хищенїя и кровопролитїе. Одна изЪ нихЪ вступила вЪ ДорсетширЪ, но встрѣтивЪ тамЪ мужественный отпорЪ отЪ неустрашимаго Алфреда, принуждена была, заключивЪ постыдный договорЪ, отплыть отЪ острова. Датчане, не смотря на сїе, не только не уважили заключенныхЪ условїй, но и не думали никогда исполнять ихЪ; и потому, не желая оставить совсѣмЪ такой прекрасной добычи, сїи изверги, вЪ скоромЪ послѣ того времени и безЪ малѣйшаго предлога, снова напали на Алфреда, разбили его и овладѣли ЭксчестеромЪ. Такое неожиданное вѣроломство и нещастное положенїе, вЪ которомЪ находились его подданные, придали новыя, величайшїя силы мужеству Алфреда. ОнЪ собралЪ армїю, далЪ восемь сраженїй непрїятелю и наконецЪ довелЪ его до послѣдней крайности. Будучи вЪ такихЪ отчаянныхЪ обстоятельствахЪ, Датчане предложили

мирныя условїя, и мудрый Алфредъ, надѣясь сдѣлать ихъ полезными для своего Государства, распредѣливъ ихъ по границамъ, для того, чтобы они могли служить оплотомъ противъ нашествїя другихъ варваровъ, дозволилъ имъ поселиться; но въ то же самое время, къ величайшему своему удивленїю, получилъ извѣстїе, что новый, многочисленный корпусъ враговъ вторгнулся въ его Королевство и производилъ великїя опустошенїя. Сїя новость повергнула Англо-Саксовъ въ такое отчаянїе, что имъ казалось, будто небо, во гнѣвѣ своемъ, изрекло конечное ихъ истребленїе. Посреди сего всеобщаго ужаса и смятенїя нѣкоторые искали спасенїя въ Валлисѣ, другїе бѣжали на твердую землю, остальные же покорились побѣдителямъ. Тщетно Алфредъ заклиналъ подданныхъ своихъ хотя въ послѣднїй разъ сразиться со врагами; тщетно убѣждалъ онъ ихъ защитить своего Государя, отечество и свободу. Страхъ, казалось, отнялъ у нихъ всѣ силы; опасность, угрожавшая ихъ Государю, не производила надъ ними никакого впечатлѣнїя, какъ будто они не имѣли ни Государя, ни отечества. Видя себя въ такомъ отчаянномъ положенїи, Алфредъ не находилъ инаго средства избѣжать отъ рукъ непрїятеля, какъ оста-

вить на время знаки царскаго своего достоинства и надѣть крестьянское платье. Сколь прїятно должно быть для чувствительнаго и прямо добродѣтельнаго человѣка, раздѣлять съ хорошимъ, но нещастнымъ Государемъ, его сокровенное уединенїе! какое трогательное чувствованїе должно возбудиться въ его сердцѣ, видя Монарха своего пасущаго коровъ и великодушно переносящаго выговоры отъ пастуховой жены за то, что по неосторожности поджегъ пироги ея! Такїя мѣлкїя подробности, кажется мнѣ, не могутъ унизить величества Исторїи, потому что истинный характеръ человѣка открывается единственно въ поступкахъ его при нѣкоторыхъ только извѣстныхъ положенїяхъ и обстоятельствахъ; однимъ словомъ, въ жизни такого Государя, который, имѣя высокїя достоинства и добродѣтели, доведенъ нещастїемъ до крайняго положенїя, которое не только унизительно для его степени, но еще сопряжено съ величайшими опасностями, все, даже самое малѣйшее дѣйствїе, должно быть для насъ важнымъ и почтеннымъ. Весьма не много такихъ Государей, которые показали себя дѣйствительно способными управлять кормиломъ правленїя, или которые были истинными отцами своего народа; ибо весьма немно-

гіе, подобно Алфреду, образовались въ школѣ злощастій. Алфредъ, и въ то время, когда совершенно лишенъ былъ своего Королевства, не преставалъ однако же питаться надеждою, когда нибудь возвратить оное. Увидѣвъ, что непріятели прекратили свои поиски и грабительства, онъ съ нѣкоторыми изъ своихъ чиновниковъ удалился въ одно болотистое мѣсто и укрѣпившись тамъ сколько возможно было лучше, началъ дѣлать вылазки противъ Датчанъ. Успѣхъ, сопутствовавшій симъ небольшимъ нападеніямъ, оживилъ угасшее мужество друзей его и вдохнулъ въ нихъ надежду восторжествовать надъ непріятелемъ тогда, когда они придутъ въ состояніе дать ему рѣшительное сраженіе. Одинъ щастливый случай ускорилъ сей переворотъ и извлекъ Алфреда изъ его тягостнаго заточенія. Оддонъ, Графъ Девонширскій, разбилъ многочисленный корпусъ непріятелей и отнялъ у нихъ то славное очарованное знамя, въ которомъ полагали они всю свою надежду къ побѣдѣ. Алфредъ, несказанно обрадованный сему подвигу воскресающаго мужества своихъ подданныхъ, спѣшилъ воспользоваться симъ благопріятнымъ случаемъ; но прежде нежели хотѣлъ отважиться на сраженіе, онъ рѣшился, переодѣвшись въ платье арфнаго музыканта,

осмотрѣть Датскій лагерь. Узнавши все, что было ему нужно, онъ тайнымъ образомъ извѣстилъ сильнѣйшихъ своихъ подданныхъ, дабы они немедленно поспѣшили съ нимъ соединиться. Со всѣхъ сторонъ начали собираться Англичане къ назначенному мѣсту, и увидѣвъ опять Государя, толико для всѣхъ любезнаго и почитавшагося уже въ числѣ мертвыхъ, новый жаръ воспламенился въ сердцахъ народа; всѣ единодушно требовали итти съ нимъ къ побѣдѣ и свободѣ. Алфредъ принялъ надъ ними начальство, пошелъ противъ враговъ и напалъ на нихъ въ самомъ лагерѣ. Датчане, не смотря на то, что были гораздо его превосходнѣе, сдѣлали весьма слабое сопротивленіе. Большая часть изъ нихъ легли на мѣстѣ, прочіе же сдались военноплѣнными Алфреду, который, будучи столько же великодушенъ, какъ и храбръ, согласился принять ихъ подъ свое покровительство и позволилъ поселиться въ разоренныхъ провинціяхъ, съ тѣмъ единственно условіемъ, чтобъ они приняли Христіанскую религію. Датчане съ радостію на сіе согласились; Алфредъ же, избавившись отъ такихъ страшныхъ непріятелей, началъ помышлять объ устроеніи порядка и мудраго правленія въ своемъ Государствѣ.

Приступая къ сему важному предпрїятїю, отъ котораго проистекаетъ, и на коемъ утверждается народное благополучїе, Алфредъ показалъ самыя отличнѣйшїя дарованїя. Онъ возобновилъ многїе города и селенїя, разрушенныя Датчанами; учредилъ Земскую милицїю для защиты Государства, вооружилъ своихъ подданныхъ, и часть изъ нихъ разставилъ непремѣнными гарнизонами по различнымъ крѣпостямъ, которыя онъ построилъ; прочимъ же повелѣлъ быть всегда готовыми къ выступленїю при малѣйшей опасности. Но Алфредъ, принимая сїи мудрыя предосторожности для охраненїя всеобщаго спокойствїя, помышлялъ также и о томъ, чтобы землепашество не оставалось въ пренебреженїи. Будучи удостовѣренъ, что земледѣлецъ приноситъ Государству несравненно большую пользу, нежели солдатъ, онъ употреблялъ различныя средства, дабы ободрить и возвысить сей классъ народа. Можно по справедливости сказать, что Алфредъ есть настоящїй (естьли выраженїе прилично) творецъ Англїйской морской силы. При своей мудрой дѣятельности онъ построилъ сто двадцать различныхъ судовъ, и такимъ образомъ поставилъ себя въ состоянїе поражать самихъ Датчанъ на ихъ исключительной, такъ сказать,

стихіи. Посредствомъ сихъ благоразумныхъ мѣръ Алфредъ частію покорилъ, частію же изгналъ варваровъ. Но не смотря на сіе, Королевство страдало еще отъ другихъ неустройствъ, которыя болѣе и болѣе распространялись, какъ-то совершенный недостатокъ въ общественномъ или публичномъ благораспоряженіи и должной подчиненности. Всѣ провинціи наполнены были праздношатающимися Датчанами, которые, привыкнувъ жить грабежемъ и не зная никакой промышленности, производили повсюду хищенія и разбойничества. Самые даже Англо-Саксы, будучи доведены войною до крайней бѣдности и разоренія, вели такую же жизнь; граждане нападали и разоряли своихъ согражданъ. Столь сильно распространившееся зло, отъ котораго страдало благосостояніе общества, требовало скорой, спасительной помощи, и дѣятельный Алфредъ, неусыпно бодрствовавшій о щастіи своихъ подданныхъ, скоро нашелъ хорошее для сего средство. Онъ издалъ весьма благоразумные, хотя конечно нѣсколько жестокіе законы, которые были необходимы для прекращенія сихъ ужасныхъ безпорядковъ, столь гибельныхъ благоденствію народа; равнымъ образомъ учредилъ судилища, и ему обязана Англія существовані-

емъ такъ называемыхъ присяжныхъ, самаго мудрѣйшаго и удивительнѣйшаго изъ всѣхъ учрежденій для обезпеченія и охраненія естественныхъ правъ человѣка и точнаго исполненія правосудія. Изданные Алфредомъ законы и другія сдѣланныя имъ постановленія произвели быстрое и спасительное дѣйствіе. Насильства, грабительства и разбойничества скоро совершенно изчезли. Сей знаменитый Государь имѣлъ великое уваженіе къ свободѣ народа. „Справедливость требуетъ (сказалъ онъ въ своемъ завѣщаніи), чтобы Англичане были всегда также свободны, какъ и ихъ мысли.“

Такимъ образомъ, утвердивъ благосостояніе своего Королевства и мало по малу внушивъ подданнымъ своимъ любовь къ повиновенію установленнымъ властямъ и здравымъ, правосуднымъ законамъ, онъ обратилъ свое вниманіе на тѣ предметы, которые доставляютъ славу и щастіе народу. Нравы Англо-Саксовъ находились въ сіе время въ грубомъ и необразованномъ состояніи; ибо Англія покрыта была еще мракомъ глубочайшаго невѣжества. Всѣ монастыри превращены были Датчанами въ развалины; монахи частію умерщвлены, частію разсѣяны; находившіяся у нихъ библіо-

теки истреблены огнемЪ, такЪ что и самые слѣды прежняго просвѣщенія изчезли; во всей Англіи не льзя было найти ни одного человѣка, который былЪ бы вЪ состояніи отправлять божественную службу, состоявшую на ЛатинскомЪ языкѣ. Дабы разсѣять сей ужасный теракЪ невѣжества, АлфредЪ призвалЪ вЪ свое Государство многихЪ ученыхЪ людей изЪ всѣхЪ частей Европы, учредилЪ школы для наставленія юношества, основалЪ, или, лучше сказать, возобновилЪ Оксфордскій УниверситетЪ, предоставилЪ вЪ пользу его большіе доходы, даровалЪ многія привилегіи и повелѣлЪ опредѣлять какЪ кЪ церковнымЪ, такЪ и кЪ ГосударственнымЪ должностямЪ такихЪ только людей, которые пріобрѣли уже довольно обширныя знанія вЪ наукахЪ. Но кромѣ сихЪ благоразумныхЪ мѣрЪ, столь приличныхЪ для возбужденія вЪ народѣ любви кЪ просвѣщенію, собственный примѣрЪ его весьма много кЪ тому содѣйствовалЪ. Не смотря на то, что онЪ ежедневно обремененЪ былЪ Государственными дѣлами, АлфредЪ успѣвалЪ еще удѣлять нѣсколько времени и для ученія. Почти невѣроятно покажется, какимЪ образомЪ сей Государь, Герой и законодатель, который былЪ на пятидесяти шести морскихЪ и сухопутныхЪ сраженіяхЪ, могЪ, при такой

многотрудной жизни, прїобрѣсти гораздо обширнѣйшїя знанїя и сочинить гораздо большее число книгъ, нежели какой нибудь ученой, который всю жизнь свою посвящалъ единственно наукамъ.

Сей Государь ободрялъ и покровительствовалъ механическимъ искуствамъ и мануфактурамъ. Въ его царствованїе торговля весьма много распространилась; и Англичане, видя произведенїя Восточной Индїи, съ избыткомъ привозимыя къ нимъ въ Британнїю, научились уважать справедливость и честность и любить промышленность, которыя можно назвать душею торговли и источникомъ общественнаго благосостоянїя.

Сказать, что послѣ Карла Великаго Алфредъ былъ самый величайшїй Государь изъ всѣхъ, которые царствовали въ Европѣ въ продолженїе нѣсколькихъ столѣтїй, значило бы не отдать должной справедливости его достоинствамъ. Не имѣя пороковъ сего Императора, Алфредъ несравненно превосходилъ его въ дарованїяхъ и добродѣтели. Неограниченное честолюбїе сдѣлало Карла мстительнымъ и кровожаднымъ похитителемъ; героизмъ же Алфреда

былъ, напротивъ того, ничто иное, какъ благородная страсть, которая имѣла гораздо возвышенную цѣль — защиту своего отечества. Воспитанный въ школѣ злощастія, онъ сдѣлался величайшимъ полководцемъ, былъ искренно любимымъ Королемъ, защитникомъ справедливости, покровителемъ искусствъ и наукъ, и другомъ добродѣтели.

Сынъ его, Эдуардъ I, показалъ себя равнымъ своему отцу въ воинскихъ дарованіяхъ и одержалъ многія блистательныя побѣды какъ надъ тѣми Датчанами, которые поселились уже въ Англіи, такъ и надъ другими, безпрерывно приходившими съ Сѣвера. По смерти сего Государя, народъ возвелъ на престолъ Адельстана, побочнаго его сына: ибо законный наслѣдникъ былъ слишкомъ еще молодъ для того, чтобъ управлять такимъ Государствомъ, которое непрестанно угрожаемо было варварскими нашествіями и обуреваемо внутренними смятеніями. Адельстанъ въ короткое время оправдалъ надежду и выборъ народа блистательными успѣхами своего оружія и мудрымъ правленіемъ. Онъ съ отличнымъ мужествомъ и щастіемъ противостоялъ нападеніямъ Датчанъ, покровительствовалъ торговлѣ, для поощренія и

распространенїя которой повелѣлъ возвышать въ достоинство дворянина того изъ промышленниковъ, который сдѣлаетъ два путешествїя въ какую нибудь отдаленную страну. Сынъ его, Эдмундъ, по причинѣ кратковременнаго своего царствованїя, не успѣлъ показать, будетъ ли онъ хорошїй или дурной Государь: ибо вскорѣ по возшествїи своемъ на престолъ былъ умерщвленъ на одномъ празднествѣ. Преемникъ его, Эдредъ, удерживалъ Датчанъ въ страхѣ и повиновенїи. Сей Государь отличался величайшимъ мужествомъ; но, къ нещастїю, помрачилъ славу свою безпредѣльною покорностїю знаменитому Дунстану. Сей монахъ притворною своею набожностїю прїобрѣлъ большую тогда славу. Странный образъ жизни и смѣшныя исторїи, которыя объ немъ разсказывали, и коимъ въ тогдашнїя грубыя времена вѣрили не менѣе, какъ самому Евангелїю, доставили ему неограниченное уваженїе, или, лучше сказать, благоговѣнїе простаго народа. Мы, живущїе въ гораздо просвѣщеннѣйшемъ вѣкѣ, смѣемся нелѣпой сказкѣ о дьяволѣ, явившемся сему монаху въ видѣ прелестной женщины, для того, чтобы совратить его съ пути добродѣтели; и можно ли также повѣрить, чтобы Дунстанъ былъ столько грубъ и невѣжливъ, что будто

ухватилЪ его за носЪ разкаленными щипцами, и столь крѣпко, что нещастный дьяволЪ закричалЪ ужаснымЪ образомЪ, такЪ что испугалЪ сосѣдей? Послѣ такой пытки дьяволЪ, вѣроятно, рѣшился не безпокоить болѣе сего монаха. КакЪ бы то ни было, но сїя мнимая побѣда надЪ непримиримымЪ и страшнымЪ врагомЪ людей прїобрѣла Дунстану чрезвычайное уваженїе народа и довѣренность Государя. Будучи возведенЪ ЭдредомЪ на вышшую степень вЪ церкви, онЪ произвелЪ вЪ Англїи величайшее смятенїе и ропотЪ, запретивши монахамЪ и духовенству жениться. ЭдредЪ, который служилЪ ему орудїемЪ при исполненїи честолюбивыхЪ его видовЪ, защищалЪ сїю странную реформацїю, и чрезЪ то самое навлекЪ на себя непримиримую ненависть монаховЪ, которые вЪ послѣдствїи сдѣлались опаснѣйшими врагами для его преемниковЪ. Кто можетЪ безЪ негодованїя читать исторїи злодѣйскихЪ поступковЪ и гоненїй, которыя претерпѣвалЪ Король ЭдуинЪ отЪ сего самаго Дунстана и отЪ Одона, Архїепископа Кантербурїйскаго, который изторгнулЪ его изЪ объятїй супруги, прекрасной Эльгивы? Тщетно отчаянный ЭдуинЪ преслѣдовалЪ сихЪ фанатиковЪ и старался отмстить за нанесенное ему безчестїе; хотя нако-

нецЪ онЪ и довелЪ Дунстана до изгнанія, однакоже многочисленная партія его приверженцовЪ начала сильно роптать противЪ сего поступка, и ЭдуинЪ подвергнулся величайшему презрѣнію и посмѣянію. ОдонЪ захватилЪ Королеву, обезобразилЪ ей лице разкаленнымЪ желѣзомЪ и послалЪ вЪ заточеніе вЪ Ирландію. ЭдуинЪ хотя и принужденЪ былЪ потомЪ согласиться на разводЪ; не смотря на то, онЪ пребылЪ всегда жертвою монашескаго мщенія. Нещастная Эльгива умерщвлена была вЪ его объятіяхЪ, а онЪ проклятЪ и свергнутЪ сЪ престола. ВЪ продолженіе того періода, пока умЪ человѣческій блуждалЪ вЪ мрачномЪ хаосѣ невѣжества, права людей покрыты были неизвѣстностію и неопредѣленностію, и тѣ, которые присвоивали себѣ имя служителей религіи Іисуса, показывали своимЪ поведеніемЪ, совершенно противнымЪ ученію сего Божественнаго Наставника, что они служатЪ не Ему, но дьяволу.

Датчане продолжали по прежнему дѣлать сильныя нападенія на Англію: ибо хотя мужественный ЭдгарЪ и поселилЪ вЪ нихЪ величайшій страхЪ, такЪ что вЪ продолженіе царствованія сего Государя они весьма рѣдко осмѣливались появляться; но ЭтельредЪ, сынЪ

жестокосердой Эльфриды, второй Эдгаровой жены, чрезъ свою безмѣрную трусость и безпечность допустилъ ихъ снова овладѣть Британїею. Государь храбрый и истинно любящїй свою страну или принудилъ бы ихъ искать спасенїя на корабляхъ, илибъ рѣшился со славою погибнуть на полѣ брани; но Этельредъ, вмѣсто сей великодушной рѣшимости, прибѣгалъ всегда къ самому постыдному средству — къ деньгамъ, и съ рабскою покорностїю откупался отъ нихъ всякой разъ, когда они ни появлялись. Но наконецъ, видя, что и деньги не имѣли надъ ними никакого дѣйствїя, въ отчаянїи рѣшился онъ отмстить имъ самымъ ужаснымъ и варварскимъ образомъ: — повелѣлъ умертвить всѣхъ Датчанъ, находившихся въ Англїи, что и было въ точности исполнено; сїи нещастные умерщвлены въ одинъ день. Такое неслыханное безчеловѣчїе навлекло новыя бѣдствїя на сїе Государство. Светонъ, Датскїй Король, собралъ немедленно многочисленную армїю и устремился на отмщенїе пролїянной крови своихъ соотечественниковъ. Англо-Саксы были совершенно разбиты, и Этельредъ, вмѣстѣ съ двумя своими сыновьями, Алфредомъ и Эдуардомъ, принужденъ былъ искать убѣжища въ Нормандїи. Канутъ, храбрый

сынѣ Свенона, мужественно отражалѣ всѣ усилія Эдмунда, по прозванію Желѣзное Ребро, и своими отличными достоинствами и добродѣтелями пріобрѣлѣ неограниченную любовь Англо-Саксовѣ. По кончинѣ сего Государя и по пресѣченіи его потомковѣ, Короли Саксонской линіи возсѣли опять на тронѣ Британіи. Алфредѣ, сынѣ Этельреда, взошелѣ на прародительскій престолѣ; кѣ сожалѣнію, царствованіе его продолжалось весьма короткое время, ибо онѣ умерщвленѣ былѣ злодѣемѣ Гудуиномѣ. Послѣ Алфреда наслѣдовалѣ братѣ его Эдуардѣ. Вѣ правленіе сего Государя, воспитаннаго при Дворѣ Нормандскомѣ, Англія наполнилась великимѣ множествомѣ тамошнихѣ пришельцевѣ, которыхѣ, предпочтительно предѣ природными жителями, опредѣляли на всѣ важнѣйшія и выгоднѣйшія мѣста. Такое безразсудное поведеніе скоро навлекло на него всеобщую ненависть Англичанѣ; Гудуинѣ собралѣ многочисленную партію и принудилѣ Эдуарда отослать Нормандцевѣ обратно вѣ ихѣ отечество. Царствованіе Эдуарда Исповѣдника достойно замѣчанія единственно по тому, что онѣ предпринималѣ походѣ противѣ Магбета, убійцы Дункана, Короля Шотландскаго, похитившаго

потомъ его престолъ *). Безразсудный обѣтъ, сдѣланный Эдуардомъ, чтобъ не имѣть сношенiй съ своею женою, сдѣлался гибельною причиною новыхъ смятенiй, свирѣпствовавшихъ потомъ въ Англiи, и началомъ честолюбивыхъ споровъ между двумя соперниками.

Эдуардъ умеръ бездѣтенъ; Гарольдъ, сынъ Графа Гудуина, имѣвшаго за собою въ супружествѣ родственницу Датскихъ Королей, завладѣлъ по смерти его престоломъ, подобно какъ законный наслѣдникъ. Англинскiй народъ охотно призналъ его своимъ Королемъ, не уваживъ ни справедливыхъ исканiй Эдгара Ательинга, который былъ настоящiй преемникъ Англо-Саксонскихъ Королей, ни притязанiй Вильгельма, Герцога Нормандiи, утверждавшаго, что во время пребыванiя его при Англинскомъ Дворѣ Эдуардъ, въ сдѣланномъ имъ тогда завѣщанiи, назначилъ его послѣ себя наслѣдникомъ, и что Гарольдъ, котораго освободилъ онъ изъ темницы, добровольно уступилъ ему право свое на престолъ. Какъ бы то ни было, но Вильгельмъ требовалъ чрезъ своихъ посланниковъ, чтобы Гарольдъ немедленно сло-

---

*) См. Трагедiю Матбетъ, одно изъ превосходнѣйшихъ историческихъ сочиненiй Шекспира.

жилъ съ себя Королевскую власть и шипло; само собою разумѣется, какой отвѣтъ получилъ онъ на сіе требованіе; послѣ того оба совмѣстника начали готовиться рѣшить права свои оружіемъ. Касательно Вильгельма, кажется мнѣ, отваживаться на такое предпріятіе было дерзко и весьма опасно: ибо Англійскій народъ, предводительствуемый мужественнымъ и честолюбивымъ Государемъ, страшенъ. Жребій войны сомнителенъ. Но всѣ трудности и великія преграды, которыя ожидали Вильгельма въ сей странѣ, не только не привели его въ робость, но еще болѣе воспламенили въ немъ мужество и непоколебимую рѣшительность. Безчисленное множество бродягъ стекались отвсюду къ его знаменамъ, такъ что въ короткое время онъ собралъ многочисленную армію, въ которой каждый солдатъ готовъ былъ побѣдить или умереть. Все благопріятствовало Вильгельму: духъ рыцарства, презиравшій всякими опасностями, господствовалъ тогда въ Европѣ въ высочайшей степени; младенчество Французскаго Короля, покровительство Императора и Папы. Александръ II, находившійся тогда на Папскомъ престолѣ, объявилъ Гарольда похитителемъ; предалъ проклятію какъ его, такъ и всѣхъ его послѣдо-

ватцелей, и дабы еще болѣе ободрить Вильгельма, прислалъ къ нему священное знамя съ кольцемъ, украшеннымъ нѣсколькими волосами Св. Петра. „Такимъ образомъ (говоритъ глу-„бокомысленный Гюмъ) предпріятіе, рожденное „однимъ честолюбіемъ и сопряженное съ вели-„чайшею несправедливостію и насиліемъ, будучи „одѣяно покровомъ религіи, сдѣлалось справед-„ливымъ."

Вильгельмъ, собравши многочисленный флотъ и посадивъ на оный около шестидесяти тысячь отборнаго войска, отплылъ изъ Валеріи, вышелъ на берега Зюссекса, и потомъ въ скоромъ времени, встрѣтивъ непріятеля на равнинѣ, называемой тамошними жителями Гастингсовою, далъ рѣшительное сраженіе *). Битва продолжалась съ утра до захожденія солнца, и Гарольдъ, оказавъ величайшіе подвиги храбрости, палъ вмѣстѣ съ двумя своими братьями, доставивъ щастливому Вильгельму славу блистательнаго торжества и корону. Послѣ сего увѣнчанный лаврами побѣдитель, въ предшествіи развѣвающагося Папскаго знамени, отправился прямо къ Лондону; важнѣйшіе Государственные Чиновники встрѣтили его у

*) Сіе знаменитое сраженіе происходило 1066 года по Р. Х.

городскихъ воротъ и поднесли корону, которой не въ силахъ были оспорить. Вильгельмъ, по совершеніи въ Вестминстеръ своей коронаціи въ присутствіи многочисленнаго Англійскаго и Нормандскаго дворянства, немедленно приступилъ къ завоеванію остальной части Королевства. Онъ повелѣлъ конфисковать тѣ только имѣнія, которыя принадлежали Гарольду и нѣкоторымъ изъ ревностнѣйшихъ его сообщниковъ; говорилъ и показывалъ во всѣхъ своихъ поступкахъ, что единственнымъ желаніемъ его есть то, чтобы Англичане и Нормандцы, забывъ разность своего происхожденія, питали одни къ другимъ искреннюю любовь и составилибъ одинъ народъ; оказывалъ неограниченное благорасположеніе къ новымъ своимъ подданнымъ; торжественно подтвердилъ всѣ привилегіи, которыми пользовался до того времени Лондонъ и другіе города; однимъ словомъ, поступалъ не такъ какъ завоеватель, но какъ законный и природный Государь. Къ нещастію, сія кротость и благорасположеніе продолжались недолгое время, и Англичане скоро почувствовали, что судьба даровала имъ въ Вильгельмъ жестокосердаго властелина и тирана. Возмущеніе, случившееся во время поѣздки его въ Нормандію, подало ему случай открыть господству-

ющую склонность свою къ деспотизму. Похищенїе собственности народа, отнятїе всѣхъ прежде дарованныхъ привилегїй и совершенное рабство были ужасными дѣйствїями мщенїя сего тирана. Царствованїе его отличается наиболѣе самыми жестокими законами. Бриты, Англо-Саксы, Датчане, самое даже духовенство, словомъ, всѣ безъ изъятїя испытали тягчайшее иго невольничества. Существовавшїе до того времени Саксонскїе законы были уничтожены; а на мѣсто ихъ введены въ употребленїе Нормандскїе. Судебныя дѣла велѣно было производить на Нормандскомъ же языкѣ: ибо Вильгельмъ строжайшимъ образомъ запретилъ во всей Англїи говорить на какомъ либо другомъ языкѣ, кромѣ языка завоевателей. По сему, во всѣхъ городахъ и селенїяхъ заведены были школы для обученїя оному молодыхъ людей; главнѣйшею цѣлїю сего было то, чтобы Нормандскїй языкъ со временемъ сдѣлался господствующимъ, а природный уничтожился. Строгость и своенравное тиранство Вильгельма навлекли ему всеобщую ненависть народа при жизни и сдѣлали память его ненавистною для потомства. Хотя въ царствованїе сего Государя происходили частые мятежи между Англїйскими и Нормандскими его под-

данными, чего вѣрно не помыслили бы они сдѣлать при кроткомъ правленіи; однако же всегда благопріятствовавшее ему щастіе и собственный геній дѣлали его повсюду торжествующимъ. Худый успѣхъ сихъ возмущеній и боязнь непремѣнно послѣдующихъ за то наказаній принуждали мятежниковъ покоряться опять власти Короля, для нихъ страшнаго, по вмѣстѣ и ненавистнаго. Вильгельмъ, царствовавшій двадцать одинъ годъ, умеръ во время осады Метца, что во Франціи, и погребенъ въ Нормандіи въ городѣ Каэнѣ. Филиппъ I, завидуя возрастающему могуществу своего противника, сказалъ однажды на его щетъ насмѣшку, которая такъ раздражила сего послѣдняго, что онъ рѣшился отмстить ему оружіемъ *). Естьлибъ Вильгельмъ предчувствовалъ, что конецъ воинскаго его поприща былъ столь близокъ: то, вѣроятно, хладнокровно снесъ бы сію обиду и остался бъ дома.

Казалось, что сама божественная премудрость руководствовала Англо-Саксовъ при на-

*) Извѣстно, что Вильгельмъ былъ очень дороденъ и имѣлъ большое брюхо; Французскій Король спросилъ однажды въ шутку: скоро ли братъ мой, Англійской Король, родитъ?

черпаніи и устроеніи ихъ конституціи. Различныя Королевства, составлявшія Гептархію, раздѣлены были на нѣсколько большихъ и малыхъ областей; каждая изъ нихъ имѣла собственное свое судилище, съ извѣстнымъ числомъ общею довѣренностію почтенныхъ чиновниковъ правосудія. Въ царствованіе Алфреда Англія также раздѣлена была на провинціи; но при семъ новомъ раздѣленіи онѣ получили нѣкоторыя перемѣны. Каждая изъ вышеупомянутыхъ областей раздѣлилась на три кантона, каждый кантонъ на извѣстное число обществъ, каждое общество опять на десять малыхъ дистриктовъ, изъ коихъ во всякомъ находилось по десяти семействъ. Члены сихъ послѣднихъ дистриктовъ обязаны были наблюдать за поведеніемъ другъ друга взаимно. Гражданинъ, который не былъ совсѣмъ приписанъ ни къ которому изъ сихъ дистриктовъ, подвергался всеобщему презрѣнію, какъ бродяга, и лишался покровительства отечественныхъ законовъ. При столь удивительно во всѣхъ частяхъ соображенной конституціи, при такомъ превосходномъ устройствѣ, Англичане наслаждались ненарушимымъ спокойствіемъ и возможнымъ щастіемъ.

Англо-Саксонскїй народъ раздѣлялся на различныя состоянїя или классы. Самый низшїй и, вѣроятно, самый многочисленнѣйшїй въ Государствѣ былъ классъ рабовъ. Рабство существовало въ Англїи безпрерывно до того времени, пока Саксонцы находились въ идолопоклонствѣ, и даже нѣсколько спустя послѣ обращенїя ихъ въ Христїянскую вѣру. Слѣдующїй потомъ классъ составляли тѣ, кои, бывши нѣкогда рабами, получили свободу. Къ третьему классу принадлежали всѣ родившїеся отъ свободныхъ родителей, которые имѣли притомъ право заниматься такою должностїю или ремесломъ, какое наиболѣе соотвѣтствовало ихъ склонности. За ними слѣдовало Дворянство и вообще всѣ Чиновники, подобные Германскимъ Рыцарямъ; самый же высшїй классъ составляли Принцы крови. Женской полъ до замужства состоялъ въ одномъ классѣ съ своими родителями и пользовался тѣми же правами; послѣ же замужства переходилъ въ состоянїе мужа. Рабы, которые не получали свободы прежде своего замужства, не могли равнымъ образомъ пользоваться ею и тогда, когда выходили за мужъ, хотябъ за вольнаго человѣка.

Каждая изъ областей, на которыя раздѣлено было Королевство, имѣла собственное свое судилище; верховный же Государственный судъ назывался Виттеннагемоте, т. е. сословіе мудрыхъ людей; въ немъ предсѣдательствовалъ самъ Король, и онъ имѣлъ власть постановлять какъ гражданскіе, такъ и духовные законы. Въ ономъ судилищѣ разсматривались всѣ дѣла, касавшіяся до войны или мира; также всѣ гражданскія важнѣйшія тяжбы поступали въ него для окончательнаго приговора. Саксонскій Виттеннагемоте образованъ былъ совершенно по образцу Германскихъ сеймовъ, на которыхъ имѣли право присудствовать Рыцари и духовенство. Первоначально въ члены Саксонскаго Парламента никто не могъ быть принятъ, кромѣ однихъ только помѣщиковъ; но когда страна сія обратилась къ Христіянству, тогда приняты были въ оный вышнее и нижнее духовенства; равнымъ образомъ и всѣ тѣ, которые по своему отличному званію или обширнымъ свѣденіямъ въ законоискусствѣ почитаемы были достойными засѣдать въ немъ. Какъ Король былъ Президентъ сего собранія, то по сему онъ и предлагалъ одинъ всѣ вопросы, которые потомъ разсматривались и рѣшились, по большинству голосовъ, членами; посредствомъ сего исклю-

чительнаго права онъ пріобрѣталъ неограниченную власть. Когда Саксонцы приняли Христіянскую религію, Парламентъ ихъ или Виттенагемоте началъ собираться на Святой недѣлѣ, въ Рождество Христово и въ Троицынъ день. Для обезпеченія свободы и безопасности членовъ, какъ во время ихъ пути къ мѣсту собранія, такъ и при обратномъ отъѣздѣ; по окончаніи засѣданій Виттенагемота; принимались строжайшія мѣры; однакожъ обличенные въ воровствѣ и грабительствѣ лишались покровительства сего закона. Сіе изключеніе очевиднымъ образомъ доказываетъ, что въ тогдашнія грубыя времена люди, отличные по своимъ званіямъ, не стыдились заниматься симъ постыднымъ ремесломъ.

Хотя преемничество престола у Англо-Саксовъ было наслѣдственнымъ; однако же нерѣдко случалось, что обходили настоящаго преемника, а вмѣсто его возводили на престолъ кокого нибудь гораздо дальнѣйшаго родственника Королевской линіи, естьли находили его достойнѣйшимъ и способнѣйшимъ къ управленію Государствомъ и прямому исполненію великихъ и важныхъ обязанностей Монарха. Англо-Саксонскіе Короли никогда не были

неограниченными Самодержцами, потому что законы и самые обычаи препятствовали имъ въ прiобрѣтенiи такой власти и соединенныхъ съ нею правъ. Смотрѣть за правосудiемъ и предводительствовать войсками во время войны были двумя главнѣйшими обязанностями Королевскаго званiя; и Государь, который находился не въ состоянiи самъ исполнять сихъ обѣихъ должностей вмѣстѣ, былъ, по мнѣнiю нашихъ праотцевъ, недостоинъ престола.

Народы въ грубомъ состоянiи не имѣли письменныхъ законовъ. Обычаи, которые отецъ изустно передавалъ своему сыну, а сей дальнѣйшему потомству, заступали ихъ мѣсто. Дикiе варвары, раздѣлившiе между собою обширную Римскую Имперiю, управлялись до того времени обычаями; когда же послѣ долговременныхъ странствованiй они избрали себѣ сiи постоянныя жилища и въ нихъ поселились, то сiи самые обычаи изобразили на письмѣ, присовокупивъ къ нимъ нѣкоторыя новыя постановленiя. Что касается до Англо-Саксонскихъ законовъ, довольно будетъ замѣтить, что законодательство праотцевъ Англичанъ, какъ и всѣхъ прочихъ Европейскихъ народовъ, въ томъ перiодѣ, о которомъ теперь говоримъ,

имѣло многїе недостатки. Уголовные законы ихъ состояли въ одномъ только денежномъ вознагражденїи, и сколь бы ни велико было преступленїе, виновный во всякомъ случаѣ увѣренъ былъ въ своей безопасности; за смертоубїйство положена была различная пеня, смотря по званїю, и состоянїю умерщвленнаго. Такимъ образомъ смерть свободнаго человѣка имѣла гораздо большую цѣну, нежели раба, и такъ далѣе. Каждая часть человѣческаго тѣла оцѣнена была въ извѣстную сумму, которая въ разныхъ мѣстахъ Англїи была различна. Въ одной Провинцїи платили за нее три фунта стерлинговъ, въ другой же только сорокъ шиллинговъ. Между Англо-Саксонскими законами находилось много такихъ, которые основаны были на ложныхъ правилахъ; равнымъ образомъ многїя формы ихъ судопроизводства вовлекали ихъ не рѣдко въ несправедливыя рѣшенїя. Науки у древнихъ Британовъ были въ цвѣтущемъ состоянїи, за что наиболѣе они обязаны были Римлянамъ, съ которыми имѣли частыя сношенїя. Мерлинъ, прославившїйся своимъ чародѣйствомъ и о которомъ разсказываютъ столь много удивительныхъ исторїй, былъ родомъ Британецъ. Хотя всѣ дѣланныя имъ чудеса были не что иное, какъ

хитрые обманы; по крайней мѣрѣ онѣ показываютъ, что онъ имѣлъ обширныя свѣденія. Естьли у народа, погруженнаго въ крайнее невѣжество, явится иногда человѣкъ съ превосходными знаніями, то обыкновенно почитаютъ его волшебникомъ, и приписываютъ ему сверхчеловѣческія силы. Прежде нежели Саксонцы обратились къ Христіянской религіи, и даже, долгое время спустя, науки находились у нихъ въ совершенномъ презрѣніи, какъ вещи совсѣмъ недостойныя вниманія и совершенно безполезныя; не смотря на сіе, и въ тогдашнія мрачныя времена появлялись у нихъ нѣкоторые ученые мужи, на прим. Колумбинусъ, который, по мнѣнію однихъ, былъ Ирландецъ, по другимъ же Шотландецъ. Альдгельмъ, котораго въ свое время почитали весьма ученымъ человѣкомъ, обогатившъ умъ свой всѣми познаніями, какія только можно было пріобрѣсти въ Британіи, отправился путешествовать въ иностранныя земли для дальнѣйшаго усовершенствованія. Онъ былъ первый изъ Англичанъ, который писалъ на Латинскомъ языкѣ прозою и стихами. Слогъ его отличается особенною пріятностію; сочиненія же показываютъ, что онъ имѣлъ обширныя свѣ-

денія въ философическихъ и духовныхъ предметахъ.

БЕДЪ. Бедъ принадлежалъ къ числу знаменитѣйшихъ людей въ Англіи. Онъ родился въ Вермутѣ, что въ Нортумберландіи, 672 года и былъ воспитанъ въ одномъ монастырѣ сей Провинціи. Имѣя чрезвычайную склонность къ ученію и случай пользоваться прекрасною библіотекою, онъ въ короткое время сдѣлалъ весьма быстрые успѣхи. На тридцатомъ году получилъ онъ пасторское мѣсто, и хотя всю жизнь свою провелъ въ духовномъ званіи, однакоже никогда не возвысился на вышшую въ ономъ степень, и умеръ простымъ монахомъ. Онъ жилъ въ Джарскомъ монастырѣ, близь Тинской горы. Хотя Бедъ проводилъ жизнь смиренную и неизвѣстную, но слава его распространилась по всей Европѣ, такъ что Папа пожелалъ имѣть его своимъ сотоварищемъ и совѣтникомъ въ церковномъ правленіи. Множество оставшихся послѣ него сочиненій показываютъ, что онъ былъ человѣкъ глубокаго ученія, благочестивый, но слишкомъ суевѣрный, одинъ изъ тѣхъ, которые вѣрили нелѣпымъ баснямъ того времени.

АЛКУИНЪ. Алкуинъ, Англичанинъ, родившійся въ Сѣверной части сего Государства и

воспитанный въ Іоркѣ, достигнулъ величайшей славы посредствомъ своего генія и обширныхъ знаній. Будучи однажды отправленъ отъ Оссы, Короля Мерсіанскаго, Посланникомъ къ Карлу Великому, онъ пріобрѣлъ неограниченную любовь сего Государя, который уговаривалъ его остаться при своемъ Дворѣ и принять на себя должность его учителя. Алкуинъ согласился на просьбу Императора и обучалъ его разнымъ наукамъ. Его преимущественно называли Императорскимъ окомъ: ибо сей Государь совѣтовался съ нимъ во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся до религіи или наукъ. Одинъ Французскій Писатель говоритъ, что Алкуинъ есть истинный виновникъ всѣхъ изящныхъ наукъ, которыми Франція славилась въ тогдашнемъ вѣкѣ и въ послѣдовавшихъ потомъ. Сей ученый Англичанинъ сочинилъ множество трактатовъ о разныхъ предметахъ, которые всѣ отличаются пріятностію и чистотою слога. Оставивъ дворъ Карла Великаго, онъ удалился въ Аббатство св. Мартына, находившееся въ городъ Туръ, что во Фландріи, гдѣ и умеръ 804 года.

Выше сего говорили мы объ Алфредѣ Великомъ, какъ объ отличномъ Писателѣ и рев-

ностномъ покровителѣ наукъ. Онъ, такъ сказать, былъ всеобъемлющій ученый и, что еще болѣе, употреблялъ любовь свою къ познаніямъ для содѣйствія и распространенія щастія своихъ подданныхъ. Прежде него монастыри были единственными мѣстами, гдѣ преподавались науки. Алфредъ, неусыпно пекщійся о благѣ своего народа, основалъ многія школы на гораздо обширнѣйшемъ планѣ противъ прежнихъ. Подъ его мудрымъ правленіемъ Государство озарилось благотворнымъ свѣтомъ просвѣщенія. Изъ сего примѣра можно вывести слѣдующую неоспоримую истинну, что Государь, одушевленный желаніемъ о распространеніи просвѣщенія ко благу своихъ подданныхъ, находитъ въ этомъ самомъ источникѣ средства къ произведенію хорошей перемѣны въ народномъ духѣ.

ИСКУССТВА. Искусства приносятъ столь ощутительную пользу, доставляютъ столько многообразныхъ удобностей и толико способствуютъ къ наслажденію спокойною жизнію, что естьлибъ люди не имѣли объ нихъ понятія, то всѣ благотворительные дары Природы остались бы для насъ безполезными или, по крайней мѣрѣ, принеслибъ весьма малую

пользу. Народъ необразованный, находящїйся въ грубомъ состоянїи, дѣлаетъ всегда медленные успѣхи въ искусствахъ. Не имѣя никакого объ нихъ понятїя, не чувствуя ни малѣйшей любви, ни вкуса къ симъ истиннымъ и прямымъ источникамъ наслажденїй и радостей жизни, онъ далекъ отъ того благороднаго рвенїя, далекъ отъ той высокости духа, которыя побуждаютъ всегда стремиться къ лучшему, которыя открываютъ путь къ совершенству въ искусствахъ, доставляющихъ столько многоразличныхъ удобностей и столь много прїятнаго. Въ такомъ точно состоянїи находились искусства Англо-Саксовъ. Хотя сей народъ имѣлъ нѣкоторое понятїе о землепашествѣ, но употреблявшїйся у нихъ способъ обработыванїя земли находился еще весьма въ грубомъ состоянїи. Не стараясь никогда изыскивать совершеннѣйшихъ средствъ къ удобренїю полей своихъ, они поступали всегда такъ, какъ внушала имъ и руководила сама Природа, предоставляя все прочее на ея попеченїе. Въ садоводствѣ, равно и въ Архитектурѣ, оказывали они также очень медленные успѣхи. Искусство дѣлать стекло сдѣлалось извѣстнымъ въ Англїи еще въ седьмомъ столѣтїи; не смотря на то, долгое время остава-

лось въ первоначальной своей грубости. Хотя праотцы наши совсѣмъ не упражнялись въ нѣкоторыхъ искусствахъ; однако же нельзя сказать, чтобъ они были совершенными въ семъ невѣждами. Они умѣли обработывать свинецъ, золото, серебро и драгоцѣнные камни. Въ началѣ одиннадцатаго столѣтія на семъ островѣ открыта была розовая краска; они знали также искусство выдѣлывать кожу различнымъ образомъ, и еще оказали большіе успѣхи въ обработаніи суконъ; приготовленіе шелковыхъ матерій еще не было извѣстно тогда въ Англіи. Военное искусство тогдашнихъ временъ сходствовало съ нынѣшнимъ въ атакѣ и оборонѣ, но, вѣроятно, не имѣло никакихъ твердыхъ правилъ и не составляло особенной науки, такъ какъ нынѣ. Хотя Поэзія и Живопись, сіи два тѣснѣйшимъ сродствомъ соединенныя искусства, сіи пріятнѣйшіе дары Природы, могутъ быть приводимы въ совершенство не иначе, какъ чрезъ воспитаніе и прилѣжное ученіе; однакоже въ Британіи еще въ древнія времена упражнялись въ нихъ съ довольнымъ успѣхомъ: такъ напримѣръ искусство рисовать на стеклѣ доведено было у Саксонцевъ до превосходства; сему служатъ доказательствомъ сохранившіяся до насъ картины. Славный

Дунстанъ почитался своими современниками однимъ изъ лучшихъ живописцевъ въ семъ родѣ; онъ преимущественно занимался изображенїемъ духовныхъ предметовъ.

Всѣ народы, обитавшїе прежде и нынѣ обитающїе на земномъ шарѣ, показывали даже въ грубомъ и необразованномъ своемъ состоянїи сильную склонность къ выспреннимъ, гармоническимъ выраженїямъ Поэзїи. Жители сего острова въ особенности пристрастны были къ сему роду и упражнялись въ немъ несравненно болѣе, нежели въ другихъ искусствахъ; сїе показываютъ намъ превосходныя древнїя пѣсни, сохранившїяся до нашихъ временъ. Тогда всякой знаменитый и важный человѣкъ имѣлъ у себя собственнаго Барда, который писалъ стихами исторїю его семейства и свое повѣствованїе, или разсказъ сопровождалъ обыкновенно пѣнїемъ, дабы посредствомъ сего она могла скорѣе и легче впечатлѣться въ памяти слушающихъ, особенноже тѣхъ, кому нужно было знать ее и передать дальнѣйшему потомству. Въ продолженїе того перїода, о которомъ мы теперь говоримъ, Поэзїя и самые Поэты были вездѣ осыпаемы похвалали, пользовались всеобщимъ уваженїемъ и получали большїя награды.

Алфредъ, который самъ былъ хорошимъ Поэтомъ и сочинялъ стихи наиболѣе съ тѣмъ намѣренiемъ, чтобы содѣйствовать чрезъ то къ образованiю своихъ подданныхъ, старался ободрять и награждать людей, отличавшихся особенными дарованiями въ Поэзiи. Государи того столѣтiя находили всегда большое удовольствiе слушать стихи своихъ Бардовъ, читать ихъ сочиненiя и выучивать оныя наизусть. Стихотворенiя Сѣверныхъ Бардовъ производили чрезвычайное дѣйствiе надъ народомъ, который присутствовалъ при ихъ пѣснопѣнiи. Они воспламеняли бурныя страсти и укрощали ихъ по своему произволенiю, употребляя при томъ различныя стихотворенiя. Власть гармонiи, движущей страстями людей, гораздо легче чувствовать, нежели описать возможно.

Древнiе Бритты, Англо-Саксы, Шотландцы, Ирландцы и другiе Сѣверные народы имѣли чрезвычайную страсть къ музыкѣ и упражнялись въ ней съ успѣхомъ. Въ то время тотъ, который хотѣлъ прiобрѣсти въ обществѣ особенное отличiе и уваженiе, необходимо долженъ былъ знать вокальную и инструментальную музыку; не имѣть понятiя о семъ искусствѣ почиталось величайшимъ безчестi-

емъ. Арфа была самымъ любимымъ и употребительнѣйшимъ инструментомъ праотцевъ Англичанъ, также какъ и прочихъ Европейскихъ народовъ. По законамъ Валлисскимъ каждый дворянинъ имѣлъ непремѣннымъ для себя долгомъ играть на семъ инструментѣ, который поставленъ былъ въ числѣ трехъ вещей, почитавшихся существенно необходимыми для того, чтобъ быть прямо благороднымъ человѣкомъ; по сей же самой причинѣ никому, кромѣ членовъ сего сословія, не позволено было играть на немъ. Король имѣлъ особеннаго своего арфиста. Однакоже праотцы Англичанъ кромѣ арфы имѣли многіе другіе инструменты, изъ коихъ самые употребительнѣйшіе были свирѣль, волынка, флейта и тамбуры. Слѣдующій примѣръ покажетъ намъ, сколь велико могущество музыки. Одинъ Норвежскій Король, слушая вмѣстѣ съ своими придворными трогательную мелодію нѣкотораго музыканта, игравшаго на арфѣ, пришелъ съ ними въ такое изступленіе, что естьлибъ не взяли тотчасъ надлежащихъ мѣръ, то, безъ сомнѣнія, они перерѣзали бы другъ друга *).

---

*) См. Генрихову Англин. Истор. Т. I.

ВЪ заключенїе сего урока приведемЪ нѣсколько замѣчанїй одного глубокомысленнаго Писателя: „Англо-Саксонскїя благовоспитанныя женщины почитали гораздо прїятнѣйшею для себя со стороны мущинЪ учтивостїю и наилучшимЪ удовольствїемЪ, естьли они хвалили ихЪ добродѣтели и достоинства, нежели красоту. ТакимЪ образомЪ, естьли какая нибудь женщина обличена была вЪ прелюбодѣйствѣ, вЪ такомЪ случаѣ, для отмщенїя ужаснаго безчестїя, нанесеннаго ею всему женскому полу, отрѣзывали ей волосы и, вЪ присутствїи всѣхЪ родственниковЪ, изгоняли изЪ супружескаго дома (подвязавЪ платье до самаго пояса); вЪ такомЪ безчестномЪ нарядѣ, не взирая ни на полѣ, ни на богатство, ни на красоту, гнали ее изЪ города вЪ городЪ, и безЪ малѣйшей пощады сѣкли до тѣхЪ порЪ, пока посреди сего несноснаго мученїя изпускала она послѣднее дыханїе; а соблазнителя ея вѣшали на дерево. ТѣхЪ же, которые провождали жизнь свою вЪ распутствѣ, бросали вЪ глубокую грязную яму, не выпуская изЪ нее до тѣхЪ порЪ, пока тамЪ задыхались.

„Англо-Саксы, по словамЪ ИсториковЪ, были весьма красивы, большаго росту и сильны.

Судя по сему изображенїю наружности и ихъ образу жизни, надобно думать, что они наслаждались совершеннымъ здоровьемъ и что, вѣроятно, многїе изъ нихъ достигали глубокой старости. Трудно однакоже означить степень ихъ умственныхъ способностей: въ то время, когда сей народъ принялъ Христїянскую религїю, ужасное суевѣрїе скоро помрачило чистоту ея; ибо Англо-Саксы чрезвычайно были привержены къ нелѣпымъ заблужденїямъ, господствовавшимъ въ тѣ времена. Духъ героическаго мужества, которымъ наиболѣе отличались первые поселившїеся въ Англїи Саксонцы, ослабѣлъ потомъ мало по малу въ ихъ потомкахъ. Датчане также славились чрезвычайною храбростїю. Саксонцы показывали всегда особенную склонность къ общественной жизни, и сїя склонность еще по сїе время видна въ ихъ потомкахъ. Они были слишкомъ легковѣрны и любопытны: двѣ слабости, отъ которыхъ Англичане не могли никогда исправиться. Они почитали священнымъ долгомъ гостепрїимство. Кому же неизвѣстно отличное гостепрїимство Англичанъ, которое оказываютъ они всякому, кто у нихъ его потребуетъ? Надобно однакоже признаться, что съ нѣкотораго времени многїе начали жаловаться, что

сїя прародительская добродѣтель выходитъ уже изъ употребленія. Они имѣли многіе пороки (и кто не имѣетъ ихъ!), но мы скроемъ ихъ подъ завѣсою молчанія; они были пылки въ своихъ желаніяхъ, но всегда сохраняли должную почтительность къ прекрасному полу.

„Забавы и упражненія Англо-Саксонскихъ женщинъ отличались особенною простотою, невинностїю и нѣкоторымъ героическимъ духомъ. Воспламеняя мужество и соревнованіе въ одномъ полѣ, онѣ въ то же время приносили честь и другому. Вмѣсто того чтобы терять время свое въ вышиванїи камзоловъ, онѣ занимались вышиваніемъ знаменъ для своихъ любимыхъ героевъ; но простую пряслицу предпочитали и самой швейной подушкѣ, также какъ бдительное исполненіе хозяйственныхъ домашнихъ обязанностей, по мнѣнїю ихъ, приносило гораздо большую честь, нежели вязаніе какой нибудь узловатой бахрамы и дѣланіе шапешницы. Дочери Короля Эдуарда, которыхъ было четыре, умѣли превосходнымъ образомъ прясть, ткать и вязать, и славились въ то время своимъ искусствомъ.“

Читая въ Исторїи прошедшихъ вѣковъ, съ какимъ неусыпнымъ бдѣніемъ и какою свя-

щенною обязанностію поставляли себѣ праотцы Англичанъ наблюдать за скромностію и сохранить ненарушимымъ цѣломудріе молодыхъ дѣвицъ, не почувствуетъ ли всякій благомыслящій человѣкъ сердечное содроганіе и негодованіе при одной мысли о томъ ужасномъ всеобщемъ развращеніи, которое при нынѣшней превозносимой образованности и просвѣщеніи распространилось во всѣхъ Государствахъ? Напротивъ того въ прежніе вѣки никакой предосудительный поступокъ или шутка, могущая оскорбить прелестную скромность, не были терпимы; самое даже брачное благословеніе принимала невѣста не иначе, какъ подъ покрываломъ, дабы скрыть свою дѣвическую стыдливость; когда же выходила за мужъ вдова, въ такомъ случаѣ сей обрядъ отмѣнялся.

„Мать никогда не уклонялась отъ исполненія священнѣйшаго и нѣжнѣйшаго закона, положеннаго на нее самою Природою, и всегда кормила дѣтей своихъ собственною грудью. Саксонская женщина, незнавшая ложной нѣжности нынѣшнихъ утонченныхъ временъ, сама имѣла попеченіе, воспитывала и питала юную свою отрасль, естьли была въ состояніи то дѣлать. Онѣ твердо были увѣрены въ томъ

мнѣніи, что дитя, питаясь молокомъ посторонней кормилицы, вмѣстѣ съ онымъ всасывало въ себя болѣе качества сей женщины, нежели качества своего отца и матери.

„Начало обыкновенія пить за здоровье должно отнести ко временамъ Англо-Саксовъ. Самый древнѣйшій и первый опытъ, какъ утверждаютъ Историки, сдѣланъ былъ Ровенною, дочерью или племянницею Генгиста, которая выпила за здоровье Вортигерна, Короля Британскаго. Сіе происходило слѣдующимъ образомъ: пришедши въ ту комнату, въ которой находился Король и всѣ прибывшіе съ нимъ гости, она сдѣлала ему низкій поклонъ, и сказавъ: „Государь, желаю вамъ добраго здоровья, выпила находившееся въ покалъ вино; потомъ снова его наполнивъ, поднесла самому Королю, ставши предъ нимъ на колѣна;“ Вортигернъ, удивившійся такому странному ея поступку, просилъ обьяснить ему оный, также какъ и произнесенныя ею слова, и послѣ того, принявъ изъ рукъ ея покалъ, тотчасъ выпилъ, сказавъ: „Я пью ваше здоровье.“ —

„Пьянство принесено было въ Англію Датчанами, которые съ такою неумѣренностію

предавались сей позорной страсти, особенно же въ царствованїе Эдгара, и столь сильно заразили ею самыхъ Англичанъ, что сей Государь, по совѣту Дунстана, Архїепископа Кантербурїйскаго, принужденъ былъ уничтожить большую часть питейныхъ домовъ, оставивъ только по одному съ каждомъ городѣ и селѣ. Сверхъ того онъ приказалъ, чтобы во всѣхъ употребляемыхъ простымъ народомъ стаканахъ и рюмкахъ наколочены были внутри гвоздики или замѣтки, въ нѣкоторомъ одна отъ другой разстоянїи, и естьли кто выпьетъ хотя немного выше сей мѣры, тотъ подвергается жестокому наказанїю.

„Датчане, какъ говорятъ нѣкоторые, имѣли самое грубое понятїе о своемъ Божествѣ, такъ что иногда приносили ему даже человѣческїя жертвы. Хотя учрежденїе *присяжныхъ* приписываютъ Алфреду Великому, однакожe многїе утверждаютъ, что начало употребленїя присяги при судебныхъ спорахъ произошло отъ ихъ понятїя о вѣрѣ.

„Датчане предавались всегда неограниченному сластолюбїю; самыя даже кровати ихъ сдѣланы были и приготовлялись особеннымъ

образомъ, для того чтобы удобнѣе предаваться нѣгѣ и удовольствіямъ; казалось, что они ни о чемъ болѣе не помышляли, какъ только объ убираніи своихъ прекрасныхъ волосъ, дабы обратить на себя вниманіе прекраснаго пола и ему понравиться. Одинъ молодой воинъ, будучи осужденъ за нѣкоторое преступленіе къ смертной казни, просилъ своего палача, чтобы онъ не позволялъ рабамъ дотрогиваться руками до прекрасныхъ его волосъ, и чтобы постарался не замарать ихъ въ крови. Гарольдъ Гарфрагръ, т. е. имѣющій хорошіе волосы, для пріобрѣтенія себѣ сильнѣйшей приверженности отъ своей любовницы, клялся ей не убирать своихъ волосъ до тѣхъ поръ, пока не совершитъ завоеванія Норвегіи.

„Геройскія качества ихъ часто помрачались непомѣрнымъ тщеславіемъ; въ самой ихъ разсѣянности и забавахъ видна была какая-то безпечность. Датскіе Короли и Герои, отправляясь на войну, всегда брали съ собою Бардовъ, для того чтобы они, описавъ подвиги ихъ, сдѣлали оные безсмертными въ потомствѣ. Въ свободное время они занимались игрою въ шашки, въ кости, или въ триктракъ. Послѣдняя игра изобрѣтена была въ Валлисѣ около сего періода.

„Хотя Англинская нацїя составилась изъ разныхъ народовъ, однакоже мужество и твердость, которыми она отличается нынѣ, суть собственныя свойства первоначальныхъ Англичанъ. Саксонцы слѣдовали всегда болѣе природной своей склонности — домашнимъ добродѣтелямъ; а Датчане во всѣхъ поступкахъ своихъ показывали жестокость, невоздержность и всѣсильныя страсти, которыя обыкновенно господствуютъ надъ буйственными нравами. Такимъ образомъ Бритты передали природнымъ жителямъ сей страны свое мужество, Саксонцы кротость и утонченность, а Датчане жестокость *). “

ГЛАВА III.

Карлъ Великїй, — перевороты, — правленїя, — нравы, — религїи, — обычаи, — науки, — Норманцы.

На земномъ шарѣ нѣтъ ничего постояннаго, перемѣны слѣдуютъ за перемѣнами, одинъ переворотъ уступаетъ мѣсто свое другому. Можно сказать, что въ семъ мїрѣ происхо-

*) См. Струттерово разсуж. о нрав. и обыч. древ. Англичанъ.

дитъ безпрерывная борьба между двумя враждующими силами, творящею и разрушающею. Страсти людей были главнѣйшею причиною той многоразличности картинъ, которыя находимъ мы въ творенїяхъ Историковъ. Сїи-то самыя страсти, въ какомъ бы прочемъ видѣ и оттѣнкахъ онѣ намъ ни представились, будутъ предметомъ слѣдующихъ изслѣдованїй; мы будемъ тщательно ихъ разсматривать и постараемся показать причины произшествїй, которыя находимъ въ лѣтописяхъ народовъ.

Въ началѣ того перїода, который намѣрены разбирать въ продолженїе сего урока, существовали три знатнѣйшїя Государства: Западное, возстановленное Карломъ Великимъ, который, покоривъ власти своей обширное пространство земель, управлялъ ими съ такимъ же неограниченнымъ самодержавїемъ, какъ и древнїе Императоры; Греческое, которое хотя чрезвычайно уже ослаблено было безпрерывными внутренними смятенїями и неистовствомъ духовнаго фанатизма, не смотря на сїе, мужественно противостояло Болгарамъ на Сѣверѣ и Сарацинамъ на Югѣ. Ирена, женщина, прославившаяся отличными своими дарованїями и злодѣйствами, возсѣла на колебавшемся Константинопольскомъ

престолѣ и покорила скипетру своему многочисленные народы, обитавшїе на той обширной полосѣ земли, которая простирается отѣ Адрїатическаго моря до Босфора. Вѣ сїе же самое время царствовалѣ Гарунѣ-ал-Рашидѣ, Императорѣ Сарацинѣ. Сїя пространная Имперїя подѣ мудрымѣ правленїемѣ сего Монарха возвысилась до такой степени блеска и славы, до которой ни прежде, ни послѣ его никогда не достигала. Багдадѣ, великолѣпная столица сего Государства, былѣ центромѣ наукѣ и изящныхѣ искусствѣ; многочисленные народы Азїи и Африки, наслаждаясь подѣ скипетромѣ Гаруна миромѣ и ненарушимымѣ щастїемѣ, именовали его *справедливымѣ*, самое славнѣйшее титло, котораго можетѣ желать хорошїй Государь. Вѣ прочихѣ странахѣ Европы едва только начинала появляться заря просвѣщенїя, и онѣ, такѣ сказать, подобились пятнамѣ, видимымѣ на солнцѣ.

Вѣ то время, когда вся Европа еще покрыта была мракомѣ варварства, долговременное и славное царствованїе Карла Великаго есть удивительное явленїе, достойное временѣ гораздо просвѣщеннѣйшихѣ, нежели каковы были тѣ, вѣ которыя онѣ существовалѣ. Не-

ограниченное честолюбїе и великїя дарованїя побуждали его и дѣлали способнымъ производить такїя дѣла, кои обезсмертили имя его въ потомствѣ. Получивъ по смерти старшаго брата своего Карломана полное обладанїе могущественнымъ Государствомъ, Карлъ Великїй, по просьбѣ Папы, разрушилъ совершенно Ломбардское Королевство, покорилъ власти своей многихъ Италїянскихъ Князей, принялъ подъ свое покровительство Римскїй престолъ и потомъ обратилъ непобѣдимое оружїе свое противъ Саксонцевъ, обитавшихъ въ Германїи. Война сїя продолжалась тридцать лѣтъ. Такое упорное сопротивленїе храбраго и независимаго народа и непоколебимая твердость, съ которою столь долгое время защищалъ онъ свою свободу, достойны удивленїя. Когда же находимъ мы въ Исторїи, что Карлъ Великїй повелѣлъ въ своемъ присутствїи умертвить четыре тысячи пять сотъ Саксонцевъ за то единственно, что они не хотѣли выдать ему Витикинда, мужественнаго своего предводителя и защитника; что, побуждаясь ложною ревностїю къ церкви, онъ насильственнымъ образомъ принуждалъ ихъ принимать Христїянскую религїю и потомъ обременилъ жестокими законами: то при семъ описанїи сердце наше

содрогается и человѣчество вопіетъ противъ такого варварскаго поступка; послѣ сего мы предаемъ забвенію всѣ блистательныя достоинства сего Монарха и начинаемъ ненавидѣть самую память его. Витикиндъ, принявъ крещеніе, пребылъ всегда вѣрнымъ Карлу Великому, между тѣмъ какъ его соотечественники, не хотѣвъ послѣдовать примѣру прежняго своего полководца, часто дѣлали возмущенія. Великое множество Саксонцевъ удалились изъ отечественной своей земли и отправились искать гораздо безопаснѣйшаго убѣжища въ странахъ болѣе гостепріимныхъ; гонимые фанатизмомъ, они понесли въ сердцахъ своихъ смертельное отвращеніе къ Христіянской религіи и непримиримую ненависть къ безчеловѣчному своему побѣдителю. Упорное сопротивленіе сихъ варваровъ кажется нѣкоторымъ Историкамъ непростительнымъ и безполезнымъ; но они конечно не размыслили о томъ съ должнымъ вниманіемъ и забыли, что человѣкъ, по врожденному отъ Природы чувству, страшится и убѣгаетъ рабства и нетерпимости. Надобно всякую вещь называть настоящимъ ея именемъ. Исторія есть непріязненное судилище, гдѣ лесть должна безмолвствовать и единый чистый гласъ священной истины быть слы-

нимъ. Естьлибъ великая слава, которую пріобрѣлъ Карлъ, проистекала отъ однихъ только блистательныхъ побѣдъ, одержанныхъ имъ надъ Ломбардами, Сарацинами и Саксонцами, въ такомъ случаѣ мы поставилибъ его наряду съ тѣми только людьми, которымъ дано ужасное имя истребителей человѣческаго рода; но онъ имѣлъ другія гораздо вышшія достоинства, которыми пріобрѣлъ любовь своихъ подданныхъ и удивленіе потомства.

Не среди тріумфовъ своихъ является намъ Карлъ истинно великимъ, но въ то время, когда находимъ его занятымъ неусыпными попеченіями о щастіи судьбою ввѣренныхъ ему миліоновъ; но въ то время, когда находимъ его бодрствующимъ о государственномъ правленіи; но въ то время, когда онъ съ отеческою кротостію печется объ образованіи нравовъ, когда устремляетъ внимательные взоры на религію, просвѣщеніе и искусства. Карлъ является намъ чадолюбивымъ отцемъ своего народа среди тѣхъ національныхъ собраній, которыя часто созывалъ онъ, гдѣ предлагалъ законы для общественнаго благосостоянія и позволялъ другимъ сіе же дѣлать. Не взирая на столь многотрудныя занятія, онъ неусыпно

старался также объ устроенїи порядка и въ прочихъ частяхъ въ своемъ обширномъ Государствѣ и благополучїя всѣхъ состоянїй вообще; равнымъ образомъ принималъ всѣ возможныя мѣры къ облегченїю участи и благородствованїю уничиженнаго духа въ простомъ народѣ, который стеналъ тогда подъ бременемъ всеобщаго угнетенїя. Имѣя въ виду сїю благотворную цѣль, онъ исправилъ всѣ большїя дороги, проложилъ новыя тамъ, гдѣ прежде никакихъ не было, сдѣлалъ мосты, устроилъ рѣки удобными для судоходства обширной торговли и приступилъ къ исполненїю славнаго и великаго своего предпрїятїя — сдѣлать сообщенїе между Океаномъ и Чернымъ моремъ посредствомъ канала, долженствовавшаго соединить Рейнъ съ Дунаемъ. Хотя сїе знаменитое предпрїятїе и не имѣло щастливаго успѣха, потому что искусство копанїя каналовъ находилось въ то время, такъ сказать, въ младенчествѣ; но мнѣ кажется, что и рѣшиться только на такое предпрїятїе есть нѣкоторымъ образомъ столько же славно, какъ и произвести его въ дѣйство. Карлъ Великїй, не слѣдуя примѣру тѣхъ завоевателей, которые жаждали, такъ сказать, однихъ ужасовъ и опустошенїй, помышлялъ

единственно о томъ, чтобы вознаградить бѣдствія, причиненныя войною, варварствомъ и невѣжествомъ.

Карлъ Великій былъ не менѣе того достоинъ почтенія и любви въ семейственномъ кругу. Онъ былъ нѣжный супругъ, чадолюбивый отецъ, искренній и великодушный другъ. Самъ надзирая за воспитаніемъ дѣтей своихъ, онъ въ тоже время старался и о томъ, чтобы не только во всѣхъ частяхъ государственнаго правленія, но и въ собственномъ его домѣ соблюдаемы были бережливость и благоустройство. Одежда его, всегда одинаковая, отличалась особенною простотою, истиннымъ величіемъ. „Не стыдно ли, сказалъ онъ однажды нѣкоторымъ изъ своихъ придворныхъ, которые, показалось ему, одѣты были слишкомъ пышно „безъ малѣйшей надобности, такъ много заниматься нарядами; старайтесь лучше блистать своими достоинствами, а не одеждою; „предоставьте женщинамъ заботиться о красотѣ и нарядахъ: имъ однѣмъ прилично объ „этомъ думать; а сіи богатыя платья берегите для какого нибудь торжества или церемоніи: ибо онѣ годятся только для показу, „но не для всегдашняго употребленія.“ Въ тор-

жественные дни являлся онъ во всей Царской пышности и великолѣпіи; вседневная же одежда его была простая и скромная, а столъ самый умѣренный. Единственный порокъ, за который заслуживаетъ онъ порицаніе, есть неумѣренное пристрастіе его къ чувственнымъ наслажденіямъ съ женщинами. „Но такому Мо-„нарху (говоритъ одинъ Историкъ), который „самъ управлялъ обширнымъ своимъ Государ-„ствомъ и въ продолженіе долговременной жиз-„ни своей переносилъ всякіе военные труды и „опасности, такому Монарху можно простить „подобное излишество (хотя по справедливости „оно ни въ комъ не извинительно).“ Къ сему прибавлю я еще одно слово (говоритъ глубокомысленный Монтескьё); но сіе самое одно слово показываетъ уже истинно великаго человѣка. Сей Государь приказалъ однажды продать всѣ яица, находившіяся на птичномъ дворѣ, и всю излишнюю траву изъ своихъ садовъ; также все отнятое у Ломбардовъ богатство и несчетныя сокровища Гунновъ, сихъ опустошителей свѣта, раздѣлить между своими подданными.

Ревностныя попеченія Карла Великаго объ истребленіи повсюду господствовавшаго невѣжества и распространеніи просвѣщенія должны

быть поставлены въ числѣ самыхъ блистательныхъ дѣлъ сего Монарха. Онъ ежедневно занимался ученїемъ, но не для одного только препровожденїя времени, а для просвѣщенїя и обогащенїя ума своего полезными познанїями. Онъ имѣлъ опредѣленные часы, которые посвящалъ единственно усовершенствованїю себя въ наукахъ, и гдѣ бы ни случился, въ лагерѣ, или при Дворѣ, никогда и ни для чего не отлагалъ сихъ ученыхъ упражненїй; такимъ образомъ умственное образованїе служило ему прїятнымъ отдохновенїемъ отъ военныхъ трудовъ и безпокойствъ государственнаго правленїя. Любя сообщество и бесѣдованїе съ учеными людьми, онъ призвалъ въ свое Государство многихъ прославившихся тогда въ Европѣ своими сочиненїями Писателей и учредилъ Академїю, въ которой самъ былъ членомъ; сверхъ того завелъ обширныя школы при всѣхъ соборахъ и аббатствахъ, гдѣ юношество обучалось Священному Писанїю, Ариѳметикѣ, Грамматикѣ, церковной музыкѣ и пѣнїю. Въ то время сїе значило уже сдѣлать весьма важный шагъ къ умственному образованїю народа, тогда какъ самое первостепенное духовенство едва только умѣло подписывать свое имя, и когда всѣ достоинства, которыхъ требовалось отъ па-

спора, состояли единственно въ томъ, чтобы онъ зналъ читать Евангеліе и молитву *Отче нашъ.*

Алкуинъ (о которомъ упоминали мы выше) былъ собесѣдникомъ и любимцемъ Карла Великаго. Сей ученый Англичанинъ сдѣлался потомъ его учителемъ и былъ осыпанъ великими милостями и наградами. Щедроты и великодушіе сего Императора къ ученымъ дѣйствительно были безпредѣльны. Зная, что ободреніе и покровительство имѣютъ великое вліяніе на дѣятельность и успѣхи отличныхъ талантовъ, ибо онѣ даютъ имъ, такъ сказать, новую жизнь и возбуждаютъ въ нихъ сильнѣйшее рвеніе стремиться къ вышшему совершенству, онъ употреблялъ всѣ возможныя средства, дабы находить такихъ людей. Видя, какое ужасное невѣжество господствовало между простымъ народомъ, сей великій человѣкъ чувствовалъ необходимость покровительствовать и поощрять такой классъ людей, которые своими дарованіями весьма много могли содѣйствовать ко благу его подданныхъ. Онъ зналъ, что просвѣщенными легче управлять, нежели невѣждами; что времена невѣжества суть времена варварства, и что человѣкъ, живущій

вЪ подобномЪ обществѣ, подверженЪ такимЪ же опасностямЪ, какiябЪ встрѣтилЪ вЪ лѣсахЪ АфриканскихЪ. Неограниченная любовь его кЪ просвѣщенiю и чрезвычайныя усилiя и старанiя о распространенiи онаго достойны отличной нашей признательности. Не смотря на всѣ достохвальныя дѣянiя сего Государя, человѣколюбивые люди никогда не престанутЪ порицать его за безразсудную ревность кЪ религiи, которая произвела весьма гибельныя слѣдствiя, ревность, которая, заглушивЪ вЪ немЪ кроткiй гласЪ любви кЪ ближнему, превратила его вЪ тиранна, пролившаго невинную кровь нѣсколькихЪ тысячь СаксонцевЪ, которые по тому единственно сдѣлались вЪ глазахЪ его преступниками, что хотѣли сохранить свободу. Истинный ФилософЪ и ХристiянинЪ всегда будутЪ порицать Карла Великаго за суевѣрную приверженность и слѣпое повиновенiе кЪ Римскому престолу и вообще ко всему духовенству; приверженность, которая вЪ послѣдствiи сдѣлалась столь пагубною для его преемниковЪ и, вѣроятно, положила начало той деспотической духовной тираннiи, которая возникла на развалинахЪ Царской власти, и подЪ бременемЪ коей Европа стонала столь долгое время; приверженность, которая часто вовлекала его

въ Богословскіе споры, совершенно неприличные Монарху. Карлъ кажется намъ истинно великимъ въ то время, когда находимъ его посреди національныхъ собраній; въ то время, когда находимъ его занятымъ неусыпными попеченіями о благосостояніи своего народа; въ то время, когда дѣлаетъ онъ мудрыя постановленія; но сколь напротивъ того кажется намъ унизительнымъ для его сана и величія, когда находимъ его засѣдающимъ на Франкфуртскомъ соборѣ, посреди трехъ сотъ Епископовъ и двухъ Папскихъ Легатовъ, и разсуждающимъ о догматахъ вѣры! Споръ о поклоненіи иконамъ и книги, извѣстныя подъ именемъ Карловинскихъ, которыя сочинилъ онъ по сему случаю, показываютъ его малодушіе и суевѣріе; схоластическіе диспуты никогда не были и не могутъ быть совмѣстны съ истиннымъ величіемъ.

Однакоже и въ то самое время, когда Карлъ Великій занимался маловажными дѣлами, и тогда, говорю я, не упускалъ онъ ничего, что могло содѣйствовать къ распространенію его славы. Будучи неограниченно самовластнымъ Государемъ обширныхъ странъ, онъ желалъ еще имѣть гораздо высшее титло, нежели

Королевское, которое соединяло съ собою нѣкоторую подчиненность и зависимость отъ Константинопольскихъ Императоровъ. Къ щастїю его, скоро представился благопрїятный случай удовлетворить сїе честолюбивое желанїе. Папа просилъ у него вспомоществованїя и покровительства противъ Ломбардовъ. Карлъ согласился исполнить его прозьбу; избавилъ его отъ сихъ страшныхъ непрїятелей, и Левъ III, желая достойнѣйшимъ образомъ наградить его за сей знаменитый подвигъ и столь важную услугу, провозгласилъ Его Императоромъ и Августомъ. Хотя Папа, безъ сомнѣнїя, не имѣлъ никакого права возвести его въ сїе достоинство, не смотря на то, Карлъ, основатель новой Западной Имперїи, удержалъ за собою сїе титло, которое наконецъ было признано всѣми Дворами. Имератрица Константинопольская Ирена тотчасъ прислала къ нему посольство съ предложенїемъ вступить съ нею въ супружество; но нещастный переворотъ судьбы сей Государыни, вскорѣ потомъ случившїйся, воспрепятствовалъ произвести въ дѣйство сїе великое предпрїятїе. Ницефоръ, свергнувшїй съ престола Ирену, заключилъ мирный трактатъ съ Карломъ Великимъ и призналъ принятое имъ титло Августа.

Слава Карла Великаго достигла наконецъ до самой Азіи. Гарунъ-ал-Рашидъ, знаменитый и просвѣщенный Калифъ Сарацинъ, великодушный покровитель наукъ и художествъ, старался снискать его дружбу, и чрезъ своихъ посланниковъ предложилъ богатые дары. Уважаемый иностранными Государями, прославляемый всѣми народами, освободившійся своимъ оружіемъ отъ страшныхъ Нормандцевъ, любимый и превозносимый своими подданными, и ужасный для враговъ, которые отъ одного имени его трепетали, Карлъ, по видимому, достигнулъ крайней вершины человѣческаго величія и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, высочайшей степени щастія. Къ сожалѣнію, примѣръ сего самаго Монарха показываетъ намъ, что совершенное щастіе не дано въ удѣлъ человѣкамъ. Нечаянная кончина Ротруды, любимой его дочери, и потеря двухъ сыновей, Пипина и Карла, свергли его въ ужасную горесть, которая угнетала его во весь остатокъ жизни. За годъ до своей кончины онъ принялъ къ себѣ въ Соправители Государствомъ сына своего Людовика. Обрядъ, по сему случаю бывшій, происходилъ самымъ великолѣпнымъ образомъ. Карлъ, какъ бы по нѣкоторому пророческому вдохновенію, предвидя будущія деспотическія притязанія духо-

венства, положилЪ Императорскую корону на церковный престолЪ, и приказавЪ сыну своему Людовику взять ее сЪ онаго самому, возложилЪ на главу его, желая чрезЪ сїе дать ему почувствовать, что онЪ имѢетЪ ее непосредственно отЪ самаго Бога. КЪ сожалѢнїю, сїе важное и мудрое наставленїе вЪ скоромЪ времени было забыто. „Люби народЪ свой, какЪ „своихЪ дѢтей (сказалЪ онЪ сему Принцу); „старайся избирать всегда такихЪ начальни-„ковЪ и судей, которые бы, имѢя страхЪ Бо-„жїй, ненавидѢли лихоимство и всякую дру-„гую несправедливость; но болѢе всего берегись „самЪ сдѢлаться вЪ чемЪ нибудь виновнымЪ предЪ „людьми.“

КарлЪ умерЪ вЪ Э-ла-ШапелѢ, и, можно сказать, сЪ нимЪ вмѢстѢ сокрылась слава Западной Имперїи. ОдинЪ только превосходный, единственный генїй Карла Великаго возмогЪ вдыхать жизнь и крѢпость вЪ сїе огромное тѢло; послѢдующїя времена показали дѢйствительно, что онЪ одинЪ вЪ состоянїи былЪ устроять и хранить совершенное благоустройство вЪ различныхЪ частяхЪ Государства и хорошую гармонїю вЪ цѢломЪ. ВЪ царствованїе Людовика Кроткаго сїе повсемѢстное добро-

гласїе изчезло; ослабѣвшая Имперїя получила многїя неизлѣчимыя раны; была потрясена въ самомъ своемъ основанїи, и наконецъ при наслѣдникахъ его раздробилась на нѣсколько частей. Естьли Читатель желаетъ знать, какїя причины произвели такой ужасной переворотъ, то ниже слѣдующая Исторїя потомковъ Карла Великаго удовлетворитъ его любопытство.

Людовикъ наслѣдовалъ могущество, но не таланты своего отца. Чрезвычайно недовѣрчивый, малодушный и боязливый, онъ пренебрегалъ священными обязанностями престола для монастырской набожности. Царствованїе сего Государя, отъ начала до самаго послѣдняго года, было ничто иное, какъ безпрерывная цѣпь непростительныхъ ошибокъ и безразсудныхъ поступковъ. Немедленно, по возшествїи своемъ на престолъ, онъ удалилъ всѣхъ Министровъ и совѣтниковъ своего отца, началъ обходиться съ сестрами самымъ жестокимъ образомъ и раздѣлилъ Имперїю на нѣсколько частей. Но онъ самъ скоро почувствовалъ пагубныя слѣдствїя послѣдняго своего поступка. Папа распространилъ свою власть; духовенство старалось свергнуть съ себя подчиненность гражданскому начальству и получить

участіе въ государственномъ правленіи. За сими неблагопріятными обстоятельствами последовало несравненно горестнѣйшее: собственные дѣти взбунтовались противъ него, и подъ покровительствомъ Папы Григорія IV совершенно успѣли въ своемъ предпріятіи. Злощастный отецъ, оставленный своими войсками, ненавидимый подданными, не видѣлъ для себя другаго спасенія, какъ отдаться во власть мятежныхъ дѣтей своихъ. Но сего было недовольно: онъ осужденъ былъ выслушать подробное описаніе всѣхъ своихъ преступленій и потомъ, облекшись въ покаянническое одѣяніе, заключиться въ мрачную келью; безчеловѣчные дѣти, не удовлетворившись симъ гоненіемъ, имѣли жестокость отказать ему въ слугѣ. Однакоже, въ скоромъ послѣ того времени, между сыновьями его произошла сильная распря, которая доставила ему случай освободиться изъ заключенія и снова возсѣсть на потерянномъ престолѣ. Слабый и суевѣрный Людовикъ не хотѣлъ воспріять вождей государственнаго правленія, прежде нежели не получитъ разрѣшенія на то отъ Епископовъ. Онъ получилъ его; но преступленіе дѣтей осталось ненаказаннымъ. Безпокойства и тягостные труды, которымъ подвергался онъ въ продолженіе долговремен-

ныхъ, но безуспѣшныхъ усилій своихъ о прекращеніи гражданской войны, вмѣстѣ съ другими горестными обстоятельствами, разстроили совершенно и до того уже слабое его здоровье, и наконецъ прекратили его жизнь. Ограниченныя способности и безразсудная, излишняя набожность сего Государя были причиною многихъ семейственыхъ раздоровъ и смятеній въ Государствѣ. Норманцы, Сарацины и Бритты начали презирать его власть. Онъ былъ совершеннымъ игралищемъ духовенства, своей жены, и наконецъ сдѣлался жертвою дѣтей. Царствованіе малодушнаго Государя часто бываетъ причиною многихъ величайшихъ бѣдствій для народа; царствованіе тиранна, въ сравненіи съ онымъ, можетъ нѣкоторымъ образомъ почесться лучшимъ; по крайней мѣрѣ зло, причиняемое его правленіемъ, не такъ бываетъ продолжительно.

Прочіе преемники Карла Великаго были такіе же слабые Государи; поступали столь же безразсуднымъ образомъ, какъ и Людовикъ, и слѣдовательно были столь же нещастливы, какъ и онъ. Карлъ Простой, послѣдній потомокъ изъ Дому Карла Великаго, царствовавшій во Франціи, возбудилъ противъ себя всеобщее негодованіе под-

данныхъ, отдавъ одну часть своего Государства во владѣнїе Нормацу Роллѣ. Совершенная неспособность сего Карла къ правленїю становилась ежедневно болѣе и болѣе очевидною, а вмѣстѣ съ онымъ возрастало къ нему и презрѣнїе народа. Сїе презрѣнїе превратилось наконецъ въ бунтъ, который кончился весьма неблагопрїятнымъ образомъ для Карла, и открылъ Гюгу-Капету путь къ Французскому престолу.

По смерти Людовика Императорское достоинство въ Германїи сдѣлалось избирательнымъ и вышло изъ фамилїи Карла Великаго. Германскїе Князья, съѣхавшись въ Вормсѣ, провозгласили Императоромъ Конрада, Герцога Франконскаго. Царствованїе сего Государя было нещастливо: вѣроятно не по тому, чтобы онъ не имѣлъ нужныхъ къ тому способностей, но что самое свойство феодальной системы препятствовало успѣхамъ хорошаго правленїя. По смерти его первокласное дворянство, духовенство и депутаты городовъ единодушно поднесли Императорскую корону Генриху Птицелову. Сей Государь, при вступленїи своемъ на престолъ, нашелъ Имперїю растерзанною величайшими бѣдствїями, и какъ истинно мудрый

Монархъ, который все свое щастіе полагаетъ во благѣ своихъ подданныхъ, издалъ немедленно хорошіе законы. Въ то время многочисленныя шайки бродягъ скитались по Европейскимъ Государствамъ и производили повсюду чрезвычайные безпорядки и ужасныя грабительства; но Германія болѣе всѣхъ прочихъ Государствъ наводнена была сими разбойниками. Генрихъ, желая прекратить сіи грабежи, дабы доставить подданнымъ своимъ спокойствіе, и сдѣлать изъ сихъ бродягъ хорошихъ солдатъ, обнародовалъ прощеніе всѣмъ тѣмъ, которые добровольно явятся къ нему и вступятъ въ службу. Объявленіе имѣло желанный успѣхъ: тысячи начали съ радостію стекаться къ его знаменамъ, и Генрихъ, посредствомъ строгой военной дисциплины, въ короткое время образовалъ изъ нихъ превосходное войско. Совершивъ съ щастливымъ успѣхомъ такое важное дѣло, онъ предпринялъ потомъ истребить распространившуюся повсюду феодальную анархію, принудивъ своихъ васалловъ доставить ему извѣстное число войска и провіанту, нужнаго для ихъ содержанія. Генрихъ построилъ нѣсколько новыхъ городовъ; возобновилъ тѣ, которые приходили уже въ упадокъ и, по примѣру Карла Великаго, учредилъ пограничныхъ

Маркизовъ для защищенія предѣловъ Государства отъ нашествія иноплеменныхъ варваровъ. Сей мудрый и прозорливый Монархъ употреблялъ всѣ возможныя средства для истребленія повсемѣстно усиливавшихся безпорядковъ, утвержденія благоустройства и щастія своихъ подданныхъ. Онъ умеръ въ Турингіи во время похода своего въ Италію со многочисленною арміею, дабы прекратить происходившія тамъ гражданскія междоусобія и принять изъ рукъ Папы Императорскую корону. Не за долго до своей кончины онъ собралъ къ себѣ Германскихъ Князей, которые всѣ единодушно избрали въ Императоры сына его Оттона, проименованнаго послѣ Великимъ.

Когда потомки Карла великаго лишились могущества, Италія сдѣлалась добычею множества малыхъ тиранновъ, которые раздробили ее между собою. Ломбардія и нѣкоторыя другія провинціи подвергнулись всѣмъ ужасамъ гражданской войны, между тѣмъ какъ другія опустошаемы были Гуннами и Сарацинами. Многіе изъ Германскихъ Князей испытывали утвердиться на Италіянскомъ престолѣ, но никогда не имѣли въ томъ успѣха: ибо не въ состояніи были ни возстановить спокойствія,

ни защитить похищенной ими короны. Папы, царствовавшїе въ тѣ времена, посрамляли не только самую Христїянскую религїю, но, можно сказать, наносили стыдъ и безчестїе всему человѣческому роду. Вопервыхъ, для достиженїя Папскаго престола, они употребляли самыя низкїе происки и ласкательства; когда же получали его, то прежняя кротость мгновенно изчезала, и они, предавшись всякимъ постыднымъ дѣламъ и развратности, дозволяли своимъ любовницамъ управлять всѣмъ съ деспотическою властїю. Церкви преданы были на разграбленїе, и тамъ, гдѣ находились прежде Божїи храмы, на тѣхъ мѣстахъ являлись однѣ развалины; самые даже слѣды просвѣщенїя изчезли; повсюду воцарилось ужаснѣйшее невѣжество, и люди снова обратились къ прежнему дикому состоянїю Природы. Сїю горестную картину находимъ мы въ Исторїи Италїянскаго Государства, картину, которая можетъ понравиться одному только закоренѣлому въ порокахъ сердцу; но человѣкъ чувствительный съ соболѣзнованїемъ и вмѣстѣ съ негодованїемъ отвратитъ отъ нее взоры.

ВЕНЕЦІЯ. Разсматривать, какимъ образомъ Венецїянская республика, при ужасныхъ

безпорядкахъ и кровопролитїяхъ, которыя свирѣпствовали вокругъ нее въ прочихъ Государствахъ Европы, мирно и постепенно шествовала къ своему величїю, будетъ безъ сомнѣнїя прїятно всякому благомыслящему человѣку. Сїи щастливые островитяне, разсѣявъ, такъ сказать, мракъ скрывавшей ихъ неизвѣстности, учредили у себя правильное и наилучшимъ образомъ устроенное правленїе, однакоже не вдругъ, посредствомъ какихъ нибудь ужасныхъ переворотовъ, но постепеннымъ установленїемъ строгаго порядка и неутомимо-дѣятельной промышленности. Тогда какъ побѣдоносный Домъ Пипина страшилъ ихъ своимъ могуществомъ, они показывали себя подчиненными Константинопольскому престолу; но когда преемники сего знаменитаго Государя, лишившись прежней власти и важности, перестали быть ужасными для другихъ народовъ: то сїи республиканцы немедленно свергнули съ себя сїю видимую зависимость и перестали употреблять въ своихъ общественныхъ бумагахъ имена Восточныхъ Императоровъ. Такимъ образомъ, уничтоживъ и самые слѣды подданства чужестранной власти, они даровали правительству своему большую силу, постановивъ его на гораздо твердѣйшемъ основанїи. Но зная,

сколь великія и безчисленныя невыгоды произтекаютъ отъ демократіи; зная, что она неизбѣжно влечетъ за собою необузданныя насильства и анархію; зная, что въ самомъ лучшемъ ея устроеніи дѣла, будучи разсматриваемы толпою народа, часто буйнаго, текутъ весьма медленно и никогда не имѣютъ той быстроты въ своемъ исполненіи, отъ которой нерѣдко зависитъ благосостояніе и польза цѣлаго Государства; что сверхъ того, тайны правительства не могутъ быть сохраняемы надлежащимъ образомъ; что достойные и знаменитые по своимъ заслугамъ люди часто получаютъ за то въ воздаяніе одну подлую неблагодарность и ежечасно бываютъ подвержены злобѣ и зависти, и что человѣческія страсти, даже самыя низкія, дѣйствуютъ въ людяхъ гораздо сильнѣе въ аристократическомъ, нежели въ самодержавномъ правленіи, Венеціяне, говорю я, удостовѣренные опытомъ въ неоспоримости сихъ истиннъ, составили свое правительство частію изъ демократическаго, частію изъ аристократическаго. Чрезъ такое смѣшеніе члены дворянскаго сословія сдѣлались соединенными между собою тѣснѣйшимъ союзомъ, и въ то же время низшія состоянія особождены были и ограждены отъ утѣсненія

вышшаго; и какъ простой народъ сдѣлался непосредственно подчиненнымъ самой республикѣ, а не дворянству, то по сей причинѣ съ ними начали обходиться, такъ какъ съ свободными гражданами, а не рабами. Утвердивъ на незыблемомъ основаніи внутреннее правленіе Государства, главнѣйшій источникъ славы и щастія народнагѣ; начертавъ постоянные законы для всеобщаго благополучія, которымъ и по сіе время не престаютъ удивляться Политики, сіи мудрые республиканцы обратились къ усовершенствованію своей промышленности, умножили морскую силу и распространили торговлю. Они сдѣлались развозчиками Европейскихъ народовъ, отправляя на своихъ корабляхъ ихъ произведенія въ Восточныя Государства и возвращаясь оттуда въ Италію съ Азіатскими товарами. Столь мудро устроенное правленіе и столь общирная торговля пріобрѣли имъ уваженіе отъ сосѣдей, доставили силу и крѣпость Государству и увеличили народное богатство.

Испанія въ продолженіе сего періода была театромъ безпрерывныхъ кровопролитныхъ битвъ между Христіянами и Маврами; первые, находясь подъ предводительствомъ мужествен-

ныхъ Королей - Героевъ и одушевленные любовїю къ отечеству, почти всегда торжествовали надъ послѣдними, ежедневно прїобрѣтали большее могущество и послѣ каждаго щастливаго успѣха надъ врагами, чувствовали возраждающуюся въ сердцахъ своихъ надежду возвратить прежнее свое достоянїе. — Часть Испанской Исторїи, заключающая въ себѣ описанїе сей междоусобной борьбы, показалась бы конечно слишкомъ утомительною и скучною для Читателей, по причинѣ сухаго своего единообразїя; и можно ли находить какое нибудь удовольствїе, когда не видимъ въ ней ничего болѣе, кромѣ сраженїй, осажденныхъ и взятыхъ городовъ и ужасныхъ кровопролитїй? Блескъ отличныхъ добродѣтелей, подобно сїянїю солнечнаго луча, проницающаго сквозь мрачныя и пасмурныя тучи, озаряющїй иногда сїе ужасное зрѣлище, услаждаетъ нѣкоторымъ образомъ сердце наше, поражаемое непрестанно горестными явленїями. Неустрашимость, дерзающая на всѣ опасности и бѣдствїя, и твердость духа, презирающая самыя непреодолимыя преграды, появлялись попеременно у Христїянъ и у Мавровъ. Духъ рыцарства, господствовавшїй тогда въ Испанїи, производилъ самые удивительнѣйшїе подвиги.

Христїяне воспламенены были непреодолимымъ отвращенїемъ къ Магометанскому игу, и сїе чувство вдыхало въ нихъ величайшую твердость и безпримѣрное мужество, содѣлывало ихъ способными творить истинныя чудеса храбрости для распространенїя своихъ владѣнїй.

НОРМАНЦЫ. Норманцы, вышедъ изъ Скандинавїи, наполнили Европу новыми ужаснѣйшими злощастїями; убїйственный мечь сихъ дикихъ варваровъ, такъ сказать, пожиралъ беззащитныхъ ея жителей. Религїя Норманцевъ, самое отвратительнѣйшее произведенїе идолопоклонства, съ самаго младенчества питала въ нихъ страсть къ варварству и ненасытимой кровожадности. Оденъ или Водинъ, верховное божество ихъ и главный предметъ народнаго поклоненїя, былъ, по ихъ мнѣнїю, богъ ужасовъ, причина опустошенїй и отецъ кровопролитїй; сїи варвары воздавали ему поклоненїе, сходное съ понятїемъ о его качествахъ. Нерѣдко самая кровь человѣческая дымилась на жертвенникахъ сего истукана: ибо Норманцы были увѣрены, что пролитїе крови ратниковъ было самою прїятнѣйшею для него жертвою. Награда, которой ожидали они себѣ въ будущей жизни, состояла въ томъ, что бо-

жество приметЪ ихЪ вЪ великолѣпные свои чертоги; что они станутЪ пить тамЪ самыя сладчайшія вина изЪ череповЪ своихЪ непріятелей, и прочее. Надежда наслаждаться сими чувственными удовольствіями вдыхала вЪ нихЪ самое ужаснѣйшее неистовство и дикое изступленіе; они стремились на всѣ опасности, сЪ готовностію переносили всякіе труды и тягости, и сЪ веселіемЪ встрѣчали самую смерть. „Наши воины (говоритЪ одинЪ изЪ „ихЪ ПоэтовЪ), стремящіеся кЪ смерти, ищутЪ „ее и сЪ радостію бросаются вЪ объятія. „Естьли кто изЪ нихЪ получитЪ на сраженіи „смертельную рану, то при самомЪ паденіи „своемЪ смѣется и умираетЪ.“ Дабы воспрепятствовать быстрымЪ успѣхамЪ сихЪ варваровЪ, потребны были мужество, строгая дисциплина, совершенное взаимное согласіе и добродѣтель. КЪ нещастію, Европа представляла совсѣмЪ противное зрѣлище: тогда повсюду господствовали одни неустройства, раздорЪ и пороки.

Норманцы, переходя изЪ одного Государства вЪ другое, производили вездѣ ужаснѣйшія грабительства; казалось, что страхЪ оковалЪ руки у всѣхЪ народовЪ: ибо сіи неистовые варвары долгое

время дѣлали такія разбойническія опустошенія, не встрѣчая нималѣйшаго сопротивленія. Повсемѣстное неустройство, царствовавшее тогда въ Европѣ, весьма много благопріятствовало ихъ успѣхамъ, и наконецъ доставило имъ удобный случай поселиться во Франціи. Ролло, одинъ изъ ихъ военачальниковъ, мужъ, достойный быть основателемъ Государства, опустошавъ долгое время приморскія провинціи Европы, вступилъ наконецъ во Францію, овладѣлъ Руеномъ, сильно укрѣпился въ семъ городѣ, распространилъ свои владѣнія, и въ короткое время пріобрѣлъ такое могущество, что заставилъ трепетать сосѣдственныя Государства. Карлъ Простой, царствовавшій тогда во Франціи, желая отвратить угрожавшую ему погибель, предложилъ Роллѣ въ замужство собственную дочь свою и сверхъ того въ приданое провинцію Невстрію, которая съ тѣхъ поръ стала быть извѣстною подъ названіемъ Нормандіи, по имени новыхъ ея жителей. Спустя нѣсколько времени Ролло получилъ еще Бретань; послѣ сего онъ призналъ себя васалломъ Карла Простаго; принявъ Христіянскую религію, онъ содѣлался законодателемъ и образователемъ своихъ подданныхъ и явилъ себя истинно достойнымъ занимать престолъ.

ПРИЧИНЫ ПЕРЕВОРОТОВЪ. Имперія Карла Великаго разрушилась и своимъ разрушеніемъ перемѣнила видъ Европы. Изъ ея огромныхъ развалинъ образовались многія могущественныя Государства и независимыя владѣнія. Какія же причины произвели сей переворотъ? — Необъятная обширность Имперіи Карла Великаго весьма много содѣйствовала къ ея паденію. Машина, составленная изъ многихъ разнородныхъ частей, не можетъ сохраниться долгое время, естьли дѣйствіями ея не будетъ управлять такой мастеръ, которому всѣ малѣйшія части ея извѣстны въ совершеннѣйшей подробности, который знаетъ истинное ихъ употребленіе и настоящее каждой мѣсто. Напротивъ того, въ рукахъ человѣка неискуснаго и неопытнаго сія многосложная машина скоро приходитъ въ разстройство, пружины ослабѣваютъ, она перестаетъ совершенно дѣйствовать и наконецъ разрушается. Вотъ истинное изображеніе правленія слишкомъ обширнаго Государства. Въ то время, когда Имперія Карла Великаго одушевляема была дѣятельностію, благоразуміемъ и искусствомъ сего великаго человѣка, тогда все шло наилучшимъ порядкомъ; но когда смерть пресѣкла жизнь сего знаменитаго Мужа, и правленіе

перешло въ руки неблагоразумныхъ и слабыхъ его преемниковъ, то сія мудрая гармонія скоро пришла въ разстройство. Правители отдаленныхъ провинцій забыли, что они имѣютъ только временную власть; имъ не трудно было привлечь на свою сторону находившіяся подъ ихъ начальствомъ войска и пріобрѣсти довѣренность тѣхъ людей, которыми управляли они съ кротостію и снисхожденіемъ. Столь привлекательныя приманки къ сверженію съ себя тягостной зависимости наконецъ дѣйствительно возбудили въ нихъ желаніе исполнить сіе предпріятіе. Чувствованіе законной должности заглушаемо было честолюбіемъ и непреодолимымъ желаніемъ властвовать надъ другими. Въ такихъ случаяхъ естьли одинъ возмутится, то его примѣру послѣдуютъ и многіе другіе. Машина, приведенная сими насильственными потрясеніями въ крайнее разстройство, начала клониться къ разрушенію и наконецъ дѣйствительно пала. Тогда всѣ устремились на разхищеніе ея остатковъ. Такимъ образомъ какъ скоро Государство достигло уже извѣстной степени могущества, то каждый дальнѣйшій шагъ, дѣлаемый къ его распространенію, будетъ единственно приближать его къ паденію.

Неспособность преемниковъ Карла Великаго къ государственному правленїю была, неоспоримо, второю причиною, содѣйствовавшею къ паденїю сей Имперїи. Чѣмъ Государство обширнѣе, тѣмъ болѣе правительство его должно клониться къ деспотизму. Власть самодержавная и независимая отъ законовъ часто превращается въ тираннїю; сїе бываетъ причиною многихъ несправедливыхъ поступковъ со стороны Государей, которые раздражаютъ подданныхъ; они начинаютъ ненавидѣть своихъ жестокихъ властелиновъ и наконецъ помышляютъ о томъ, чтобы свергнуть сїе тягостное иго невольничества. Государь, имѣющїй деспотическую власть, начинаетъ иногда такїя предпрїятїя, которыя возбуждаютъ противъ него всеобщее негодованїе и покрываютъ его величайшимъ поношенїемъ. Самодержавная власть усыпляетъ его дѣятельность и заставляетъ его предаваться нѣгѣ; нѣга и бездѣйствїе навлекаютъ ему презрѣнїе подданныхъ, отъ котораго раждаются безпокойства и мятежи. Преемники Карла Великаго большею частїю были Государи слабые, и потому необходимо надобно было ожидать переворота. Сверхъ того

Норманцы нанесли Имперїи Карла Великаго глубокую рану. Сей великїй человѣкъ зналъ,

какимъ образомъ удерживать ихъ отъ набѣговъ и грабительствъ; въ царствованіе же Людовика Кроткаго они безбоязненно опустошали и истребляли все, что ни попадалось имъ на пути, и всякой разъ уходили съ великими добычами. При Карлѣ Плѣшивомъ дерзость сихъ варваровъ дошла до высочайшей степени: они разграбляли и выжигали цѣлые города и селенія, которыя встрѣчали на пути, и безпечное правительство, какъ бы погруженное въ глубокій сонъ, не принимало никакихъ мѣръ для защищенія Государства отъ сихъ дерзкихъ опустошителей. Вмѣсто того чтобы отражать ихъ силою оружія и дикому неистовству варваровъ противопоставить мужество, вмѣсто того, говорю я, оно прибѣгало къ постыдной помощи денегъ, которыми покупало у нихъ отшествіе изъ предѣловъ Государства; но сія подлая защита малодушія обращалась ко вреду самаго правительства: ибо, видя, сколь легко могли они получать богатую добычу, ихъ ненасытимая жадность къ корысти болѣе и болѣе отъ того раздражалась и заставляла ихъ снова возвращаться съ многочисленнѣйшими силами. Столь долговременныя страданія и непрестанно возобновляемыя хищенія варваровъ возбудили въ народѣ непримиримую ненависть

къ безпечному правительству и совершенное презрѣніе къ малодушнымъ своимъ властелинамъ. Раздраженные подданные рѣшились наконецъ изторгнуть скипетръ изъ рукъ такихъ Государей, которые носили одно только пустое титло и не въ состояніи были защищать его.

ПРАВЛЕНІЯ. Правленіе въ Имперіи Карла Великаго испытало большія перемѣны. Въ царствованіе сего великаго Мужа оно было почти совершенно монархическое. Національныя дѣла разсматриваемы были въ собраніяхъ, подъ собственнымъ его предсѣдательствомъ. Хотя Карлъ Великій имѣлъ власть неограниченно - самодержавную, однакоже повелѣнія его тогда только пріобрѣтали силу законовъ, когда одобрены были большинствомъ голосовъ. Законодательная власть находилась въ рукахъ народа въ соединеніи съ Государемъ. Но съ того времени какъ народныя собранія уничтожились и Государь присвоилъ себѣ одному всю исполнительную власть, тогда сіи двѣ прежде раздѣленныя силы соединились и составили одну; такимъ образомъ Государь сдѣлался единственнымъ источникомъ, изъ котораго проистекали всѣ низшія власти. При

Людовикѣ Кроткомъ правленїе опять перемѣнилось, и олигархїя (или правительство, въ которомъ извѣстное число людей управляли Государствомъ по волѣ страстей своихъ и наблюдая единственно личныя свои выгоды) заступила мѣсто прежняго. Царская власть при преемникахъ Карла Великаго совершенно разрушилась и права народныя уничтожились. Въ сїе-то время появился тотъ необыкновенно-странный образъ правленїя, который спустя нѣсколько времени распространился по всѣмъ Государствамъ Европы и заразилъ ихъ своимъ пагубнымъ духомъ анархїи, — появилась феодальная система. Анархїя произвела грабительства и насильства; частныя междоусобїя сдѣлались обыкновенными и почти ежедневными произшествїями; феодальные Бароны, каждый въ сопровожденїи подвластныхъ ему васалловъ, рѣшили споры свои не иначе, какъ сраженїемъ; поединки позволены были закономъ и даже подведены подъ нѣкоторыя правила. При столь нелѣпой системѣ правленїя верховная власть находилась въ рукахъ нѣсколькихъ главныхъ похитителей, которые имѣли еще у себя нѣсколько младшихъ; рабство сдѣлалось всеобщимъ, и всѣ высокїя правила патрїотизма и добродѣтели совершенно наконецъ изчезли

къ семъ смутномъ хаосѣ безначалїя. Европа представляла взорамъ ужасное зрѣлище кровопролитїй; гражданинъ ничѣмъ болѣе не занимался, ничего болѣе не зналъ, кромѣ искусства нападать и защищаться отъ враговъ своихъ; и потому не только исполненїе законовъ, но и самые даже законы преданы были совершенному забвенїю и презрѣнїю; преступникъ продолжалъ злодѣйствовать, не страшась наказанїя. Правительство Константинопольской Имперїи было равнымъ образомъ слабое, непостоянное и деспотическое. Войско, народъ и Сенатъ попеременно похищали другъ у друга право располагать престоломъ; тогда злодѣйство служило путемъ къ коронѣ. Естьлибъ сравнить нынѣшнее наше правленїе, подъ сѣнїю котораго наслаждаемся мы совершеннымъ спокойствїемъ, съ правительствомъ феодальной системы того времени, когда она господствовала въ Европѣ въ полной своей силѣ, то мы почувствовалибъ всю великость нашего благополучїя. Въ тогдашнїй, можно сказать, желѣзный вѣкъ каждый начальникъ или предводитель народа, подъ именемъ Императора, Короля, или Герцога, имѣлъ еще въ своей зависимости многихъ младшихъ владѣтелей, которые назывались его васаллами; и Герцоги, Графы и

Бароны показывали предъ нимъ одинъ только наружный видъ подчиненности. Имѣя неограниченную власть въ собственныхъ своихъ владѣнїяхъ, они деспотически господствовали надъ тѣми, которые непосредственно отъ нихъ зависѣли. Всякой Лордъ въ принадлежавшихъ ему земляхъ былъ совершенный Государь; народъ же не что иное, какъ рабы. Безчисленное множество сихъ малыхъ тиранновъ, провождая дни свои въ укрѣпленныхъ Замкахъ, ни чѣмъ болѣе не занимались, кромѣ междоусобныхъ браней и грабительствъ. Они опустошали земли своихъ противниковъ, уводили съ собою ихъ невольниковъ и стада, словомъ, похищали все, что ни встрѣчали на пути. Сїи феодальные Бароны, не довольствуясь еще столь неограниченною свободою, требовали, чтобъ имъ безпрепятственно позволено было грабить на большихъ дорогахъ, проходившихъ чрезъ ихъ владѣнїя, и съ каждаго путешественника брать пошлину за пропускъ, называя сїе священнымъ правомъ владѣтелей; кромѣ сего они ввели самые нелѣпые, варварскїе и противонравственные обычаи.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО. Хотя Карлъ Великїй и Алфредъ неусыпно старались и упо-

требляли всѣ возможныя средства, дабы возстановить совершенно упадшее законодательство; однакоже они успѣли въ своемъ предпріятіи только частію: ибо Европа находилась еще въ чрезвычайномъ невѣжествѣ и варварствѣ. Къ нещастію, все, что ни произвели сіи великіе люди, погибло вмѣстѣ съ ихъ кончиною; народы снова погрузились въ ужасный мракъ заблужденій; законы, изданные первымъ, и мудрыя учрежденія, сдѣланныя вторымъ, произвели весьма слабое дѣйствіе. Законодательство, существовавшее въ Европѣ въ продолженіе сего періода, отличается такою нелѣпостію, которая превосходитъ всякое вѣроятіе. Духовенство присвоивало себѣ право разбирать тяжебныя дѣла, подъ тѣмъ предлогомъ, что гражданскія права людей непосредственно соединены съ вѣрою. Всѣ договоры заключаемы были въ то время клятвою; а какъ клятва значитъ призываніе во свидѣтели Бога, то по сей причинѣ они и утверждали, что всѣ договоры и условія, дѣлаемыя людьми между собою, должны подлежать единственно духовному суду. Такимъ образомъ приговоръ, положенный ими въ разсужденіи развода, почитался рѣшительнымъ. Многочисленныя собранія Епископовъ почти ничего болѣе не дѣлали, кромѣ, подъ

самыми ничтожными предлогами, разлучали мужа съ женою. Супружество въ то время было весьма ненадежнымъ состоянїемъ, и жена должна была ежеминутно страшиться потерять своего мужа. Духовенство, свергнувъ съ себя подчиненность гражданскому суду, безбоязненно предавалось всякимъ распутствамъ; но сего недовольно: будучи увѣрено, что не подвергнется никакому наказанїю или, по большой мѣрѣ, весьма слабому, оно нерѣдко осмѣливалось даже дѣлать самыя ужаснѣйшїя преступленїя.

НРАВЫ ВЪ ДЕСЯТОМЪ И ОДИННАДЦАТОМЪ СТОЛѢТІЯХЪ. Можно утвердительно сказать, что нравы феодальныхъ праотцевъ Англичанъ не имѣли ни малѣйшей образованности, ни чистоты. Самые постыдные пороки, заговоры и измѣннические поступки были отличительнымъ характеромъ тогдашняго духовенства; — несправедливость, хищенїя, тиранство и величайшее распутство господствовали между дворянами; дикая свирѣпость и рабскїй страхъ, два главнѣйшїя свойства ума, уничиженнаго игомъ невольничества, — между простымъ народомъ; — вотъ истинное начертанїе нравовъ, бывшихъ тогда въ Европѣ. Нравы въ Греческой Импе-

рїи находились, естьли не въ худшемъ, то по крайней мѣрѣ въ такомъ же состоянїи: ибо Греки ко всѣмъ вышеупомянутымъ порокамъ присоединяли ужасный фанатизмъ. Казалось, что человѣколюбїе и справедливость удалились въ Багдадъ къ Магометанамъ, единственное убѣжище, которое имъ оставалось, и гдѣ сїи небесныя добродѣтели сохранялись весьма долгое время. Развращенїе нравовъ было и долженствовало быть неизбѣжнымъ слѣдствїемъ феодальной системы; воинственный духъ, повсюду господствовавшїй въ тѣ времена, положилъ первое тому основанїе. Феодальные Лорды, будучи въ безпрерывной между собою войнѣ, производили однѣ грабительства и опустошенїя: ибо симъ только средствомъ доставали они себѣ пропитанїе. Исторїя повѣствуетъ намъ, что въ сїи бѣдственныя времена разводы, хищенїя, разбойничества и всѣ возможные роды распутства и своевольничества были весьма обыкновенными произшествїями по тому болѣе, что первенствующее духовенство и дворянство подавали собою примѣръ къ таковымъ безпорядкамъ. Подробное описанїе дѣлъ, которыя въ продолженїе сего перїода происходили въ совѣтахъ различныхъ Государствъ, могло бы показать намъ, въ какой ужасной степени развра-

щенія находились тогда нравы; но довольно будетъ упомянуть здѣсь только нѣкоторыя произшествія, которыя были слѣдствіями грубости нравовъ, дабы привести въ содроганіе всякое чувствительное и человѣколюбивое сердце. Во Франціи, въ царствованіе Роберта, случился однажды такой ужасной голодъ, что не только вырывали мертвыя человѣческія тѣла, для употребленія ихъ въ пищу, но наконецъ дошли до такой степени звѣрства, что люди гонялись другъ за другомъ, какъ за дикими звѣрями, и пожирали живыхъ. Одинъ мясникъ въ Торунѣ продавалъ человѣческое мясо. Не далеко отъ Масоны найдено было между съѣстными припасами сорокъ восемь человѣческихъ головъ, которыхъ туловища употреблены были въ пищу *). О ужасъ! — И въ сіи-то времена изувѣрства и величайшаго развращенія въ Европѣ царствовала величайшая набожность. Духовенство проповѣдывало людямъ, что грѣхи очищаются не покаяніемъ и добродѣтельною жизнію, но богатыми приношеніями въ церковь, и что тотъ, который внесетъ болѣе, признанъ искреннокающимся. Люди, обольщенные симъ ложнымъ ученіемъ, старались превзойти другъ друга въ любви къ церковному благу: одни строили

(*) Вольтеръ.

монастыри, другїе церкви; иные предпринимали путешествїя ко святымъ мѣстамъ; многїе занимались единственно отысканїемъ мощей; отлученїе отъ церкви казалось столько же ужаснымъ наказанїемъ для просвѣщеннаго, какъ и для невѣжды.

РЕЛИГІЯ ВЪ ДЕСЯТОМЪ И ОДИННАДЦАТОМЪ СТОЛѢТІЯХЪ. Хотя Христїянская религїя мало помалу истребила господствовавшїй во всѣхъ странахъ Европы мракъ идолопоклонства, однакоже страсти и предразсудки людей въ скоромъ времени обезобразили Божественное ученїе и чистѣйшїя правила откровенїя. Въ десятомъ и одиннадцатомъ столѣтїяхъ находилось весьма малое число такихъ людей, которые достойны были бы названїя Христїянъ; всѣ же прочїе хотя и присвоивали себѣ сїе священное имя, но Богопочитанїе ихъ преисполнено было такими же ужасными нелѣпостями и суевѣрїемъ, и родъ жизни ихъ былъ столь же дикїй и необузданный, какой провождали прежде идолопоклонные ихъ праотцы. Христїянская церковь признавала надъ собою двухъ главныхъ начальниковъ: Патрїархъ Константинопольскїй управлялъ Восточною, а Папа Римскїй господствовалъ, еще съ большимъ деспотизмомъ, надъ Западною.

Споръ о поклоненіи иконамъ, происходившій между такъ называемыми иконоборцами и монахами, произвелъ въ Восточной церкви междоусобную злобу, мятежи и кровопролитія. Обѣ противоборствовавшія стороны, смотря по тому, которая изъ нихъ одерживала преимущество, отлучали отъ церкви, заключали въ темницу, изгоняли и предавали смерти тѣхъ, которые несогласны были съ ихъ мнѣніями. Въ сіе же самое время на Западѣ свирѣпствовала богословская война. Монахъ, именемъ Гоѳескалъ, спорилъ противъ предопредѣленія. Его немедленно потребовали предъ духовный соборъ; онъ явился, и Гинкмаръ, Реймскій Епископъ, осудилъ сего нещастнаго на самое жесточайшее наказаніе, не смотря на то, что онъ отвергалъ всѣ преступленія, которыя приписывали ему враги. Послѣ того другой монахъ, по имени Пасказій Раѳбертъ, началъ оспоривать дѣйствительное присутствіе І. Х. въ Святомъ Причастіи; противъ него возстали два монаха, Рабанусъ и Ратрамнусъ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что послѣдніе были совершенно справедливы; не смотря на то, между ними родился сильный споръ, сопровождаемый многими непристойными и неосновательными вопросами, и наконецъ (слѣдствіе слабо-

сти человѣческаго ума) воспылала ненависть и гоненія. Тамъ, гдѣ царствуетъ невѣжество, тамъ господствуютъ и безчисленныя заблужденія; первое сильно дѣйствуетъ на распространеніе послѣднихъ, которыя, вкрадываясь въ религію, обезображиваютъ божественную красоту ея. Люди не умѣли тогда ни читать, ни писать. Духовенство, между которымъ сохранялись еще нѣкоторые слѣды прежняго просвѣщенія, похитило все, свергнуло съ себя подчиненность гражданскимъ законамъ и учредило такое судопроизводство, которое произвело весьма пагубныя слѣдствія для послѣднихъ. Но сего недовольно: самый Римскій престолъ оскверняемъ былъ позорнѣйшими пороками. Двѣ распутныя женщины управляли Папами съ неограниченною властію; по своей волѣ распоряжали церковными достоинствами, и своими неистовыми поступками разрушали святость клятвы и истребляли всякую общественную связь. Папы и Епископы присвоили себѣ самовластное духовное владычество надъ свѣтомъ; слабые же, суевѣрные и невѣжествующіе Государи благопріятствовали распространенію онаго и добровольно ему подвергались. Хотя въ продолженіе сего періода повсюду царствовалъ ужаснѣйшій мракъ невѣжества, однакоже и въ сіе время по-

являлись иногда просвѣщенные люди. Враги обвиняли ихъ въ ереси, потому что обширныя и чистѣйшія познанія ихъ противны были нелѣпымъ заблужденіямъ Римской церкви. Дабы возбудить противъ нихъ всеобщую ненависть, они называли ихъ Манихейцами и приписывали такія мнѣнія и преступленія, которыя никакъ не могутъ быть совмѣстными Природѣ человѣческой; все преступленіе ихъ, кажется, состояло въ томъ только, что они слѣдовали убѣжденіямъ собственнаго своего разума и отвергали то, что противно Христіянской религіи. Изъ числа сихъ просвѣщенныхъ людей тридцать сдѣлались жертвами своего разума и, по приговору Орлеанскаго собора, сожжены въ присутствіи Роберта и жены его Констанціи.

Невѣжество, господствовавшее въ десятомъ и одиннадцатомъ столѣтіяхъ, весьма много содѣйствовало къ укорененію заблужденій въ народѣ. Исторія представляетъ тому многія доказательства. Нѣкоторый Италіянскій дворянинъ преданъ былъ смерти за то, что хотѣлъ обезчестить Марію Аррагонскую, супругу Императора Оттона III го. Вдова сего нещастнаго дворянина требовала позволенія торжест-

венно доказать невинность своего мужа и сдѣлала сїе слѣдующимъ образомъ: взявъ голою рукою кусокъ разкаленнаго желѣза, она держала его до тѣхъ поръ, какъ приказывали судьи, которые, не нашедши послѣ на рукѣ ея нималѣйшаго знака обжеги, почли сїе неоспоримымъ доказательствомъ справедливости ея утвержденїя; Императрицу сожгли на кострѣ живую, и не только въ то время, но даже нѣсколько лѣтъ спустя, вѣрили сему нелѣпому обману столько же, какъ и Евангелїю. Подобное же приключенїе случилось съ Кунегундою, супругою Императора Генриха, которая, по словамъ Историковъ, принуждена была пройти босыми ногами по десяти разкаленнымъ желѣзнымъ полосамъ, и однакоже не причинила себѣ ни малѣйшаго вреда. Извѣстный поступокъ Петра Альдобрандина, монаха изъ города Павїи, служитъ разительнымъ доказательствомъ грубаго невѣжества и слѣпаго легковѣрїя тогдашнихъ временъ. Валломбрезскїе монахи обвиняли своего Епископа въ различныхъ преступленїяхъ, и дабы доказать истинну своего доноса, то просили позволенїя подвергнуться торжественному Божескому суду посредствомъ огня. Получивъ соизволенїе на свою просьбу, одинъ изъ сихъ монаховъ, по имени Петръ Альдобрандинъ,

взявши крестъ въ правую руку и надѣвши обыкновенную свою одежду, взошелъ на пылающій костеръ босыми ногами и ходилъ по оному отъ одного угла къ другому, не причинивъ ни-малѣйшаго вреда ни самому себѣ, ни платью. Но сего недовольно: говорятъ, что сей чудесный саламандръ Альдобрандинъ спрашивалъ еще у судей своихъ, до коихъ поръ прикажутъ ему стоять на кострѣ, и что потомъ, сошедши съ онаго, онъ опять возвращался для того, чтобы вынуть изъ огня оставленную имъ тамъ мантію. Credat Judeus Appella! Прогулки сего монаха въ огнѣ суть ничто иное, какъ достойное посмѣянія арлекинство, которое показываетъ безстыдство актера и грубое невѣжество зрителей.

Нелѣпые обычаи, которые въ продолженіе сего періода повсемѣстно господствовали на Западѣ, обезобразили все, что ни было достопочтеннаго и великаго въ Христіянской религіи. Въ сіе-то время умственнаго усыпленія во многихъ Западныхъ церквахъ отправляемы были праздники дураковъ и ословъ. Въ день, назначенный для торжествованія сего обряда, одинъ какой нибудь человѣкъ, принимавшій пышное титло Епископа дураковъ, съ книгою въ рукѣ

и въ великолѣпной духовной одеждѣ торжественно въѣзжалъ на ослѣ въ самую церковь. Намѣренїе, съ которымъ установленъ былъ сей праздникъ, неизвѣстно; можетъ быть, въ воспоминанїе вшествїя Спасителя нашего во Їерусалимъ, или чтобъ доставить глупую забаву для народа, который во время отправленїя сего страннаго торжества танцовалъ въ самой церкви, ѣлъ и пилъ на олтарѣ и дѣлалъ другїя неблагопристойныя дурачества. Европейская Исторїя сихъ временъ изобилуетъ подобными чудесными произшествїями. Преданїе говоритъ, что одинъ Нѣмецкїй святой былъ предъ армїею Императора Оттона въ то время, когда сей Государь готовился напасть на Французское Королевство. Не смотря однакоже на предвѣщанїя и покровительство сего святаго, Оттонъ былъ совершенно разбитъ и армїя обращена въ бѣгство. Почти около сего же времени Св. Францискъ сражался вмѣстѣ съ своими соотечественниками и нѣсколько разъ обращалъ въ бѣгство многочисленныя войска ихъ непрїятелей. Когда славные Испанскїе Альфонсы одерживали какую нибудь знаменитую надъ Маврами побѣду, то народъ обыкновенно приписывалъ сїе не отличному ихъ мужеству и благоразумїю, но покровительству

Св. Іакова, который, по словамъ ихъ, предводительствовалъ Христїянами и разъѣзжалъ предъ армїею на бѣлой лошади. Представленные мною примѣры служатъ достаточнымъ доказательствомъ, какое грубое суевѣрїе господствовало въ тогдашнїя времена; дальнѣйшее оныхъ вычисленїе могло бы утомить и наскучить Читателямъ.

НАУКИ ВЪ ДЕСЯТОМЪ И ОДИННАДЦАТОМЪ СТОЛѢТІЯХЪ. Невѣжество есть врагъ просвѣщенїя. Когда человѣкъ не былъ еще воспламененъ благороднымъ желанїемъ свергнуть съ себя тяжкое его бремя, въ то время онъ презиралъ и, слѣдуя внушенїю дикой своей грубости, истреблялъ все, что могло способствовать къ собственному его просвѣщенїю. Знаменитый Гербертъ основалъ въ Реймсѣ Математическую школу, въ которой самъ обучалъ молодыхъ людей начальнымъ основанїямъ сей науки. Математическїя познанїя свои прїобрѣлъ онъ у Испанскихъ Арабовъ. По смерти сего великаго Мужа неистовый и непросвѣщенный народъ поступилъ съ хладными останками его самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, потому что почиталъ его колдуномъ. Невѣжды обвиняли Герберта, будто онъ имѣлъ тайныя сношенїя съ дьяволомъ, который, поймавъ его въ свои когти, не хотѣлъ отпустить на

волю. Такое нелѣпое обвиненїе служитъ сильнѣйшимъ доказательствомъ, сколь далеко предупредилъ онъ и превзошелъ своимъ генїемъ тотъ вѣкъ, въ которомъ существовалъ. Важная государственная степень, которую занималъ онъ въ продолженїе своей жизни; обширныя познанїя въ Астрономїи и Математикѣ; полезные инструменты, изобрѣтенные имъ для облегченїя учащимся въ усовершенствованїи себя въ сихъ наукахъ, были въ тогдашнїя мрачныя времена невѣжества достаточными причинами для того, чтобы прослыть въ народѣ колдуномъ. Схоластическїй образъ ученїя, который болѣе затрудняетъ, нежели споспѣшествуетъ успѣхамъ, и въ которомъ духовныя науки смѣшаны съ свѣтскими, былъ преимущественно тогда употребляемъ. Краснорѣчїе сихъ временъ было ничто иное, какъ напыщенное пустословїе, состоявшее изъ однѣхъ холодныхъ аллегорїй, разногласныхъ и одно другому противорѣчущихъ изображенїй, набросанныхъ въ кучу и въ величайшемъ безпорядкѣ. Архитектура, скульптура и живопись находились также въ самомъ грубомъ состоянїи. Готическїй вкусъ исключительно господствовалъ тогда во всѣхъ Государствахъ; нѣкоторыя строенїя сего рода еще и нынѣ существу-

ютъ; художникъ удивляется въ нихъ смѣлости и нѣкоторому величеству, но не находитъ ни правильности, ни пріятнаго и хорошаго расположенія, ни вкуса. Многочисленныя орды Турокъ, покоривъ власти своей Восточныя Государства, истребили процвѣтавшія тамъ науки. Константинополь, Испанія и Великій Каиръ оставались единственными мѣстами, гдѣ еще примѣтны были нѣкоторые слѣды прежняго просвѣщенія; Авиценна, славнѣйшій изъ Арабскихъ ученыхъ тогдашняго времени, былъ преимущественно извѣстенъ по своимъ обширнымъ знаніямъ и искусству во Врачебной Наукѣ.

ИСТОРІЯ НЕУПОМЯНУТЫХЪ ВЫШЕ НАРОДОВЪ. Въ Исторіи Сѣверныхъ Европейскихъ Государствъ, до начала десятаго столѣтія, не находимъ мы никакихъ удовлетворительныхъ описаній касательно образа ихъ правленій и нравовъ. Намъ извѣстно только то, что въ Россіи, Даніи, Швеціи, Польшѣ, Венгріи и Богеміи общественность не достигла еще той степени утонченія, на которой находилась она въ Европейскихъ Государствахъ, стоявшихъ ближе къ Югу. Лѣтописи оныхъ народовъ съ вышеупомянутаго времени пере-

стаютЪ быть темными и несправедливыми. ВЪ началѣ сего перїода появился у нихЪ гораздо лучшїй и болѣе постоянный образЪ правленїя, и они начали имѣть довольно обширныя сношенїя сЪ прочими странами Европы. ВЪ одиннадцатомЪ столѣтїи мало по малу разсѣялся скрывавшїй ихЪ деракЪ ничтожества и неизвѣстности. Польша приняла Христїянскую вѣру. ОттонЪ Великїй возвысилЪ ее на степень Королевства и возвелЪ на престолЪ Болеслава I го, который своими мудрыми поступками скоро прїобрѣлЪ любовь подданныхЪ; подЪ его правленїемЪ они наслаждались совершеннымЪ спокойствїемЪ и щастїемЪ, и были страшными для сосѣдей. ОнЪ покорилЪ скипетру своему Моравїю и Силезїю, которыя потомЪ чрезЪ неблагоразумное поведенїе сына его Мячислава II го опять были потеряны. По кончинѣ сего Государя Поляки взбунтовались и изгнали нещастную вдову его и юнаго сына Казимїра I го, который принужденЪ былЪ раздѣлять сЪ своею матерью ея бѣдственную участь. Не имѣя другаго убѣжища, онЪ удалился вЪ Клюгнинское Аббатство, что во Францїи, и вступилЪ вЪ монашеское званїе. Спустя нѣсколько времени КазимїрЪ снова призванЪ былЪ на царство своими подданными

и показалъ себя столь же великимъ Государемъ, сколь добродѣтельнымъ былъ монахомъ. Болеславъ IIй, сынъ Казиміра, принудилъ Россіянъ платить себѣ дань, возвратилъ Моравію и Силезію и оказалъ великодушное покровительство Королю Богемскому. Въ сіе время Польша находилась на высочайшей степени своей славы. Но блескъ сего Королевства изчезъ, такъ сказать, мгновенно отъ одного непредвидѣннаго случая, и самъ Болеславъ испыталъ горестную участь и поразительный переворотъ фортуны. Неизвѣстно, по какому случаю произошла однажды сильная распря между нимъ и нѣкоторымъ Краковскимъ Епископомъ, которая кончилась наконецъ тѣмъ, что послѣдній торжественно отлучилъ Короля отъ церкви. Болеславъ, будучи объ этомъ увѣдомленъ, пришелъ въ ужасное бѣшенство, немедленно устремился въ церковь и при подножіи самаго престола умертвилъ Епископа собственною рукою. Славный Григорій VIIй, предъ которымъ трепетали всѣ Монархи и всѣ народы, находился въ сіе время на Папскомъ престолѣ. Убійство священнослужителя воспламенило въ немъ величайшій гнѣвъ; онъ вознамѣрился наказать сей дерзостный поступокъ примѣрнымъ для всего свѣта образомъ, и громъ Капитоліи поразилъ вдругъ и

Короля и народъ. Гильдебрантъ свергнулъ потомъ Болеслава съ престола и лишилъ Польшу титла Королевства. Злощастный Государь, гонимый суевѣрными своими подданными, не видѣлъ другаго для себя спасенїя, какъ переодѣваться въ различныя платья и, среди ежечасно окружающихъ его опасностей, искать скрытнаго убѣжища въ чужой землѣ; но неистовая злоба духовенства не преставала преслѣдовать его повсюду, и Герцогъ Богемїи, тотъ самый, которому въ нещастныхъ его обстоятельствахъ сдѣлалъ Болеславъ великодушное вспомоществованїе, оказалъ при семъ случаѣ такую подлую неблагодарность, что отказался дать ему убѣжище. Изгнанный изъ отечества, скитаясь изъ мѣста въ мѣсто, изъ одной страны въ другую, онъ пришелъ въ такое отчаянное положенїе, что принужденъ былъ наконецъ приняться за самыя низкїя работы, дабы достать себѣ пропитанїе; шайка разбойниковъ прекратила бѣдственную жизнь его и страданїя. Польша преобразована была въ Герцогство, лишилась прежней блестящей славы своей и перестала играть важную ролю между народами Европы. Въ сїи времена духовнаго деспотизма малѣйшая распря съ сими людьми могла произвести самыя

непрїятныя и опасныя слѣдствїя для коронованныхъ главъ.

Титло Королевства, потерянное Польшею, перешло, по волѣ Императора, къ Герцогу Богемскому. Ратиславъ, первый Король ея, покорилъ скипетру своему Моравїю, Силезїю и часть Польши. — Около сего же времени Венгрїя свергнула съ себя, такъ сказать, иго идолопоклонства. Геизъ принялъ Христїянскую религїю и посредствомъ хорошихъ законовъ старался смягчить дикїе нравы своихъ подданныхъ; сынъ его Стефанъ, продолжая слѣдовать по стезямъ мудраго отца своего, получилъ отъ Папы имя Венгерскаго Апостола. — Почти въ сїе же время Россїя приняла Христїянскую Греческую вѣру. Великїй Князь Владимїръ женился на Греческой Царевнѣ, принялъ ея религїю, и съ тѣхъ поръ Князья Россїйскїе начали имѣть гораздо тѣснѣйшую связь съ прочими Европейскими Государями. Генрихъ Iй, Король Французскїй, имѣлъ за собою въ супружествѣ Россїйскую Княжну.

Венецїянская республика въ продолженїе одиннадцатаго столѣтїя болѣе и болѣе возрастала въ богатствѣ и могуществѣ, которыхъ

источниками были обширное мореплаванїе и торговля. Она распространила послѣднюю во многїя Государства; а многочисленные флоты ея надѣляли Европу произведенїями Азїи. Венецїянскїе купцы владѣли въ сїе время несравненно большими богатствами, нежели который нибудь изъ самыхъ могущественнѣйшихъ Государей. Побѣды, которыя Венецїяне одержали надъ Венгерцами, показываютъ, сколь быстро возрасло ихъ могущество. Около сего же перїода жители Далмацїи, послѣ долговременнаго размышленїя и испытанїй, рѣшились признать надъ собою власть Венецїянъ, которые играли тогда важную ролю между первенствующими Государствами Европы. — Генуя, стенавшая подъ игомъ тиранновъ, разорвала наконецъ тяжкїя свои оковы, изгнала жестокихъ властелиновъ, вручила главное начальство Дожу, учредила Сенатъ, соорудила многочисленную морскую силу и, спустя потомъ нѣсколько лѣтъ, увидѣла себя въ состоянїи оспоривать у Венецїянъ владычество надъ Океаномъ и раздѣлять съ ними выгоды торговли.

ПЕРЕВОРОТЫ. Германїя въ продолженїе одиннадцатаго столѣтїя весьма много постра-

дала отъ неограниченнаго честолюбія своихъ Императоровъ, которые старались покорить Италію. Распри, происходившія между духовенствомъ и Имперіею, были причиною частыхъ возмущеній, которыя потрясли престолъ ея и наконецъ истребили подчиненность и уваженіе къ законной власти.

Переворотъ, случившійся во Франціи съ фамиліею Пипина и открывшій путь къ престолу для Гюга-Капета, произошелъ единственно отъ безразсудности Карла Толстаго, который раздѣлилъ свое Государство и за то самое лишился короны. Преемники его потеряли наибольшую часть своихъ владѣній, такъ что наконецъ одинъ только городъ Реймсъ и нѣсколько другихъ, весьма незначущихъ, оставались въ ихъ подданствѣ. Толико ничтожная власть не въ состояніи была долго управлять кормиломъ феодальнаго правленія, для котораго потребенъ былъ властелинъ гораздо могущественнѣе подчиненныхъ ему васалловъ. Они не въ силахъ были противиться нашествіямъ враговъ, большею частію грубыхъ варваровъ; не могли отвратить бѣдствій нерѣдко воспламенявшейся внутренней войны, ни принудить подданныхъ своихъ почитать ихъ званіе.

Столь очевидный недостатокъ въ власти, который былъ причиною многихъ безпорядковъ и мятежей, возбудилъ противъ нихъ всеобщую ненависть и презрѣніе народа. Ропотъ непрестанно усиливался. Пламя рѣшительнаго переворота нѣсколько времени тлѣлось подъ грознымъ пепломъ, и когда наконецъ оно вспыхнуло и разрушило совершенно старое колебавшееся зданіе, то благоразуміе повелѣвало предполагать, что тотъ, который долженъ на развалинахъ его воздвигнуть новое, гораздо величественнѣйшее и возвратить Французскому престолу древній, утраченный имъ блескъ, будетъ Гюгъ, одинъ изъ могущественныхъ Бароновъ Франціи, потому болѣе, что сей великій человѣкъ пользовался уже любовію народа, которую пріобрѣлъ онъ знаменитыми своими дѣлами. Духовенство, сіе опасное для Монарховъ сословіе, много содѣйствовало къ ускоренію сего переворота. Карлъ Лорренскій, законный преемникъ Людовика Vго, заключилъ однажды въ темницу нѣкотораго распутнаго священика. Духовенство почло сей поступокъ величайшимъ безчестіемъ для своего ордена, и вознамѣрившись отмстить ему самымъ чувствительнымъ образомъ, употребляло всѣ возможныя средства, дабы отвратить отъ него любовь народа. Въ семъ на-

мѣреніи они обратили вниманіе Французовъ на Гюга - Капета, какъ единственнаго защитника и подпору погибающаго Государства, стараясь всѣми силами побудить ихъ къ поднесенію ему короны. Сіе - то было главнѣйшею причиною той благодарности и почтенія, которыя Гюгъ и сынъ его имѣли всегда къ духовенству.

Въ Англіи равнымъ образомъ существовали особенныя причины, которыя содѣйствовали къ перевороту въ пользу Вильгельма Норманскаго. Англичане нѣсколько разъ прежде видѣли уже на тронѣ своемъ чужестранныхъ Государей, какъ - то: Саксонскихъ и Датскихъ, и потому не съ такимъ уже отвращеніемъ взирали на домогательство Вильгельма, какое, вѣроятно, чувствовали бы они къ нему въ противномъ случаѣ. Гарольдъ происходилъ не отъ Саксонскаго племени Королей; онъ овладѣлъ престоломъ въ противность правъ законнаго наслѣдника; и хотя въ то время не существовало еще никакихъ постановленій касательно преемничества, однакоже всѣ Англичане были внутренно удостовѣрены, что Эдгардъ Ателингъ имѣлъ гораздо основательнѣйшее преимущество предъ Гарольдомъ. По сей - то причинѣ они чувствовали нѣкоторое отвращеніе

къ его подданству; но не имѣя довольно къ тому силы, чтобы возвести на престолъ законнаго преемника, хотѣли лучше благопрїятствовать домогательству Норманца, нежели находиться подъ властїю Гарольда. Многїе изъ сильнѣйшихъ Барóновъ, которые почитали имѣть на Англинскую корону такое же право, какъ и Гарольдъ, не могли не чувствовать сильнаго негодованїя за сдѣланное ему предпочтенїе; но какъ сами они не могли уже надѣяться завладѣть престоломъ, то и рѣшились содѣйствовать къ перевороту въ пользу чужеземца. Благословенїе Папы превратило насильственное предпрїятїе Вильгельма въ справедливое; онъ тѣмъ болѣе могъ надѣяться въ успѣхѣ, что въ тѣ времена невѣжества и суевѣрїя благоволенїе или гнѣвъ Его Святѣйшества, имѣлъ сильное дѣйствїе надъ умами людей. Гарольдъ, пораженный проклятїемъ Папы, съ горестїю видѣлъ, что большая часть его подданныхъ оставили его сторону, какъ осужденнаго на погибель, въ то же самое время, когда Вильгельмъ, благопрїятствуемый благословенїемъ Рима, встрѣченъ былъ, какъ любимецъ Небесъ. Духъ тогдашняго времени, воинственные таланты Вильгельма и мужество его войскъ весьма много содѣйствовали къ успѣху

сего Норманскаго переворота. Главнѣйшею же причиною (которая, по моему мнѣнїю, также долженствуетъ быть упомянута въ Исторїи) было споспѣшествованїе Высочайшаго Провидѣнїя, которое съ толикою мудростїю располагаетъ жребїемъ человѣческихъ дѣлъ. Безразсудно было бы приписывать происходящїя между народами перемѣны и перевороты слѣпому случаю; не по его дѣйствїямъ происходятъ они, но по высочайшему предопредѣленїю Всемогущаго Правителя вселенной. Въ то время, когда намъ кажется, что сами люди распоряжаютъ дѣлами, въ то самое время невидимая десница Предвѣчнаго управляетъ ими. Время, предназначенное Имъ для сего переворота, уже наступило тогда, и Гарольдъ претерпѣлъ пораженїе и потерялъ жизнь; Вильгельмъ же взошелъ на престолъ Англїи.

Конецъ первой Части.